

В. ПЕВЛЕР (ВИЛЛИ)

ДЖУЗЕППЕ ГАРИБАЛЬДИ ГЕРОЙ ИТАЛЬЯНСКОГО НАРОДА

*С предисловием
Дж. ЯКОПО*

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1937

Настоящая книга показывает личность и всю сказочно-героическую борьбу Джузеппе Гарибальди за освобождение Италии от иностранных и местных поработителей и за воссоединение страны. Пользуясь конкретным историческим материалом национально-освободительного движения и героической борьбы, автор показывает Гарибальди как друга угнетенных и эксплуатируемых, как друга парижских коммунаров и итальянских рабочих.

Ред. И. Монько. Корректор Д. Дьяков. Тех. ред. Л. Кошуткина.

Сдано в набор 23/VIII 1936 г. Подписано к печати 7/II 1937 г.
Формат 82×110. Печ. л. 9 1/4. Зн. в печ. л. 32 000. Тир. 50 000 экз.

Огиз №1787. Заказ № 3711. Уполномоченный Главлита Б-31112.

Цена книги 95 к., переплет 50 к.

1-я Образцовая тип. Огиза РСФСР треста «Полиграфкинг».
Москва. Валовая, 28.

В лице Гарибальди у Италии был свой герой в античном духе, который мог творить — и творил чудеса...

Ф. Энгельс

ОТ АВТОРА

В истории Италии XIX века нет человека, которому Италия была бы больше обязана своим возрождением, чем Гарибальди. Деятельность этого народного героя является ярчайшей страницей в истории воссоединения Италии и освобождения ее от иностранных угнетателей.

Личность Гарибальди пользуется популярностью в широких массах Советского Союза. Образ этого великого плебея, героя итальянского народа, известен советскому читателю еще из выступлений лучших представителей нашей революционной демократии — Чернышевского и Добролюбова, которые глубоко восхищались им и учились у него революционной борьбе, называя его «представителем победоносной революции». Им восхищались также и герои гражданской войны. Дмитрий Фурманов в своем «Чапаеве» рассказывает, что наравне с книгами о Разине и Пугачеве, у которых Чапаев учился партизанскому искусству, он зачитывался и брошюрками о Гарибальди. В недавно вышедшей героической повести «Как закалялась сталь» Николай Островский рассказывает, что главный герой книги Павел Корчагин восхищался Гарибальди и преклонялся перед ним, заявляя: «Эх, если бы он теперь был, я к нему пристал бы». — Эта популярность Гарибальди вызвала необходимость создания его марксистской биографии, потребность в которой уже давно ощущается.

В предлагаемой работе автор сделал попытку дать марксистскую биографию Джузеппе Гарибальди, но он не ставил себе задачей изложение итальянской истории XIX века. Исторические факты освещаются здесь лишь постольку, поскольку они были неразрывно связаны с деятельностью Гарибальди. Автор приносит благодарность товарищу Дж. Якопо, давшему ему ряд ценных указаний в процессе работы над этой брошюрой.

В. Н.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Джузеппе Гарибальди до сих пор — самый популярный национальный герой Италии. Джузеппе Гарибальди, несмотря на свои слабости, был знаменитым человеком Европы и Америки XIX века. Про него говорили, что он был спасителем и освободителем Италии, героем Старого и Нового Света, рыцарем гуманности. Так его называли не только ветераны, его соратники в сотнях битв, но и десятки миллионов трудящихся всех стран, которые видели в нем благородного защитника свободы, национальной независимости и высшей социальной справедливости.

Маркс и Энгельс видели слабости Гарибальди и ограниченность его политического кругозора, но, несмотря на это, они возлагали на него (особенно в первое время) большие надежды, выражали свое глубокое восхищение им и защищали его не только от реакционеров и от умеренной клики кавуристов, но и от Мадзини. Энгельс расценивал экспедицию «тысячи» как самое большое военное предприятие XIX века и приветствовал в Гарибальди человека, способного высоко держать знамя итальянской революции. Маркс отмечал в нем, как характерную для итальянцев, тонкость ума Данте.

Лассаль спешит на далекий остров Капреру, чтобы предложить Гарибальди «высадить свои отряды на берег Далмации, поднять восстание в Венгрии и самому пойти на Вену», где по его призыву и по призыву социалистов «население тотчас же восстанет». Приводя

ответ Гарибальди («Скажите немецкому народу, что в ближайшую же весну постараюсь показать себя достойным моего прошлого»), Лассаль восклицает: «Дивные слова; да, он имел право сказать это».

Умеренный либерал Кавур, политический агент пьемонтской монархии и наиболее ловкий, наиболее опасный противник Гарибальди среди итальянцев того времени, старался раздавить революционный подъем легионов краснорубашечников Гарибальди, старался использовать этот подъем для целей конституционной монархии и отстранить Гарибальди. Но даже Кавур вынужден был уважать Гарибальди и восхищаться им.

Бисмарк был взбешен участием Гарибальди во франко-прусской войне 1870 года и при переговорах о перемирии требовал, чтобы о Гарибальди и его волонтерах не было и речи в условиях. «Я должен держать в своих руках этого Гарибальди, — сказал он, — потому что я хочу, чтобы его водили по улицам Берлина с надписью на спине: «Вот благодарность Италии». Но даже Бисмарк глубоко восхищался Гарибальди, считал его крупным стратегом и одной из самых благородных фигур XIX века. Прусские генералы (Кетлер и Мантейфель), которые в франко-прусской войне боролись против Гарибальди, указывали, что они побеждали именно потому, что командование французской армии не следовало советам Гарибальди.

В Италии, Франции, Германии, Венгрии, Польше, Англии и далекой Америке — повсюду во второй половине XIX века Гарибальди был очень популярным человеком.

В чем причины этой популярности и этой славы?

Гарибальди выступал «в эпоху краха феодализма и абсолютизма, в эпоху сложения буржуазно-демократического общества и государства, когда национальные движения впервые становятся массовыми, втягивают так или иначе все классы населения в политику...» (*Ленин, О праве наций на самоопределение, т. XVII, стр. 432*).

Гарибальди стал не только героем и освободителем итальянского народа, но и исторической фигурой миро-

вого значения. В известные моменты его имя становилось в Европе символом, знаменем борьбы с абсолютизмом и деспотизмом, с поповской реакцией и национальным угнетением. К нему обращались не только итальянцы различных политических течений, которые имели одну общую цель — освободить Италию от чужеземного ига и сделать ее свободным и независимым государством, но и угнетенные других стран. Каждая национальность, независимость которой была попорана, в своей освободительной борьбе обращала свои взоры на Гарибальди. К нему обращались поляки, венгерцы, немцы, ирландцы, украинцы — всегда, когда они должны были защищать или завоевывать свою независимость. И соответственно этому армия Гарибальди не была исключительно итальянской: и по своему составу и по своей идеологии она являлась интернациональной армией. Этот интернационализм армии Гарибальди имел своим следствием то, что после воссоединения Италии гарибальдийцы в своем большинстве примкнули к I Интернационалу. Сам же Гарибальди был страстным сторонником и защитником Интернационала и Парижской коммуны.

Слабым местом Гарибальди, как указывали Маркс и Энгельс, были его «практицизм», его недостаточно ясное понимание характера движения за национальное освобождение, главой которого он был. И это уменьшает ореол этой великой фигуры XIX века. Ленин в своей полемике с Розой Люксембург показал, к какому заблуждению может привести «практицизм» в национальном вопросе. В эпоху, когда политическое движение пролетариата было уже оформлено как самостоятельное, «политика пролетариата в национальном вопросе, — указывал Ленин, — лишь поддерживает буржуазию в определенном направлении, но никогда не совпадает с ее политикой». Ленин подчеркивает, что «практицизму буржуазии» в национальном вопросе пролетариат противопоставляет **п р и н ц и п и а л ь н у ю** политику», поддерживая буржуазию «лишь условно» (т. XVII, стр. 438—439).

В период, когда промышленный пролетариат в Италии был очень слаб и когда дело шло об уничтожении абсолютизма и иностранного ига, поддержка Гарибальди умеренных либералов — вплоть до пьемонтской монархии, которая в известной степени их представляла, — не была ошибкой (в принципе). Эта политика создания национального (народного) фронта всех сил страны против иностранного абсолютизма была положительной стороной в тактике Гарибальди — с точки зрения проведения в Италии действительной и последовательной национальной политики, чтобы не остаться в пределах ничтожных фраз и ненужных конспираций Мадзини. Ошибкой Гарибальди было то, что, осуществляя эту политику, он не сумел сохранить передовое демократическое движение, которое он возглавлял, как независимое движение; его ошибка состояла в том, что он позволял Кавуру и умеренным давать направление этому движению и взять функции гегемона в борьбе за национальную независимость. Отмеченные автором данной книги ошибки Гарибальди в его поездке в Ревербеллу к Виктору-Эммануилу, вступлении в «Национальное общество» Манина и др. не были бы ошибками, если бы Гарибальди сумел сохранить самостоятельность движения революционной демократии.

Позже, после битвы на Волтурно — финала эпопеи «тысячи» 1860 года, Гарибальди понял эту ошибку и выразил это в фразе, которая стала знаменитой: «Нас поставили в хвосте».

Необходимо отметить, что Гарибальди обнаруживал понимание значения крестьянского вопроса в национально-освободительном движении Италии, хотя и здесь у него не доставало ясности. Он понял, что для успешного ведения борьбы нужно иметь крестьянство на своей стороне, но не знал, как разрешить политически эту проблему. Он полагал, что в реакционной косности, в которой пребывало крестьянство (о котором он отзывался всегда с уважением как о наиболее трудовой части народа), виноваты попы. Отсюда он делал политический вывод, что всех попов — от первого до последнего — необходимо уничтожить. Он считал, что,

только уничтожив этих «черных жуков», можно будет привить крестьянам свободные идеи.

Когда крестьяне выступали против Гарибальди, он никогда не произносил ни одного слова против них, говоря, что они «сбиты с толку», «обмануты» и что он никогда не запятнает себя их кровью и не откроет против них огня, а ограничится только взятием их в «плен», и свой гнев он обрушивал на тех, кто их обманывает, — на попов.

Где бы Гарибальди ни появлялся, он сейчас же проводил мероприятия в пользу крестьян, но мероприятия частичные, которые могли только нейтрализовать их, но не делали их его союзниками. Гарибальди отлично понимал и неоднократно повторял, что, если бы он имел на своей стороне крестьян, враги «без труда были бы уничтожены и вынуждены были бы сложить оружие». Но пока существуют попы, которые их обманывают, «крестьяне никогда не дойдут до этого», и поэтому он довольствовался их нейтрализацией.

Поход «тысячи» — самый славный поход из всей эпопеи Гарибальди не только потому, что Гарибальди проявил себя здесь, по словам Энгельса, военным гением, но и потому, что политический замысел этого похода показал ту тонкую проницательность Гарибальди, которая заменяла недостававшую ему революционную теорию. В Сицилии власть феодалов была сильнее, была более зверской; крестьяне в Сицилии были настроены более воинственно, чем где бы то ни было, и выступали не только против власти Бурбонов, но и против тяжести налогов, которыми их облагали помещики. И именно в Сицилии Гарибальди предпринял решительный поход за возрождение Италии, и здесь крестьяне восставали и становились под его знамя. С помощью крестьян, вооруженных пиками, серпами, топорами, Гарибальди завоевал Сицилию, разбил 100 000 солдат неаполитанского короля. Гарибальди был в восторге. «Только в Сицилии, — говорил он, — было возможно сделать то, что мы сделали». Как сицилийский поход 1860 года, так и то, что и последующие походы Гарибальди предпринял в Сицилию, показывает

понимание им значения крестьянского вопроса в национальной революции. Однако Гарибальди, как и вся революционная демократия Италии, пришел слишком поздно к этому пониманию. И это помогло кавуровской клике воспользоваться завоеванными революцией победами.

После завершения воссоединения Италии и утверждения савойской династии по всей стране Гарибальди не прекратил своей борьбы. Он продолжал стоять во главе демократического движения и вел неустанную борьбу против монархии.

В начале июня 1882 года весть о смерти Гарибальди обрушилась на Италию, как удар грома. 4 июня Джозео Кардуччи, итальянский поэт, оплакивая вместе с итальянским народом смерть Гарибальди, сказал: «Откровение славы, явившееся в нашей юности, героизм всей нашей молодости, идеал годов возмужалости — исчезли и скрылись навсегда. Лучшая часть нашей жизни окончена».

Кардуччи, который в известный момент выражал в своей поэзии стремления двух новых поколений Италии к демократии и свободе, в своей песне о Гарибальди «После Аспромонте» кинул с горечью проклятие, которое молодежь сегодняшней Италии, придавленная фашистским каблуком, повторяет, вспоминая былую славу «красных рубашек»:

«Бегут, увы, бегут
Быстро невозвратные года...
Как прежде, тираны гнетут,
Как прежде, трепещут рыбы».

Коммунистическая партия Италии напоминает молодому поколению Италии, и в особенности той части молодежи, которая одета в черную рубашку, обманута и одурачена фашизмом, о красной рубашке Гарибальди, призывая вспомнить все традиции его борьбы за демократию, борьбы за свободу, борьбы против тиранов. Итальянская коммунистическая партия говорит итальянской молодежи, что только объединившись под знаменами коммунистической партии Италии на борьбу про-

тив итальянского фашизма, за свержение капитализма, она завоеует себе такую свободную и радостную жизнь, которая осуществлена только в Советском Союзе.

Гарибальди все свои силы отдал за освобождение итальянского народа, и показ этого борца, партизана и революционера во всем его величии и во всех его слабостях является актуально политической задачей, которую должна выполнить марксистская биография Гарибальди. Мы думаем, что с этой задачей автор справился, поскольку это было возможно в научно-популярной биографии.

Дж. Яконо

1. ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ. НАЧАЛО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В небольшом древнем городе Ницце, основанном двадцать два века назад марсельскими фокейцами, 7 июля 1807 года родился Джузеппе Гарибальди. Его отец был рыбак и мореход, живший в маленьком домике на набережной Lunet, в том самом доме, где родился знаменитый наполеоновский полководец Массена, сын булочника. Отец Джузеппе — Доменико Гарибальди — имел собственное небольшое каботажное судно. Оно и составляло все имущество Доменико, полученное в наследство от отца — тоже моряка и рыболова. Материальное состояние Доменико Гарибальди подвергалось бесчисленным изменениям — то к лучшему, то к худшему, но богато семья Гарибальди никогда не жила (вопреки утверждениям некоторых буржуазных историков), чаще всего она находилась в нужде.

Джузеппе был любимцем семьи. Суеверному отцу хотелось вывести мальчика «в люди» — сделать сына священником или хотя бы адвокатом, но для этого он был слишком беден. Даже то воспитание, которое смог получить Гарибальди, ложилось тяжелым бременем на семью. Гарибальди пишет в своих мемуарах: «Я выучился гимнастике тем, что лазил по вантам или спускался по канатам; фехтованию — защищая свою голову и стараясь разбить голову противника; а верховой езде — беря пример с первых наездников в мире — диких наездников Южной Америки... Любимейшим те-

лесным упражнением в моей молодости — я и тут не имел учителя — было плавание».

Пробелы в образовании Гарибальди объясняются не только отсутствием средств у его родителей, но также социально-экономическими условиями в Пьемонте того времени.

«В ту печальную эпоху, — пишет Гарибальди о времени своего детства, — духовенство господствовало в Пьемонте, и все свои усилия оно употребляло на то, чтобы воспитать из молодых людей скорее бесполезных и ленивых монахов, нежели граждан, способных служить на пользу нашей несчастной стране».

Первым его учителем был аббат Джiovани Джиа-коне — дальний родственник, живший постоянно в их семье. Он обучал Джузеппе латыни и богословию. Но подвижной и вдумчивый мальчик занимался ими неохотно.

Зато он любил второго своего учителя, отставного офицера Арену, которому он остался благодарен на всю жизнь. Арена обучал его математике, родному языку и римской истории. Последние два предмета имели особое значение в воспитании Гарибальди, так как в Ницце, находившейся на франко-итальянской границе, лишь немногих детей обучали итальянскому языку и итальянской истории и на воспитании юношества вообще лежала печать французского влияния. Чтение римской истории вызвало у впечатлительного Джузеппе любовь к великим предкам итальянского народа, к славным античным героям, и у него сердце сжималось при мысли о беспредельном унижении, в котором в его время находились «вечный город» и вся Италия, давшая человечеству столько великих людей. Рим — «столица мира» — начал представляться юноша «развенчанным властелином». И здесь у него появляются первые смутные мечты о возможном возрождении его прекрасной родины.

Свою любовь к народу и преданность отечеству Гарибальди приписывает также и влиянию своей матери Розы, с горечью рассказывавшей ему о страданиях Италии. Мать воспитала в нем «большую жалость ко

всему тому, что видел слабым и страждущим», — рассказывает Гарибальди.

В воспитании у мальчика чувства отваги и стремления к подвигам сыграли свою роль и рассказы Арени о военных сражениях, в которых ему приходилось участвовать.

Первый геройский подвиг Гарибальди совершил, когда ему не было еще восьми лет отроду. Во время прогулки с товарищами по реке Вар Джузеппе заметил, как одна прачка, поскользнувшись, упала с достатой кладки в реку и начала тонуть. Не медля ни минуты, мальчик бросился в воду и спас женщину. В дальнейшем Гарибальди не раз приходилось, рискуя собой, спасать жизнь других.

Тяга к морю обнаружилась у Джузеппе в самом раннем детстве. «Я чувствовал к морю призвание, — говорит Гарибальди. — Плавать по морям было, казалось, предназначением моей жизни... Как и когда я научился плавать — не помню, мне кажется, что я всегда знал это и родился амфибией». Такое же влечение испытывал он к горам и скалам. Этому способствовала природная обстановка, в которой рос и развивался Гарибальди.

Первую самостоятельную поездку в море Гарибальди предпринял, когда ему было 9 лет. Решив съездить морем в Геную, он сговорился с тремя товарищами, вместе с ними тайком захватил рыбацкую лодку, и они отправились в путь. Недалеко от Монако их нагнала лодка, посланная за озорниками отцом Джузеппе. Ребят схватили и увезли домой. Оказалось, что один аббат, знавший об их предприятии, выдал тайну отцу Джузеппе. Предательство священника вызвало у Гарибальди первое предубеждение против духовенства, с которым он впоследствии всю свою жизнь вел неустанную борьбу.

Долго противился Доменико Гарибальди страстному влечению сына к морю, но в конце концов он вынужден был уступить и разрешил ему отправиться в плавание. Джузеппе было 10 лет, когда он в качестве юнги на бригантине «Costanza» совершил свое первое

морское путешествие в Одессу. Эта поездка еще больше усилила тягу его к морю. Вскоре он совершил вторую морскую поездку, но уже вместе с отцом, в Рим. Посещение «вечного города» усилило его преклонение перед Римом. «Рим был для меня целой Италией, — пишет Гарибальди о своих впечатлениях от этой поездки, — потому, что я вижу Италию только в соединении ее различных частей, а Рим представляет символ итальянского единства».

Скудные сведения о своем юнстве дает нам Гарибальди в своих мемуарах. «Первые годы моей юности, — пишет Гарибальди, — я провел, как вообще проводят дети, — среди смеха и слез, с большею склонностью к удовольствиям, играм и забавам, нежели к труду и учению». Достоверно известно лишь то, что уже юношей Гарибальди нанялся матросом в торговый флот частных предпринимателей, а затем в сардинский военный флот. В первые годы его матросской службы поездки совершались преимущественно в Левант. Во время одного из этих плаваний на судно напали пираты. Началась ожесточенная схватка с морскими разбойниками. Особую отвагу во время этой схватки проявил молодой Гарибальди. Метким выстрелом он уложил главаря шайки, и лишь благодаря этому разбойники были отбиты. Гарибальди рассказывает, что со времени этой схватки, впервые столкнувшейся его со смертельной опасностью, он уже не знал, что такое страх.

В 1828 году по пути в Левант Гарибальди заболел в дороге и, прибыв в Константинополь, вынужден был остаться там для лечения. Война, начавшаяся в то время между Россией и Турцией, задержала Гарибальди в Османской империи. Чтобы добыть себе средства к существованию, он поступил наставником трех детей в одно итальянское семейство.

Пробыв несколько месяцев в Константинополе, Гарибальди вернулся в Италию. Здесь он опять поступил на службу в качестве матроса. Но, несмотря на всю свою страсть к морю, молодой Гарибальди не находил удовлетворения в будничной жизни матроса. Начитан-

ный и видевший уже мир юноша размышлял о бедственном положении итальянского народа, об угнетении Италии иностранными владыками, об ее раздробленности; он искал путей возрождения Италии и избавления ее от многочисленных тиранов.

Вскоре представился замечательный случай для решения мучивших юношу вопросов. Это была поездка в Таганрог. Именно здесь — в этом захолустном городке крепостной России — произошло посвящение Гарибальди в революционеры. В Таганроге Гарибальди зашел в один из скромных трактиров, где обычно за стаканом вина собирались итальянские моряки. Здесь, в компании с несколькими итальянцами, он застал Кунео — одного из членов тайного революционного общества «Молодая Италия», основанного незадолго перед тем Джузеппе Мадзини. Молодой Кунео, ставший впоследствии видным деятелем итальянского национально-освободительного движения, произнес пламенную речь, в которой призывал к восстанию как к единственному пути освобождения родины. На Гарибальди, давно уже мечтавшего о борьбе за освобождение Италии, эта речь подействовала ошеломляюще, она открыла ему глаза. Он увидел, что он не одинок, что есть еще люди, так же как и он думающие об освобождении Италии. Вот как сам Гарибальди описывает впечатление, произведенное на него речью Кунео в этом маленьком трактире в Таганроге:

«Во всех обстоятельствах моей жизни я не переставал спрашивать то людей, то книги о возрождении Италии, и до двадцати четырех лет эти розыски мои оставались тщетными. Наконец, в путешествии моем в Таганрог, я встретил на моем судне итальянского патриота, который первый открыл мне глаза... Христофор Колумб, когда, заблудившись в Атлантическом океане, не зная, куда направить путь, вдруг услышал радостный крик «земля!», не был счастливее меня, когда я услышал возглас «отечество!» из уст человека, посвятившего себя делу освобождения Италии».

Он тут же поклялся умереть за отечество и вступил в члены «Молодой Италии». Это произошло в

83908

1831 году. Так произошло вступление Гарибальди на поприще общественной деятельности. В этом же году ему представился случай познакомиться с социалистами-утопистами, чьим горячим сторонником он стал впоследствии. Группа изгнанных из Парижа сен-симонистов отправилась на восток — в Константинополь. Ка-

джузеппе Мадзини (Mazzini, 1805—1872) — мелкобуржуазный революционер, вождь национально-освободительного движения Италии, идеолог революционной итальянской буржуазии.

питаном перевозившего их судна случайно оказался Гарибальди. Среди изгнанников были некоторые видные представители утопического социализма: Ф. Давид — будущий творец «Молодой пустыни»; Фердинанд Лессепс, уже тогда мечтавший о Суэцком канале (за это его прозвали «сумасшедшим»), и известный Эмиль Барро, предводительствовавший всей маленькой колонией изгнанников.

Сен-симонисты познакомили молодого Гарибальди со своими идеями равенства и братства, посвятили его в свои планы уничтожения бедности на земле и т. д. Юноша был пленен ими; перед ним раскрылся новый, неведомый ему доселе мир с новыми идеями и новыми понятиями; в его груди появились новые чувства. «Беседы умного сен-симониста (Э. Барро. — В. Н.), — писал 30 лет спустя Гарибальди, — произвели на меня сильное впечатление: они зародили в моей душе те чувства, которые я еще не совсем ясно понимал. Я возвращался полный энергии, полный новых идей, жаждущий дела... Точно завеса упала с моих глаз. Горизонт мой расширился, и за вопросом итальянским, национальным, я увидел вопрос об освобождении человечества. До знакомства с Э. Барро я решил посвятить свою жизнь служению родине. Познакомившись с ним, я решил посвятить ее служению всему человечеству».

Этот рассказ Гарибальди о решении посвятить свою жизнь служению всем народам, без различия национальностей, освобождению человечества от тиранов не является громкой фразой или бахвальством. Нет, эти слова он претворял в жизнь своею самоотверженной борьбой, борьбой за освобождение народов Южной Америки, борьбой против угнетателей народов в Европе.

Судно, на котором Гарибальди возвращался из последнего путешествия на Восток, должно было остановиться в Марсельском порту. Здесь Гарибальди узнал о революционных событиях в Италии, происшедших отчасти под влиянием июльской революции во Франции; восстания начались в герцогствах Парма и Модена и в Папской области. Они были слабо поддержаны широкими массами и потому кончились поражением, а вождь республиканцев Мадзини за участие в движениях 1830—1831 гг. был приговорен к смерти. Ему удалось бежать, во Францию, и он поселился в Марселе — поближе к Италии, чтобы оттуда руководить революционным движением.

В Марселе Гарибальди познакомился с неким Кови, который представил его Мадзини. Здесь эти два мо-

людых революционера, а впоследствии крупнейших деятеля национально-освободительного движения Италии, встретились впервые. Натуры этих двух замечательных людей были диаметрально противоположны. Мадзини был человек железной воли и непоколебимого духа в достижении намеченных целей. Он постоянно жил в сфере «идей» и был оторван от масс. Своим идеалам он предавался до фанатизма и был типичным сектантом и заговорщиком. Несмотря на то, что в программе основанной им «Молодой Италии» стригалось заговорничество как метод борьбы за освобождение Италии, он на практике не отказывался от мелких заговоров и по этому пути направлял деятельность своей партии.

В противоположность Мадзини натура Гарибальди была мягкой, чуткой и отзывчивой. Он всегда понимал массы, их чувства и стремления и всегда действовал среди них. Мягкой натуре Гарибальди противостояли непреклонная воля и сила ума Мадзини. Очень молодым окончив университет, прекрасно образованный, он до своего изгнания занимался адвокатурой, публицистикой и литературной критикой. С сильным темпераментом, подробно разработанной социально-политической программой, общепризнанный глава итальянских революционеров, Мадзини не мог не оказать крупнейшего влияния на «стихийного» и восторженного патриота и инстинктивного революционера Гарибальди, жадно прислушивавшегося к каждому слову о возрождении Италии.

Вскоре после знакомства с Гарибальди Мадзини начал готовить так называемую Сеп-жюльенскую (или Савойскую) экспедицию. Это было осенью 1833 года. По предложению Мадзини Гарибальди поступает на службу в сардинский королевский флот, чтобы вести агитацию среди матросов и обеспечить поддержку восстания хотя бы некоторой частью военного флота. На фрегате «Эвридика», где он служил матросом 1-го разряда, он быстро привлек на свою сторону экипаж и подготовил его к восстанию. Согласно разработанному Мадзини плану две колонны, по 100 человек каждая,

должны были собраться в Женеве и по первому сигналу одновременно проникнуть в Пьемонт с разных сторон и призвать народ к восстанию; им на помощь пришел бы флот. Начальником экспедиции был назначен польский генерал Раморино. Но генерал не верил в успех предприятия и всеми способами затягивал его. На-

Джузеппе Гарибальди (1807 — 1882).

конец в январе 1834 года отряды выступили. Один из них, руководимый самим Раморино, благодаря трусости и медлительности своего командира был тут же задержан швейцарскими войсками, другой, успевший проникнуть в Савойю, был частью разбит, а частью взят в плен армией сардинского правительства, благодаря предательству знавшего заранее о выступлении. Между тем Гарибальди ждал на своем фрегате условленного сигнала; не дождавшись его, он оставил фре-

гат и на небольшой лодке отправился в Геную, где на городской площади—в районе расположения военных казарм—должно было начаться восстание. Протянув некоторое время на площади, недоумевающий Гарибальди наконец узнал, что экспедиция не удалась и что многие уже арестованы. В это же время он заметил приближение правительственных войск и немедленно вынужден был спастись бегством. Он скрылся в первой попавшейся фруктовой лавочке и вечером, переодетый в крестьянское платье, отправился пешком в Ниццу. Отсюда он пустился дальше в Марсель, но на французской границе был задержан французскими пограничниками, которые, узнав о причине бегства, арестовали его. Храброго Гарибальди не могли долго удержать под замком. В этот же день он бежал, выпрыгнув из окна второго этажа. В ближайшей деревне он зашел в чайную и заказал себе еду. За ужином между гостем и хозяином чайной завязалась беседа; Гарибальди, между прочим, рассказал, каким образом ему только что удалось избежать смерти на родине и тюрьмы во Франции. Струсив, хозяин заявил, что «как честный французский гражданин» он должен задержать своего клиента. Но находчивый Гарибальди, не терявшийся ни при каких обстоятельствах, и на этот раз нашел выход. Он ответил хозяину, что ужин еще не кончен и что арестовать его можно и после третьего блюда... Между тем чайная начала заполняться посетителями. Началось веселье. Выбрав подходящий момент, когда один молодой человек при общих возгласах «браво» закончил петь, Гарибальди заявил собравшимся: «Теперь моя очередь, господа», и с бокалом в руке запел известную песенку Беранже «Бог добрых людей»... Прекрасный тенор певца, как и само содержание песни вызвали общий восторг. Раздались возгласы: «Да здравствует Беранже!» «Да здравствует Франция!» «Да здравствует Италия!» Хозяину чайной теперь уже и в голову не приходила мысль об аресте... На рассвете Гарибальди покинул чайную; толпа с песнями провожала его. «Беранже умер, не зная,

конечно, какую услугу он мне оказал», — замечает Гарибальди в своих записках...

Наконец Гарибальди прибыл в Марсель. Здесь он «в первый раз имел удовольствие увидеть свое имя в печати»: газета «Peuple Souverain» сообщала, что Гарибальди вместе с некоторыми другими участниками заговора приговорен королевским судом к смертной казни. Опасаясь ареста, Гарибальди жил в Марселе под именем Джузеппе Пане.

Вскоре ему удастся поступить на торговое судно «Унион» матросом 2-го разряда. На этом корабле Гарибальди совершает новое путешествие, в Одессу, а затем поступает служить на фрегат тунисского бея, желавшего поставить свой флот на европейский лад. Эта служба была не по нутру Гарибальди, и он вскоре покинул ее и вернулся в Марсель.

Здесь он столкнулся со страшными бедствиями. Холера, свирепствовавшая в 1835 году по всей Европе, проникла в Марсель. Город выглядел сплошным кладбищем. Все богачи бежали; больницы были переполнены, и каждый день умирали сотни людей; нехватало не только врачей, но и младшего медицинского персонала, сиделок. Будущий великий полководец Гарибальди предложил врачам свои услуги в качестве сиделки... И эту работу он выполнял до тех пор, пока эпидемия не начала ослабевать. Эта отзывчивость является наиболее характерной чертой широкой и героической натуры Гарибальди.

II. ИЗГНАНИЕ. БОРЬБА В ЮЖНОЙ АМЕРИКЕ

Когда затихла эпидемия холеры, Гарибальди поступил матросом на французский бриг «Морепплаватель», отправлявшийся в Рио-де-Жанейро. Это было в конце 1835 года. В страны Южной Америки в то время особенно охотно направлялись итальянские политические эмигранты. Гарибальди представлял себе эти страны, где не утихали непрерывные национально-освободительные войны, как единственное поле сражения, где он сможет приложить свои силы и проявить свой героизм

во имя свободы. И действительно, именно здесь, в широких просторах Южной Америки, произошло первое боевое крещение Гарибальди. Создавая партизанские отряды, он впервые проявил свой организаторский талант. Своей беззаветной борьбой против всяческой тирании, за народную свободу и за независимость малых наций он приобрел мировую славу народного героя.

В Рио-де-Жанейро, куда Гарибальди прибыл в начале 1836 года, он случайно встретил итальянского эмигранта Розетти, который вскоре сделался его «братом и другом на всю жизнь».

Однажды, гуляя по улице со своим другом, Гарибальди увидел группу пленных, конвоируемых солдатами; среди пленных было много итальянцев. Оказалось, что они сражались против бразильского императора в армии провинции Рио-Гранде. Незадолго перед тем эта провинция откололась от Бразилии и объявила себя независимой республикой.

Гарибальди поспешил к президенту Рио-Грандской республики Гонзалесу, чтобы предложить ему свои услуги. Президент поручил ему организовать партизанский отряд и снарядить военное судно. Гарибальди вооружил небольшое судно, которое назвал именем «Мадзини», и с четырнадцатью своими товарищами отправился в море под республиканским флагом. Вскоре он легко одержал свою первую победу. Заметив в море галет с бразильским флагом, Гарибальди взял курс прямо на него. Приблизившись, он потребовал немедленной сдачи. Растерявшийся капитан галета поспешил капитулировать. Гарибальди взошел со своими людьми на палубу и овладел судном. Оружие и припасы «Мадзини» были перенесены на галет, а «Мадзини» потоплен, так как у Гарибальди не хватало людей для двух судов. Экипаж захваченного галета был высажен на берег и отпущен; несколько матросов-негров, изъявивших желание перейти на сторону Гарибальди, были им охотно приняты и таким образом освобождены от рабства.

Завоеванный галет был назван «Скоропилья», курс

был взят на Рио-де-Лаплата. Вскоре ему повстречались два бразильских судна; завязалось первое серьезное морское сражение. Гарибальди был тяжело ранен в плечо и шею. Отважные партизаны, оставшиеся без командира, все же победили, обратив в бегство вдвое сильнейшего неприятеля.

В течение 19 дней жизнь Гарибальди, лишенного медицинской помощи, находилась в опасности от осложнившихся ран. Из-за ранения шеи Гарибальди не мог ничего глотать. В эти тяжелые дни особую заботу о нем проявил его друг Луиджи Корнилья, о котором он с величайшей благодарностью вспоминает в своих «Записках», сожалея, что не сумел спасти его во время кораблекрушения.

Наконец «Скоропилья» пристал к аргентинскому берегу и стал на якорь у Гвалегая — главного города провинции Entre Rios. Гарибальди едва живым был высажен на берег; благодаря внимательности и заботам лечившего его врача пуля была удачно вынута, и он начал вскоре поправляться.

Гарибальди надеялся получить поддержку Аргентины в войне Рио-Грандской республики за независимость, но по выздоровлении он узнал, что Аргентина сочувствует бразильскому императору и что по приказу диктатора Розаса, полученному из Буэнос-Айреса, он числится пленным. Надзор за Гарибальди был не очень строгим, и при помощи товарищей ему вскоре представился случай бежать. Он успел отойти уже далеко от города, когда его догнали всадники, посланные, чтобы доставить его обратно. В Гвалегая его посадили в тюрьму. Здесь Гарибальди был подвергнут мучительным пыткам, о которых он не мог вспоминать без ужаса и возмущения. Губернатор Гвалегая Леснардо Меллан потребовал выдачи тех, кто помог ему бежать. Гарибальди ответил, что «скорее умрет, нежели выдаст хотя бы одного из своих друзей». Тогда его начали бить хлыстом, а когда это не помогло, то по приказу Меллана Гарибальди начали пытать. Ему связали руки за спиной, к кистям привязали длинную веревку, другой конец которой перебросили через блок, укрепленный на потол-

ке; с выкрученными из суставов руками он был подтянут на несколько футов от земли. «Никто не упрекнет меня в том, чтобы я слишком нежил себя, — рассказывает Гарибальди об этих пытках, — однако признаюсь: дрожь пробегает по моему телу всякий раз, когда я вспоминаю об этом эпизоде моей жизни... После того как меня подвесили к потолку, в мою камеру вошел Меллан и спросил меня, хочу ли я теперь дать показания. Все, что я мог сделать — это плюнуть ему в лицо, и я не отказал себе в этом удовольствии. «Хорошо, — сказал губернатор утираясь, — когда арестант захочет сознаться, спустите его и позовите меня». С этими словами он ушел. Два часа оставался я в таком положении. Тело всей тяжестью висело на окровавленных кистях и вывернутых плечах и горело, как раскаленные угли. Каждую минуту я просил воды, но вода, входя в мой желудок, мгновенно испарялась, как будто бы ею поливали раскаленную плиту... Наконец, после двух часов такой пытки, тюремщики спустили меня на землю — потому ли, что сжалились надо мной, или же потому, что сочли меня уже мертвым. Только читая описание пыток средневековья, можно представить себе мои страдания»¹.

Главной целью этих пыток было принудить Гарибальди перейти на службу к аргентинскому диктатору Розасу. Разумеется, эта цель никакими средствами не могла быть достигнута. Измученного и больного Гарибальди все пересылали по этапу из одной тюрьмы в другую. Лишь через несколько месяцев он был выпущен на свободу новым губернатором, сменившим Меллана. С Мелланом Гарибальди пришлось еще раз встретиться в несколько иных обстоятельствах: вместе

¹ Если бы Гарибальди жил в настоящее время, он наверно отметил бы в этом месте своих мемуаров по поводу стремления современных итальянских фашистов использовать его имя для удержания их террористической диктатуры: такими же методами, какими американские тираны расправлялись с народным героем в 1836 году, столетием позже итальянские фашисты расправляются с революционными рабочими и крестьянами. Нет, никак не подходит имя Гарибальди для оправдания фашистской диктатуры!

со всей своей свитой он был взят в плен гарибальдийским отрядом. Гарибальди не свойственно было чувство мести, и он великодушно обходился со своими врагами. В тот же день он отпустил Меллана на свободу.

После своего освобождения Гарибальди вернулся в республику Рио-Гранде, чтобы снова участвовать в ее освободительной войне. Правительство поручило ему вооружить флот; у небогатой республики он состоял всего из двух судов с экипажем в 60 человек. Намечалась экспедиция в провинцию Санта-Катарина. Гарибальди было поручено командование судном «Rio-Parde» с экипажем в 30 человек. Но на другой же день после выхода в океан его постигло большое несчастье: началась сильная буря, от которой произошло кораблекрушение и погибли многие его друзья и сподвижники. Волна опрокинула судно в тот момент, когда Гарибальди находился на мачте и следил за горизонтом. Он не успел даже оглянуться, как весь экипаж уже был выброшен в океан и каждый хватался за обломки судна. Первым Гарибальди заметил своего лучшего друга Луиджи Корнилья. Увидев, что ему мешает плыть одетая на нем толстая куртка, Гарибальди подплывает к нему и, достав из кармана перочинный нож, начинает ее разрезать на спине. Корнилья уже был почти освобожден от мешавшего ему груза, когда новая волна навсегда разлучила его с Гарибальди. Выплыв, Гарибальди бросается на помощь к другим товарищам. Некоторым он помог добраться до берега. Почти все его ближайшие друзья погибли: из 30 человек утонуло 16.

Но в эти трудные минуты жизни Гарибальди встретил человека, сумевшего вселить в него новую бодрость и ставшего его ближайшим другом и сподвижником на всю жизнь. Этим человеком была Анита Рибера — смуглая уругвайская девушка с огненными глазами и с такой же пламенной натурой, как и Гарибальди. Она покинула семью, чтобы вместе с ним ринуться в бой за свободу народов. Некоторые эпизоды из жизни Аниты показывают нам, что она была достойным другом великого героя.

Вскоре после женитьбы Гарибальди, по распоряжению правительства Рио-Гранде, отправился с морской экспедицией против имперского флота. Анита все время неразлучно находилась с ним. В море Гарибальди пришлось встретиться с тремя судами неприятеля, который начал стремительную атаку. Во время этого сражения Анита находилась на палубе и с карабином в руках мужественно принимала участие в бою. Вдруг от удара пушечного ядра в корабль Анита вместе со стоявшими рядом двумя матросами упала на пол. Матросы были убиты, а Анита осталась невредима. Она сейчас же встала и опять взялась за карабин. Когда Гарибальди начал просить ее сойти в люк, она ответила: «Я сойду в люк, но только для того, чтобы выгнать оттуда трусов, которые там прячутся». Она так и сделала, вернувшись наверх с несколькими пристыженными матросами. Эта битва была выиграна Гарибальди.

Аните еще не раз приходилось принимать участие в сражениях, она всегда находилась на самом опасном месте, являясь не только бесстрашным солдатом, но и отличным офицером: она была командиром отдельных подразделений, адъютантом Гарибальди, его заместителем, каптенармусом и сестрой милосердия, разведчиком и т. д.

В 1840 году в селении Сеп-Симон, в бедной индейской хижине, Анита родила своего первенца — Менотти, сражавшегося впоследствии вместе с отцом за свободу Италии. Ребенок родился со шрамом на лбу от падения матери с лошади во время беременности; он родился среди лишений, нужды и опасностей. Может показаться чудом, что ребенок выжил в такой обстановке. Вместе с матерью и отцом он также «участвовал» во многих сражениях и походах, от трудностей которых погибали не только женщины и дети, но и сильные мужчины. Гарибальди рассказывает, что во время перехода через бразильские леса он «окутывал трехмесячного Менотти в платок и привязывал его к себе на шею». «Этим способом я мог несколько согреть его своим дыханием», — поясняет Гарибальди.

Между тем война Рио-Грандской республики с Бразилией, длившаяся почти непрерывно 7 лет, подходила к концу. Лишь благодаря героизму и храбрости Гарибальди, лишь благодаря его талантливому руководству труднейшими военными операциями крошечная, почти безоружная республика могла устоять в течение 7 лет против более сильного и хорошо вооруженного противника. Несмотря на слабость республиканской армии, в сражениях которой иногда участвовало только несколько десятков человек, Гарибальди сумел одержать ряд блестящих побед. О причинах своих побед Гарибальди пишет следующее: «Я побеждал благодаря смелости и решительности людей, которых я вел, и отчасти благодаря тому безграничному доверию, какое вообще я умею внушать к себе тем, которыми я командую». Партизанские отряды Гарибальди создавались из народных низов, «они были всех цветов и наций»; это была «истинная труппа космополитов», — говорит Гарибальди о своей армии. Но одержанные победы не могли быть закреплены, и в конце концов война должна была кончиться победой Бразильской империи, безусловно превосходившей силами противника.

Так и произошло в 1842 году. Теперь Гарибальди нечего было делать в Рио-Гранде, и он решил отправиться в Монтевидео.

Здесь Гарибальди долгое время не мог получить работы и находился в очень тяжелом положении. Наконец, собрав у своих знакомых небольшую сумму, он сделался корабейником. Об этом своем «промысле» Гарибальди с горечью вспоминает в своих «Записках»: «Я носил с собою всякого рода товары, я торговал всем — начиная с итальянского теста и руанских материй... И этот род «промышленности» едва удовлетворял мои собственные нужды и нужды семьи».

Вскоре он был приглашен в качестве учителя математики в семью итальянского эмигранта Паоло Семеди. Однако эта работа не могла удовлетворить Гарибальди, она казалась ему тягостной. Через некоторое время ему представился случай заняться де-

лом, более соответствующим его характеру и призванию.

Аргентинский диктатор Розас решил уничтожить независимость Монтевидео — города, где Гарибальди теперь проживал. Путем террора и подкупа Розас добился избрания своего ставленника Ориба президентом Уругвайской, или, как тогда называли, Монтевидейской республики. Тогда республиканское правительство в Монтевидео решило объявить Аргентине войну (1843 год) и призвало на помощь Гарибальди. Храбрый воин не замедлил выступить на защиту независимости республики, оказывавшей гостеприимство революционным изгнанникам. Он приступил к организации итальянского легиона из эмигрантов, проживавших в Монтевидео и в других городах Уругвая. В несколько дней было набрано 800 человек. Мы не станем описывать все сражения этого легиона, предводительствуемого Гарибальди. Укажем лишь, что это был сплошной подвиг, овеявший славой храбрых гарибальдийцев в Европе и Америке. В течение своей четырехлетней борьбы в защиту свободы и независимости Уругвая этот легион не знал поражений. «Все дрались, как древние рыцари, подвиги которых воспеты Тассо и Ариосто», — говорит Гарибальди о легионерах. Никакого жалованья ни легионеры, ни сам Гарибальди не получали; они получали только питание, даже обмундирование они покупали за свой счет. «Единственным средством достать деньги, когда им необходимо было справить новую одежду, было отыскать себе занятие у какого-нибудь французского или баскского негонианта», — рассказывает Гарибальди. Одежда легионеров была оригинальной: здесь возникла красная рубашка, ставшая впоследствии символом революционного-освободительного движения в Италии.

Гарибальди действовал со своими партизанами и на суше и на море. Как только появлялась необходимость действовать на суше, экипаж мгновенно высаживался на берег, доставал лошадей у населения и превращался в кавалерийский отряд, грозный для врагов. Что касается населения, то оно почти всегда

встречало героических партизан «как братьев и освободителей» (Гарибальди) и снабжало их всем необходимым.

После ряда блестящих побед, одержанных Гарибальди, правительство Уругвая обратилось к нему (30 января 1845 года) с письмом, полным благодарности «за услуги, оказанные республике», и предложило каждому легионеру в дар земельный участок. Гарибальди ответил, что он и его товарищи «брались за оружие не из корыстных целей, а ради чести разделять опасности с жителями государства, гостеприимно принявшего итальянских изгнанников».

Это бескорыстие очень характерно для Гарибальди. Получив от уругвайского правительства чин генерала, он отказался от генеральского жалованья и продолжал получать паек рядового солдата; в это же время семья его находилась в глубокой нужде. Квартира Гарибальди не отличалась от хижины любого легионера. Однажды после удачного сражения адмирал Лене решил пойти поблагодарить Гарибальди от имени генерального штаба за его храбрость и преданность республике. Это было вечером, и в квартире Гарибальди было темно. Входя в дом, адмирал ушиб себе голову. «Неужели нужно непременно сломать себе шею, чтобы увидеть Гарибальди?» — спросил он. Анита вынуждена была извиниться перед адмиралом и пояснить, что у них нет денег на покупку свечей. Когда же после этого случая военный министр прислал Гарибальди 500 франков, то герой, не желая оскорбить министра, принял деньги, но на другой же день роздал их вдовам убитых солдат.

Победоносная война Уругвайской республики с Аргентиной подходила к концу. 8 февраля 1846 года произошло решающее сражение при Сальто-Сант-Антонио. Итальянские легионеры под руководством своего вождя снова показали чудеса храбрости и героизма; они окончательно разгромили противника, несмотря на его превосходство в силах. Это было последним сражением отряда Гарибальди в Уругвае. После боя был устроен парад в честь славных легионеров. Возгласами

«Да здравствует генерал Гарибальди и его храбрые товарищи!» был встречен итальянский легион всеми войсками и населением. Правительство наградило легион знаменем с надписью: «За сражение 8 февраля 1846 года — итальянскому легиону под командою Гарибальди», а в зале заседания правительства были выгравированы имена убитых в сражении. Так окончилась героическая деятельность Гарибальди и его сподвижников в Южной Америке.

В этой борьбе выковывался искусный полководец и будущий революционный вождь, с крошечными отрядами разгонявший целые армии.

Подводя итоги своим американским походам, Гарибальди писал: «В Америке я служил или, лучше сказать, действовал на пользу народов; как тут, так и в Европе я был врагом абсолютизма».

За борьбой Гарибальди в Южной Америке следила вся революционная Италия, его имя стало здесь самым популярным, и угнетенные народные массы ждали его как избавителя. Сам же Гарибальди рассматривал свои американские походы как подготовку себя и своих товарищей к будущей борьбе за освобождение Италии.

Дела итальянского народа, дела революционно-демократической Италии Гарибальди никогда не забывал, и при всех сражениях, воодушевляя легионеров, он неустанно повторял: «Дело идет о чести итальянского имени» — имени борцов за возрождение новой Италии.

Несмотря на выдающийся военный талант Гарибальди, было бы неправильно видеть в нем «прирожденного солдата» и генерала. «Я питаю отвращение к солдатчине», — повторял он не раз. Гарибальди был глубоко впечатлительной натурой, у него была «поэтическая душа». Весьма характерен следующий отрывок из его воспоминаний: «Если условие быть поэтом состоит в том, чтобы сочинить «Илиаду» или «Божественную комедию», то я не поэт; но если поэтом может назваться тот, кто в глубине лазурных вод ищет по целым часам морские растения, кто приходит в восторг

при виде бухты рио-де-жанейрской, неаполитанской или константинопольской, кто среди града пуль и ядер мечтает о своей любви к родителям, вспоминает о днях своего детства, не думая о том, что эта пить мечтаний или воспоминаний может ежеминутно быть прервана смертью, — то я поэт. Я помню, как однажды, в последнюю войну (в Монтевидео. — В. Н.), усталый, изнеможенный, не спав две ночи, с трудом слезая с лошади, с которой не сходил целых два дня, я остановился вдруг, забыв усталость и опасность, слушать пение соловья. Это было ночью, при лунном свете, в прекрасную тихую погоду; соловей рассыпался в мелких трелях, оглашая воздух гармоническими звуками; когда я слушал этого друга моей юности, мне казалось, что на меня ниспадала живительная, благотворная роса. Люди, окружавшие меня, думали, что я прислушивался к звукам отдаленных пушечных выстрелов или лошадиных копыт, раздающихся на большой дороге. Нет, я слушал соловья, пение которого не слышал, может быть, 10 лет, и мой экстаз продолжался до тех пор, пока неприятельские пули не заставили улететь этого ночного прелестника». Вскоре Гарибальди представился случай вернуться на родину. Там было немало соловьев. Однако ему было уже не до них...

III. ГАРИБАЛЬДИ В РЕВОЛЮЦИИ 1848 ГОДА

В те дни, когда храбрые legionеры заканчивали свои победоносные походы в Монтевидео, «отвращение итальянской нации к чужеземному владычеству достигло высшей точки», как отмечает Гарибальди. В течение 30-летнего владычества Австрия ввела в Италии в систему «терроризм осадного положения» (Энгельс), и ее многочисленные шпионы и полицейские, разбросанные по всей стране, жестоко расправлялись с каждым итальянцем лишь за то, что он себя чувствует итальянцем. Количество политических заключенных в итальянских государствах исчислялось сотнями тысяч; ежегодно казнили тысячи лучших сынов итальянского народа. Но этот кровавый террор не мог остановить борь-

бы за свободу и независимость Италии; наоборот, он способствовал превращению Италии в пылающий революционный кратер. Для того чтобы потушить этот кратер вулканической Италии, господствующий класс вынужден был прибегнуть к некоторым политическим реформам.

Первым начал проводить в своем государстве реформу папа Пий IX, занявший римский престол летом 1846 года. Реформы эти были крайне незначительными¹, но и они вызвали протесты Австрии, и деспотический Меттерних начал угрожать папе. Массы же, терроризованные десятилетиями самой мрачной реакции, видели в этих реформах начало освобождения Италии и восторженно приветствовали их. Чтобы удержаться на своих тронах, такие же реформы провели в своих владениях король Сардинии Карл-Альберт и герцог Тосканский. Но половинчатость этих робких реформ не могла удовлетворить массы, и вскоре страна была охвачена мощной волной национально-освободительного движения.

Вести о событиях в Италии быстро дошли до американского материка. «Мысль о возвращении на родину, надежда помочь своими руками ее освобождению заставляли наши сердца биться сильнее», — пишет Гарибальди о том впечатлении, которое произвели вести об этих событиях на итальянскую эмиграцию и на него самого. Гарибальди казалось, что «наступила эра освобождения Италии». Но в то время основная беда революционных демократов состояла в том, что они верили в искренность итальянских государей, не умея вскрыть классовую сущность проводимых ими реформ. В особенности сильна была вера в «благие намерения папы», этого «зачинщика либерализма». Все взоры тогда обратились к этому человеку, занимавшему «самый реакционный пост в Европе» (Энгельс), и даже представители партии революционной итальянской буржуазии призывали его стать во главе национально-освободительного

¹ Была учреждена «консульта» (государственный совет), куда наряду с духовными допускались и светские лица; была смягчена цензура и объявлена частичная амнистия политическим преступникам.

движения. Гарибальди также был увлечен «либерализмом» папы и вместе со своим другом Анцани отправил папскому нунцию из Монтевидео письмо (12 октября 1847 года), в котором он писал: «Преобразование администрации, распоряжения, клонящиеся к улучшению быта простого класса народа, и энтузиазм, который распространяется в связи с этим в Италии, привели нас к заключению, что в нашем отечестве отыскался наконец человек, который, поняв нужды своего века, сумел подчиниться требованиям своего времени».

Таким образом мы видим, что Гарибальди явно переоценивал роль папы и значение его реформ.

Однако это его письмо не означает, что он отказался от своих республиканских взглядов и согласился бы на полумеры. Видя популярность, которой тогда пользовался папа, Гарибальди по-своему хотел «использовать» его в деле освобождения и воссоединения Италии. В этом же письме к папе Гарибальди писал о себе и о своих друзьях:

«Итальянцы придерживаются того самого образа мыслей, вследствие которого нас осудили на изгнание; поэтому они взяли за оружие в Монтевидео». Аналогичное письмо написал папе вождь республиканской партии Мадзини; но напрасно Гарибальди и Мадзини ждали от папы «больших дел»; они не получили даже ответа на свои письма. «Наместник св. Петра на земле» пришел в ужас, когда начал получать письма от таких «страшных» революционеров, как Гарибальди. Впоследствии Гарибальди понял, что папа является «смертельным врагом дела освобождения Италии», несмотря на свою «маску реформатора».

Между тем Гарибальди спешно готовился к отъезду в Италию с отрядом своих славных legionеров. А отъезд этот был сопряжен с большими трудностями. Во-первых, материальная сторона дела. Мы уже писали выше, в какой нужде жил Гарибальди со своими сподвижниками. Нужно было достать денег, для того чтобы снарядить эту экспедицию. Гарибальди начал проводить подписку среди итальянской эмиграции,

но этого было недостаточно. В своих мемуарах он рассказывает, что для того, чтобы зафрахтовать корабль, он и его товарищи «вынуждены были продать все до последней рубашки». Нелегко было и сколотить коллектив. Различные склоки, как это почти всегда бывает в среде буржуазной эмиграции, разъедали итальянскую колонию. Гарибальди пришлось потратить много усилий, чтобы создать вокруг себя дружный и дисциплинированный коллектив из наиболее революционных и стойких эмигрантов, готовых отдать свою жизнь за освобождение Италии. Если Гарибальди отказался от вознаграждения, которое уругвайское правительство хотело выдать ему лично за его заслуги, то от вознаграждения в пользу итальянской свободы он не отказывался. Теперь он даже сам обратился к уругвайскому правительству за помощью. И оно ему в этом не отказало, несмотря на бедность маленькой республики, недавно окончившей изнурительную войну. Правительство выдало Гарибальди небольшую сумму денег, две пушки, несколько сот ружей и т. д.

Наконец подготовка к отъезду была закончена. Началась погрузка на зафрахтованную бригантину «Speranza» («Надежда»). «Грустно было покидать братьев по оружию и страну, давшую нам приют», — говорит Гарибальди. Отправляющийся в Италию отряд был многочислен. Многие итальянцы не пожелали поехать, не соглашаясь с планами Гарибальди, о которых мы скажем несколько ниже, а многих Гарибальди сам не брал. Он взял с собой только самых способных и храбрых воинов; впоследствии почти все они были командирами его волонтерских отрядов. «Шестьдесят три нас было, молодых, возмужавших на поле сражения, — пишет Гарибальди. — Прекрасная и возвышенная задача — освобождение родины — ждала нас. Наши мозолистые руки были достаточно сильны, чтобы защищать чужие страны. Чего же не сумеют сделать они для родины!» — восклицает Гарибальди.

К моменту отплытия корабля Гарибальди (весною 1848 года) Италия, как и вся Европа, была уже охвачена вихрем революции. Более или менее точных све-

дений о положении в Италии Гарибальди не имел, но уже ставил перед собой вполне четкие и ясные задачи: «Цель поездки состояла в том, чтобы содействовать восстанию там, где оно уже было в разгаре, и распространить его в тех местах, в которых его не было».

15 апреля 1848 года «Speranza» покинула гавань Монтевидео. Аниту с детьми Гарибальди отправил к своей матери в Ниццу. Отправлявшиеся волонтеры были преисполнены пламенным желанием освободить свою родину. Чтобы познакомить своих друзей с их героическими предками, Гарибальди организовал в пути лекции по истории Италии; он организовал на борту игры и пение: «Свой досуг мы коротали полезными беседами. Более образованные учили менее осведомленных; мы не пренебрегали и физическими упражнениями. Народный гимн, сочиненный нашим товарищем Косселли, стал нашей ежедневной молитвой». Когда корабль подходил к испанскому берегу и остановился в Сен-Пола, чтобы запастись свежими припасами, Гарибальди получил более подробные сведения о положении в Италии. Он узнал о восстании в Палермо (столица Сицилии) и Венеции, о героических «пяти миланских днях», в результате которых презренные австрийцы бежали и в городе было учреждено временное правительство. Он узнал, что неаполитанский король Фердинанд II вынужден был «даровать» конституцию; что вся Италия объединилась в войне против Австрии, начатой 22 марта миланским временным правительством, а пьемонтская армия успешно преследовала разбитую уже австрийскую армию. Это были «вести, которые могли свести с ума, — рассказывает Гарибальди. — «Поднять паруса! поднять паруса!» — стоял крик. На палубе началось бы восстание, если бы это желание не было немедленно удовлетворено».

Корабль прибыл в Италию 23 июня 1848 года и остановился в первом ближайшем порту — в Ницце.

Прибытие Гарибальди в Ниццу превратилось в настоящий народный праздник. Весть о его приезде распространилась молниеносно по всему городу. Население тепло приветствовало его. «В приключениях моей

бурной жизни, — пишет Гарибальди, — меня всегда поддерживала надежда на лучшее будущее. Но ничего не могло быть выше счастья, обрушившегося на меня в Ницце... Люди устремились со всех сторон приветствовать храбрецов, которые, презирая расстояние и опасности, переплыли океан, чтобы пожертвовать своей жизнью для родины... Волонтеры, узнав, что я прибыл в Ниццу, стали стекаться ко мне со всех сторон».

Казалось, вся Италия знала в лицо героя. Всюду, где ни побывал Гарибальди, его радостно встречали; к нему беспрерывно подходили все новые и новые люди, пожимали руку и тепло обнимали. Но скромный плебей спешил ринуться в бой. Проведя несколько дней в Ницце и повидав своих детей и старую мать, которую он не видел 14 лет, Гарибальди отправился в Геную, чтобы договориться об организации волонтерских отрядов. Здесь Гарибальди столкнулся с первым препятствием национально-освободительному движению со стороны пьемонтских властей, хваставших своим «либерализмом». «Население встретило нас с радостью, — рассказывает Гарибальди, — а власти — с холодом, указывающим на не совсем чистую совесть. Это было прелюдией к длинному ряду препятствий, встречавшихся на нашем пути всюду, где господствовала идея объединения, но где власть придерживалась либерализма больше из страха перед народом, чем по внутреннему убеждению».

Но династических замыслов пьемонтского короля Карла-Альберта Гарибальди все же еще не понял. Он надеялся, что Карл-Альберт способен хотя бы выбросить из Италии австрийцев — этого главного врага итальянского народа; он и не подозревал, что король Сардинии готов был пойти на сделку с Австрией, лишь бы удержаться на своем троне. Не поняв этого, Гарибальди отправился в Ровербеллу, в главную квартиру пьемонтской армии, к Карлу-Альберту — к тому самому королю, который присудил его в 1834 году к смертной казни, — чтобы предложить ему свою шпагу «на служение делу Италии». Король принял Гарибальди очень холодно, боясь даже лично разговаривать с революцио-

нером, пользовавшимся большой популярностью в народе. Он предложил ему отправиться в Турин, чтобы вести переговоры с военным министром.

В результате этой встречи Гарибальди и король «остались недовольными друг другом». Но Гарибальди, рвавшийся в бой, решил отправиться к министру, — авось он поручит ему какое-нибудь дело. Военный министр Риччи встретил Гарибальди враждебно, высмеял его предложение о создании волонтерских отрядов и под всяческими предлогами советовал ему отправиться в другой город и ждать «дальнейших распоряжений».

Гарибальди был возмущен. Он немедленно уехал в Милан и предложил свои услуги временному правительству Ломбардии, хотя после встреч в Роверболло и Турине ему и здесь не на что было рассчитывать, ибо Ломбардия объединила свои военные силы с пьемонтской армией, которой командовал Карл-Альберт. И действительно, пьемонтский посол в Милане Себреро всячески старался помешать созданию истинно народной и патриотической армии под командованием Гарибальди. Так, например, он пытался уговорить временное правительство не организовывать волонтерских отрядов под предлогом, что их форма (красная рубашка, на которой настаивал Гарибальди) слишком заметна и будет привлекать внимание неприятеля. Но все же Гарибальди добился того, что временное правительство поручило ему организовать несколько волонтерских отрядов, с которыми он должен был отправиться на фронт. Собрав «кучку сносно обмундированных и плохо вооруженных бойцов» в Милане, Гарибальди отправился в Бергамо, чтобы продолжать набор в свои отряды. Своих сподвижников — американских ветеранов — Гарибальди послал в долины и горы, чтобы завербовывать могучих горцев. Гарибальди пользовался любовью народа, и под его знамена собиралось множество добровольцев.

Не успел он собрать и 3 000 человек, как получил приказ от временного правительства Ломбардии немедленно явиться со своей армией в Милан, чтобы организовать оборону города («пяти героических дней»).

К этому времени предатель и трус Карл-Альберт, который с самого начала вел войну на поражение, был на-голову разбит австрийцами (битва при Кустоцце 25 июля). Пьемонтская армия стремительно отступала; по дороге Гарибальди встречал толпы испуганных беженцев. Помощь Гарибальди героическим миланцам опоздала. Город был сдан Карлом-Альбертом врагу. 6 августа кровавый Радецкий (главнокомандующий австрийской армией) снова вступил в Милан, устроив в городе настоящую бойню; а через 3 дня Карл-Альберт заключил с ним капитулянтское, позорное перемирие, вызвавшее взрыв возмущения во всей Италии. «Истерзанная Италия снова очутилась в рабстве, — писал Гарибальди по поводу перемирия, — и не было руки, которая могла бы собрать ее силы и обратить их против врагов и предателей... Пьемонтская армия не проигрывала битв; скорее она отступала перед разбитым врагом. Причиной, очевидно, была боязнь агитации радикалов, усилившихся в Италии и считавшихся опасными для пьемонтского престола... Народ, с таким самоотвержением и героизмом сбросивший с себя позорное ярмо, был отдан на милость врага-притеснителя, — этот народ, который один, без всякой помощи, в пять вечно памятных дней прогнал привычных к войне австрийских солдат, как стадо скота».

Гарибальди, месяц назад предложивший свою шпагу пьемонтскому королю, выпустил теперь прокламацию, в которой клеймил того же короля — Карла-Альберта — как изменника отечеству; Гарибальди не признавал перемирия и призывал к продолжению войны.

Он решил организовать в Ломбардии партизанскую войну и двинулся во главе своих храбрых волонтеров в Альпы. Партизанская война, по мнению Гарибальди, «могла быть первым толчком к освобождению страны, у которой не было регулярного войска; в партизаны пошла бы вся нация». И действительно, население везде оказывало Гарибальди теплый и радушный прием и помогало ему, чем только могло. Радецкий пытался окружить Гарибальди в Ломбардии 75-тысячной армией.

Деморализация, ставшая всеобщей после падения Милана и жестокостей Радецкого, проникла и в среду волонтеров; отряд Гарибальди начал уменьшаться. Вскоре у Гарибальди осталось всего 1 500 человек, но, несмотря на это, он при Луино разбивает австрийский корпус, вдвое превышавший его силами. Однако партизанский отряд Гарибальди не мог устоять против превосходно вооруженной и хорошо обученной 75-тысячной австрийской армии; в конце концов Гарибальди был прижат к швейцарской границе и вынужден с остатками своего отряда уйти в Швейцарию. Но Гарибальди не сложил оружия: он разработал новый план похода против австрийской армии и снова начал вербовать волонтеров.

Из Швейцарии Гарибальди с несколькими своими сподвижниками пробрался через Францию в Ниццу. Здесь он рассчитывал также вылечиться от причинявшей ему ужасные страдания лихорадки, которой он заболел еще в Южной Америке. Но страдания Италии мучили Гарибальди больше, чем его болезнь, он «страдал духовно еще больше, чем физически». Не окончив лечения, он отправился в Геную, чтобы организовать отряд волонтеров. Здесь к нему прибыла делегация сицилийцев, просившая его встать во главе повстанцев и помочь отстоять независимость острова от притязаний неаполитанского короля Фердинанда II. Гарибальди с радостью принял предложение сицилийцев и с небольшим отрядом отправился на французском корабле в Сицилию. По дороге он остановился в Ливорнском порту. И здесь ливорнцы убедили его не уезжать слишком далеко от главной арены борьбы, остаться в Тоскане. Здесь в это время было установлено демократическое правительство во главе с популярным писателем Гвераци. Гарибальди отправился в столицу герцогства — во Флоренцию, думая получить от правительства поддержку. Однако Гвераци вел колеблющуюся политику, пренебрежительно относился к крайним радикалам и не оказал Гарибальди никакой помощи.

Тогда Гарибальди решил через Романью (северная часть Папской области) пробраться в Венецию и по-

мочь геройским венецианцам устоять против Радецкого. Венеция была провозглашена республикой еще 22 марта 1848 года, а после предательского перемирия Карла-Альберта в ней была установлена революционно-демократическая диктатура: республика управлялась триумvirатом, во главе которого стоял вождь венецианской демократии Манин. Именно эти решительные мероприятия революционной демократии дали республике возможность удержаться продолжительное время уже после того, как Радецкий вновь завоевал Ломбардию. Однако республика заливалась кровью, и Гарибальди спешил к ней на помощь. Был уже ноябрь, а Гарибальди приходилось перебираться через покрытые снегом Апеннины с плохо обмундированным и не имевшим зимней одежды отрядом. «Было больно смотреть, как пробирались через горы эти мужественные юноши, одетые в это суровое время года в бумажные одежды, иногда просто в лохмотья», — писал Гарибальди. Когда отряд добрался до границы Папской области, Гарибальди сообщили о том, что правительство Пия IX запретило отряду проходить через область. Но в Болонье — город, через который Гарибальди должен был проходить, — в связи с этим началось возмущение масс, грозившее открытым восстанием. Тогда папское правительство вынуждено было уступить и разрешить Гарибальди добраться до Равенны для отплытия в Венецию. В Болонье, а затем в Равенне Гарибальди был восторженно встречен народными массами. В Равенне ему пришлось немного задержаться в ожидании своего сподвижника Мазина, командовавшего кавалерийским отрядом. Власти требовали от Гарибальди, чтобы он немедленно покинул территорию Папской области, и всячески угрожали ему. Но развивавшиеся в Риме события придали делу другой оборот, и Гарибальди пришлось изменить свои прежние планы.

Во время демонстрации в Риме неизвестный из возмущенной толпы убил кинжалом премьера папского правительства Росси — ненавистного массам сторонника австрийской тирании. «Этот удар кинжала, — писал Гарибальди, — разъяснил сообщникам чужестран-

цев, что народ понимает их и не желает снова быть отдан в рабство при помощи лжи и предательства. Убийство Росси показало римскому правительству, что нельзя попираť безнаказанно права и желания народа». Об отъезде Гарибальди из Папской области теперь не могло быть и речи. В Риме происходили массовые демонстрации; было образовано либеральное правительство Мамияни, а папа бежал переодетым в крепость Гаэту. Гарибальди решил теперь отправиться в Рим, чтобы узнать подробно о положении и тогда решить, как действовать дальше. Оставив свой отряд в Равенне, он отправился в путь.

По дороге Гарибальди получил приказ от нового римского правительства, обещавшего зачислить волонтеров в регулярное войско Рима, занять со своим легионом порт Фермо, «которому ничто не угрожало». «Это доказывало, — писал Гарибальди, — что и новые правители нам не доверяли и намеревались держать нас вдали от Рима». В Риме Гарибальди узнал истинное лицо либерального правительства, из боязни революционных масс снова готового на уступки реакции. И здесь Гарибальди разоблачает нерешительность радикалов и «полулибералов», много болтающих, но ничего не делающих для укрепления революционных завоеваний. «В Риме господствовал тот же дух, — пишет он, — что и в Милане и во Флоренции (Гарибальди здесь имеет в виду бывшее временное правительство в Ломбардии и правительство Гверацци в Тоскане. — В. Н.). Италия, оказывается, нуждалась не в бояцах, а в говорунах и торгашах! Деспотизм, чтобы перехитрить и усыпить народ, предоставил на некоторое время бразды правления болтунам, зная, что эти попугаи только расчистят дорогу ужаснейшей реакции, назревавшей на всем полуострове».

Гарибальди требовал решительных мер против реакции и продолжал собирать вокруг себя волонтеров. Вскоре в Рим прибыли и Мадзини; они оба повели бешеную агитацию за созыв Учредительного собрания и вскоре приобрели большое влияние в широких массах. Правительство вынуждено было назначить выборы в

Учредительное собрание. Они произошли 21 января 1849 года, а 5 февраля Собрание уже обсуждало вопрос о форме правления. Гарибальди был избран депутатом Собрания от города Мачераты. Учредительное собрание объявило о лишении папы светской власти и провозгласило Римскую республику. 13 февраля Собрание передало управление республикой триумвирату (Мадзини, Саффи и Армелини), и Мадзини получил диктаторские полномочия. Лишь упорной борьбой добились народные массы установления революционно-демократической диктатуры в Риме.

Победа Римской республики вызвала новую волну революционного подъема по всей стране. Триумvirат был установлен также в Тоскане; влились новые силы в продолжавшую еще существовать осажденную Венецианскую республику; усилилось движение за провозглашение республики в других итальянских государствах. Это был период, когда развитие итальянской революции дошло до своего кульминационного пункта и можно было думать, что вот-вот вся Италия освободится от своих многочисленных тиранов и станет единой республикой.

Но в то время европейская революция переживала уже период упадка. Во Франции была установлена кровавая диктатура Кавеньяка, подавившего июньское выступление парижского пролетариата; реакция поднимала голову в Германии и Австрии. И вот, когда в декабре 1848 года Луи-Наполеон, будущий император Франции, был избран президентом, он решил организовать интервенцию против итальянской революции, боясь распространения революционного движения из Италии во Францию. «Единение Италии, — писал Гарибальди по поводу готовящейся интервенции, — испугало автократическую и иезуитскую Европу, особенно наших западных соседей (Францию и Испанию. — В. Н.), политики которых объявили господство в Средиземном море своим законным и неоспоримым правом».

В апреле 1849 года Луи-Наполеон снарядил экспедицию генерала Удино в Италию. 24 апреля французская эскадра, состоявшая из 14 военных кораблей, при-

была в Чивита-Веккию, и Удино высадился на берег во главе с корпусом в 10 000 человек. Генерал Удино — отпрыск маршала первой империи — считал, что ему не будет стоить никакого труда разгром «итальянских разбойников». «Однако он скоро должен был убедиться, что эти люди защитят свой город от наемников, являющихся республиканцами только по имени», — говорил Гарибальди. Во время прибытия Удино Гарибальди с небольшим отрядом волонтеров находился в Ананьи. Он получил приказ от Мадзини немедленно явиться в Рим. Учредительное собрание Римской республики непрерывно заседало, обсуждая вопрос, как встретить французов: как врагов или как друзей. Удино уверял, что он приехал «защищать землю Папской области от притязаний австрийцев и неаполитанцев». Собрание раскрыло его обман и решило «отразить силу силою».

В городе начались сооружение баррикад и подготовка артиллерии. 27 апреля в Рим явился Гарибальди верхом на лошади, одетый в свой белый панчо (род плаща), в красной рубашке и черной калабрийской шляпе. Герой был восторженно встречен народом, — он один мог отразить врага и защитить «вечный город». Гарибальди было поручено организовать защиту кольца стен, окружавших город. Он расставил силы, укрепил орудия и привел все в боевую готовность. В ночь на 30 апреля Удино, вооруженный первоклассной техникой, начал атаку. В продолжение всего следующего дня происходили упорнейшие бои с переменным успехом. Гарибальди лично руководил сражением и всегда был там, где происходили решающие бои. К вечеру 30 апреля Удино был наголову разбит, и его армия обратилась в позорное бегство.

Эта победа слабо вооруженных и малообученных волонтеров Гарибальди над столь сильным противником могла быть одержана лишь благодаря его умению воодушевлять массы, благодаря его личной самоотверженности и ловкости маневрирования. Один из лучших итальянских революционеров и предшественник марксизма в Италии — Пизакане, бывший сподвижником Гарибальди и участвовавший в этом бою, описывая

причины победы, даст следующую характеристику Гарибальди:

«Гарибальди был одарен совершенно особой, блестящей сообразительностью; он удивительно умел пользоваться обстоятельствами и обойтись небольшим количеством людей, бывших в его распоряжении; исключительно храбрый, никогда не покидавший поля сражения, спокойный и рассудительный в самые трудные минуты, Гарибальди был кумиром всех солдат».

Гарибальди хотел отрезать отступление разбитому неприятелю в Чивита-Веккию и не дать ему погрузиться на свои корабли. Но Мадзини запретил это делать, желая оставить возможность примирения с Францией. Это было ошибкой Мадзини, которая, как увидим ниже, дорого обошлась республике. «Рекогносцировка», как Удино хвастливо называл свое первое сражение с республиканскими войсками, стоила французам 1 300 человек убитыми, ранеными и пленными. После победы в Риме была устроена иллюминация и происходили народные торжества.

1 мая Удино предложил триумvirату перемирие. Для ведения переговоров французское правительство прислало в Рим Лессепса. Это был маневр Луи-Наполеона для того, чтобы выиграть время и успеть отправить Удино новые подкрепления. Пока Мадзини вел переговоры, Фердинанд II вступил со своей двадцатитысячной армией на территорию республики и начал наступать с юга. Гарибальди получил у триумvirата разрешение выступить против неаполитанцев. 4 мая он с отрядом в 2 500 человек отправился навстречу неаполитанской армии. При Палестрине Гарибальди встретился с противником и в первом же сражении (6 мая) разбил его шеститысячный авангард. В следующем сражении при Беллетри (15 мая) Гарибальди наголову разбил неаполитанскую армию и вынудил ее к беспорядочному отступлению. Герой продолжал преследовать неприятеля и мог бы отогнать его далеко от границ республики, если бы не получил неожиданно приказа триумvirата вернуться в Рим, которому снова угрожал Удино.

Защита Римской республики от французских интервентов. Отряд «краснорубашечников» с Гарибальди во главе завоёвывает обратно один из фортвов Рима, захваченный французами, и продолжает наступление (из коллекции ИМЭЛ).

Здесь триумвират во главе с Мадзини допустил большую ошибку, совершив «акт несвоевременной слабости», как правильно указывал Гарибальди. Сектант Мадзини боялся чрезмерной, как ему казалось, решительности Гарибальди и не доверял ему не только в политическом отношении, но и в военном. Так, например, главнокомандующим военными силами республики он назначил неспособного, но зато умеренного, генерала Росселли, боясь назначить на этот пост пользовавшегося славой и популярностью Гарибальди.

В то время как Гарибальди в своих военных операциях учитывал настроение местных жителей и всячески старался привлечь их на свою сторону, Мадзини, будучи больше заговорщиком, чем революционным вождем, боялся привлечения широких масс и рассчитывал лишь на военные победы. Так, после победы при Веллетри Гарибальди хотел продолжать преследование противника на территории Неаполитанского королевства, жители которого «готовы были встать» на его сторону; это, возможно, привело бы к победе революции в Неаполе. Но Мадзини, не веривший в возможность вовлечения неаполитанцев в революцию, воспротивился этому и отозвал Гарибальди. На оборону Рима Мадзини стягивал все военные силы республики, оставляя без защиты даже границы. Это дало возможность беспрепятственно проникнуть на территорию республики австрийским и испанским войскам, также участвовавшим в интервенции наравне с французами. В то же время он нисколько не заботился о привлечении народных масс всей республики для обороны Рима. Гарибальди понимал ошибочность этой тактики и критиковал ее, но он вынужден был подчиняться Мадзини, бывшему «душой» триумвирата. Впоследствии Гарибальди писал об этой губительной тактике:

«Если бы Мадзини, влияние которого в директории (триумвират. — В. Н.) было бесспорным, понял, что я тоже разбираюсь в военном деле, он оставил бы главнокомандующего в Риме, а мне так же спокойно доверил бы второе предприятие при Веллетри, как и первое (при Палестрине), и дал бы возможность наступать на

Неаполитанское государство, население которого ожидало лишь моего отряда, чтобы восстать. Какие изменения в положении, какая будущность открывались для Италии, еще не обессилевшей от нашествия чужеземцев! Вместо этого он отзывает все боевые силы Римского государства — от неаполитанской границы до Болоньи (т. е. от севера до юга. — В. Н.) — и стягивает их снова к Риму, чтобы, как на блюде, подать на съедение деспоту (Луи-Наполеону. — В. Н.), выставившему уже 100 000 человек вместо прежних 40 000. Кто знаком с Римом и его стенами в 18 километров длины, поймет, что защищать город небольшими силами против тех превосходных сил, которыми располагали французы в 1849 году, было невозможно. Нельзя было стягивать для защиты столицы все силы Рима. Большую их часть нужно было перебросить в укрепленные позиции области, призвав народ к оружию, а мне — разрешить продолжать мое победоносное шествие в центр страны, временно приняв меры против попов, что также не было сделано».

Но Мадзини не слушался советов Гарибальди, и итальянская революция от этого много потеряла.

Пока первый триумvir вел переговоры с представителями Франции, к Риму подоспели новые силы Луи-Наполеона, и Удино заявил, что 4 июня он «кончает перемирие». В это же время австрийцы подвигались с севера и приближались к Риму. Вернувшись в Рим и увидев, что в создавшемся тяжелом положении главнокомандующий Росселли не способен организовать оборону «вечного города», Гарибальди потребовал у Мадзини диктатуры. Но тот высмеял его. Здесь проявился оппортунизм Мадзини, его нерешительность в критический момент революции и его стремление сохранить «классовый мир» даже с попами. Гарибальди же, хуже разбиравшийся в вопросах теории, своим чутьем, своим инстинктом всегда умел обнаруживать врагов революции и требовал принятия против них решительных мер (террор против духовенства и дворянства и т. д.). Позднее Гарибальди писал об этом конфликте с Мадзини:

«...Увидев, что гибель неминуема, я потребовал диктатуры, точно так же, как в известных случаях жизни потребовал бы управления лодкой, которую шторм бросает на скалы. Но Мадзини и его сторонники нашли мое требование странным. Однако несколькими днями позднее, 3 июня, когда враг одурачил их и овладел господствующими позициями, которые мы потом напрасно старались вернуть ценой драгоценной крови, глава директории (Мадзини. — *В. Н.*) написал мне и предложил пост главнокомандующего. Я был обязан принять это почетное назначение».

Но было поздно; назначение Гарибальди на пост главнокомандующего не могло уже теперь спасти положения. Удино обманул триумvirат, заявив, что он кончает перемирие 4 июня: чтобы застать римскую армию врасплох, он уже в ночь на 3 июня начал бомбардировку города, окружив его со всех сторон своей сто-тысячной армией.

Никто не ожидал нападения в эту ночь. Гарибальди и волонтеры, прибывшие в Рим всего несколько дней назад измученными после битвы при Веллетри, были разбужены пушечными выстрелами. Они немедленно бросились к воротам Сан-Панкратио, откуда слышался гром орудий. Передовая часть благодаря предательству была застигнута врасплох, и французы сразу же овладели главными пунктами. Гарибальди убедился, что от форта Сан-Панкратио зависит судьба Рима; «поэтому это место было атаковано с храбростью самопожертвования и с настоящим героизмом». Гарибальдийцы в красных рубашках были неустрашимы. Жестокая борьба завязалась у виллы Корсини, которая в этот день — 3 июня — несколько раз переходила из рук в руки. Все виды оружия были пущены в ход. Когда волонтеры не могли ответить превосходно вооруженному противнику столь же действенным, как и у него, огнестрельным оружием, они пускали в ход сабли и пики, бросались в штыки, дрались врукопашную. Сам Гарибальди все время находился среди солдат и лично руководил действиями, бросаясь туда, где было опаснее всего. Много офицеров было убито, почти

Штаб Гарибальди в монастыре св. Сильвестра в Риме (снимок из журнала
 'The Illustrated London News', 1848 г., вып. XIV, стр. 417).

все остальные ранены, но Гарибальди, больше всех подвергавший себя опасности, оставался невредим, хотя его панчо весь был продырявлен пулями. «Это сражение 3 июня 1849 года — одно из самых славных сражений итальянского оружия», — говорит Гарибальди. Но слабо вооруженные героин-волонтеры не могли устоять против первоклассно вооруженного и в пять-шесть раз превосходящего их численно противника. К вечеру 3 июня Удино окончательно укрепился у форта Сан-Панкрацио, и выбить его оттуда не было уже больше надежды. Это определило участь Рима. Гарибальди приказал измученным волонтерам отступать; но оружия он не сложил.

В продолжение всего июня Гарибальди во главе своих самоотверженных волонтеров десятки раз бросался в бой, рискуя своей жизнью и теряя своих лучших сподвижников. «С апреля до июля, — говорит Гарибальди, — наши юные борцы оказывали опытному, значительно превосходящему их численно, лучше организованному и обеспеченному врагу доблестное сопротивление, защищая каждую пядь земли». «Какие имена!» — восклицает он, перечисляя таких выдающихся своих сподвижников, как Мазина, Мамелли, Дандоло, Перальта, Даверно, Паницци, Давиде и др., которые «пали жертвой священников и наемников разбойничьей республики» (Франции. — В. II.).

Но все это было тщетно. Защитить Рим от осадившего его стотысячного войска было невозможно. Осажденный город изнемогал и не мог больше сопротивляться. 1 июля в Учредительном собрании решался вопрос: продолжать оборону или прекратить ее? Был вызван Гарибальди. Он пришел прямо с передовых линий, весь в поту и грязи.

«Когда я появился в дверях залы, — рассказывает Гарибальди, — все депутаты поднялись со своих мест и приветствовали меня аплодисментами. Не понимая, что могло вызвать в них такой необыкновенный энтузиазм, я стал искать причины его вокруг себя и на себе. Я весь был покрыт кровью, моя одежда была пронизана пулями и изодрана штыками; согнувшаяся сабля только наполовину входила в ножны!»

Возможно ли продолжение обороны? — спросили у Гарибальди триумвиры. «Мы сможем продержаться всего лишь несколько дней, и то при условии полного разрушения половины города», — последовал ответ талантливого полководца. На другой день Собрание решило прекратить оборону, обнародовав при этом конституцию Римской республики, окончательно разработанную во время осады, и издало ряд декретов, которыми устанавливались пенсии семьям жертв осады, предоставлялось право гражданства участвовавшим в защите города иностранцам и пр. 3 июля армия Удино вступила в Рим под французскими и папскими знаменами, и последние депутаты, оставшиеся в Капитолии, были разогнаны оружием.

Так французскими и австрийскими штыками была задушена Римская республика и была восстановлена власть папы.

Но Гарибальди все еще не хотел сдаваться. Он «решил пробиться сквозь неприятельский строй, чтобы попытаться еще раз изменить судьбу родины». Он ответил решительным отказом на советы друзей скрыться или бежать после падения Рима.

2 июля к нему обратился с письмом посланник США, сообщая ему, что если он захочет покинуть Италию, то к его услугам будет корабль в Чивита-Веккии. Гарибальди, «поблагодарив представителя Великой республики», заявил, что не считает еще судьбу Италии безнадежной и не думает прекратить борьбу.

В день вступления Удино в Рим Гарибальди собрал своих волонтеров на площади Ватикана и заявил им: «Друзья солдаты! Тем из вас, кто захочет следовать за мной, я предлагаю голод и жажду, холод и зной, постоянные тревоги, отсутствие пороха и других запасов, но штыковые атаки, форсированные марши день и ночь, бодрствование до потери сил — без отдыха и без крова, словом, — кто любит Италию, пусть идет за мной!»

Таких нашлось 4 000 человек. С этим отрядом Гарибальди двинулся на помощь Венецианской республике, в продолжение 8 месяцев упорно сопротивлявшейся австрийцам. Этот поход мог предпринять только такой

беззаветно преданный революции человек, легендарный герой, каким был Гарибальди. В самом деле, революция подавлена почти по всей Италии, надежды на ее спасение не может быть; чтобы добраться до Венеции, нужно пройти всю Центральную Италию, занятую австрийцами и испанцами, свирепо расправляющимися с каждым итальянским патриотом; сам Гарибальди и его волонтеры измучены и безоружны; их преследует французская армия. Но Гарибальди все же решился на эту экспедицию. Этим блистательным отступлением из Рима Гарибальди показал себя не только талантливым полководцем и отважным героем, но и выдающимся военным стратегом, необычайно находчивым и умеющим маневрировать в любых условиях. В продолжение месяца Гарибальди десятки раз выскальзывает из железного кольца трех армий, приводя неприятеля в изумление ловкостью своего маневрирования и своей отвагой.

Вместе с Гарибальди все время была Анита.

Она героически сражалась в дни обороны Рима, участвуя во всех боях в качестве адъютанта Гарибальди или командира подразделения, занимавшего ту или иную передовую позицию. Когда после падения Рима Гарибальди выступил в поход, Анита отправилась вместе с ним. Путь был неописуемо труден. Отряду пришлось перебраться через Апеннины. Провизии не было и не на что было ее купить. Мало того, что приходилось убегать от трех армий противника, нужно было остерегаться шпионов и предателей, количество которых увеличивалось с каждым днем после воцарения реакции. Австрийцы и попы всяческими способами — подкупам и террором — сумели натравить часть жителей на Гарибальди, рисуя его бандитом и разбойником.

Гарибальди был вынужден каждую ночь переходить с одного места на другое, так как недоброжелательное отношение населения и шпионаж помогали австрийцам очень быстро узнавать местонахождение отряда. Несмотря на это он все время вел агитацию среди жителей, надеясь «пробудить в них любовь к отечеству» — поднять их на восстание.

Anita Garibaldi

Minialtura fatta eseguire da
mio Padre al Pittore Gollino
in Montecitorio nel 1845

Questo posseduto dal D. Canaleio
è l'unico e vero ritratto di
mia madre.

A Ricchiotti Garibaldi

Анита Гарibaldi
(с автографом ее сына Риччиотти).

Австрийцам удалось нанести отряду несколько ощутительных ударов. При переходе через Апеннины Гарибальди потерял арьергард — истощенных и измученных волонтеров.

Многие из них дезертировали. «Одной из самых мучительных вещей в этом отступлении было дезертирство, иногда даже среди офицеров — моих старых боевых товарищей... И это были солдаты Гарибальди!» — с горечью восклицает герой.

Гарибальди презирал трусов, предателей и дезертиров. Некоторых из пойманных дезертиров он тут же приказал расстрелять. Служа сам примером, он требовал такого же мужества и выдержки от своих солдат, называя нытиков и паникеров «изнеженными буржуа» и «выродившимися потомками величайшей нации». Видя, что продолжать поход невозможно, Гарибальди решил 31 июля перейти на территорию нейтральной республики Сан-Марино (вблизи Адриатического моря). Эта республика представляла собой в то время изумительный пример независимости; даже австрийцы вынуждены были относиться к ней с уважением и во время войны оставить ее в покое.

Вдогонку Гарибальди к границе республики подошли австрийские части. Через республиканское правительство австрийский генерал Горжковский предложил Гарибальди перемирие, но условия его были неприемлемы — он требовал разоружения. Гарибальди ответил, что с врагами Италии он ни в какие соглашения вступать не хочет.

Правительство Сан-Марино, сочувствуя Гарибальди, просило однако не нарушать нейтралитета республики и не начинать на ее территории сражения с австрийцами. Тогда Гарибальди заключил соглашение с правительством республики, по которому оружие должно было быть сложено на нейтральной почве и каждый волонтер мог беспрепятственно удалиться, куда хочет. Прощаясь со своими волонтерами, Гарибальди заявил им:

«Солдаты! Я освобождаю вас от обязанности следовать за мной дальше. Отправляйтесь обратно на вашу

родину, но помните, что Италия не должна пребывать в рабстве и позоре!»

Так кончилось блистательное отступление Гарибальди из Рима в Сан-Марино. Энгельс писал об этом походе:

«Австрийцы недооценили этого человека (Гарибальди. — В. Н.), которого они называют атаманом разбойников; а между тем, если бы они потрудились изучить историю осады Рима и его похода из Рима в Сан-Марино, то они признали бы в нем человека необычайного военного таланта, выдающегося бесстрашия...»¹

Сам же Гарибальди, распустив свой отряд, и теперь все еще «не намеревался сложить оружие». Он «надеялся с горстью товарищей пробиться в Венецию».

Несмотря на все страдания и лишения, перенесенные отрядом, все же нашлось еще около 200 человек, пожелавших следовать за Гарибальди. Это были лучшие сподвижники Гарибальди, среди которых было немало ветеранов монтевидейских сражений.

В полночь 1 августа Гарибальди отправился со своим отрядом из Сан-Марино к берегу Адриатического моря, чтобы на лодках переправиться в Венецию.

Генерал Горжковский пришел в бешенство, узнав о том, что могучий воин покинул Сан-Марино в сопровождении небольшого отряда волонтеров. Он объявил, что расстреляет всех, «кто посмеет снабжать Гарибальди и его разбойничью шайку хлебом, водой или огнем», и назначил высокую цену за его голову. Несмотря на эти угрозы, нашлись люди, которые всячески помогали Гарибальди.

На берегу моря Гарибальди встретил рыбаков, сейчас же узнавших его. Они предоставили в его распоряжение 13 лодок, в которых он разместил своих сподвижников и отправился с ними на помощь истекающей кровью Венеции. Поднявшийся шторм не поколебал решимости Гарибальди. Не успел он добраться до бухты Кап-Горо, как был обнаружен в море тремя

¹ Энгельс, Стратегия войны, Соч. Маркса и Энгельса, т. XI, ч. 2, стр. 183.

искавшими его австрийскими судами. Австрийцы открыли пушечный огонь по лодкам, призывая сигналами весь флот. «Я предлагаю читателю, — пишет Гарибальди, — представить себе мое состояние в эти ужасные часы... Враг с моря с необычайной скоростью преследует нас по пятам, перед нами же перспектива высадиться на берег, где нас, по всей вероятности, ожидают многочисленные вражеские отряды не только австрийцев, но и папы, уже тогда бросившегося в объятия самой дикой реакции... Тем не менее я попробовал, игнорируя направленные против меня жерла пушек, пробиться меж неприятельскими кораблями и берегом. Но остальные, испуганные звуками выстрелов и увеличивающимися силами противника, повернули обратно. Не желая покинуть их, я последовал за ними». Из тринадцати лодок Гарибальди удалось спасти и привести к берегу только четыре. Остальные были частью взяты в плен, частью потоплены.

На берегу вражеских отрядов не оказалось. Своим спутникам Гарибальди приказал разделиться и поодиночке отправиться на поиски убежища. Часть из них была поймана австрийцами и после зверских пыток расстреляна.

Среди расстрелянных были Уго Басси, бывший римский монах, а затем неразлучный спутник Гарибальди во всех его сражениях, и ремесленник Чичероваккио — вождь римского плебса со своими двумя малолетними сыновьями. Сам Гарибальди не мог далеко уйти, так как Анита, измученная и истощенная перенесенными страданиями, умирала у него на руках. С трудом добрались они при помощи своего друга Леджиеро до дома бедного крестьянина. Оттуда они поехали на подводе в ближайший городок, где должен был быть врач. Но когда Аниту внесли в дом врача, она была мертва.

Преследуемый австрийцами, Гарибальди не мог сам похоронить ее. Он вынужден был скрыться, а его товарищи тайком зарыли тело Аниты в мягком песке Мандриолы. Так закончила свою жизнь эта замечательная женщина.

Гарибальди пришлось снова пересечь весь полуостров с востока на запад, чтобы спасти себе жизнь. Он бежал в Тоскану, а оттуда добрался до берегов Пьемонта. Если бы Гарибальди не находил на каждом шагу добровольных помощников, он никогда не выбрался бы из окружающего его кольца австрийских наемников. Люди готовы были жертвовать своей собственной жизнью, чтобы спасти жизнь народного героя.

В первом пьемонтском городе Кьявари, куда добрался Гарибальди, он был арестован по приказанию королевского комиссара Генуи генерала Ла-Мармора. Арестованный был доставлен в Геную и заключен в крепость. Арест вдохновителя борьбы против австрийской тирании правительством, именовавшим себя «патриотическим», вызвал взрыв возмущения широких масс. Даже смиренный пьемонтский «парламент» осудил правительство за арест Гарибальди и потребовал его освобождения. Правительство вынуждено было его освободить, предложив ему, однако, покинуть пределы Пьемонта.

Гарибальди видел, что теперь в Италии ему уже нечего делать: 22 августа была задушена последняя республика 1848 года — Венецианская; австрийцы снова хозяйничали в Северной и Центральной Италии; массы были подавлены, всюду восторжествовала реакция. И он согласился на вторичное изгнание, надеясь вернуться, как только услышит голос восстающей Италии. Гарибальди испросил себе у генерала Ла-Мармора 24 часа для того, чтобы «обнять в Ницце своих детей, перед тем как отправиться во вторичное изгнание». 16 сентября 1849 г. Гарибальди отплыл из Италии на пароходе «Триполи».

Революция 1848—1849 годов не принесла Италии национального объединения и не освободила ее от гнета иностранных и отечественных монархов. В силу неразвитости и слабости пролетариата, колебаний мелкой буржуазии, предательства либеральной буржуазии и слабого участия крестьянства, революция была обречена на поражение. Но уже в этой революции намечились две тенденции в воссоединительном движении Италии: тенденция либеральной торгово-про-

мысленной буржуазии и помещиков, боровшихся за воссоединение «сверху», и тенденция революционной буржуазии (главным образом мелкой и средней) и широких народных масс к борьбе за воссоединение «снизу».

Гарибальди, будучи мелкобуржуазным революционером, показал себя в этой революции одним из лучших вождей в борьбе за воссоединение «снизу», в борьбе за установление революционно-демократической диктатуры.

Если Гарибальди не мог в революции 1848—1849 годов претворить свои идеалы и свои стремления в жизнь и у него не было возможности делать «эксперименты», то такую возможность история предоставила ему в революцию 1859—1860 годов, поставив его на время у власти. Как он с этим справился, мы увидим в дальнейшем.

IV. ГАРИБАЛЬДИ В ВОЙНЕ И РЕВОЛЮЦИИ 1859—1860 ГОДОВ

(Освобождение Южной Италии)

Гарибальди решил вначале поселиться на северной оконечности африканского материка — в Тунисе.

«Надежда на лучшее будущее для моей родины заставила меня предпочесть место, находящееся недалеко от нее», — писал он. Действительно, от Туниса до западной оконечности Сицилии не больше 200 километров. Однако, прибыв в Тунис, Гарибальди даже не мог сойти на берег: по настоянию французского консула тунисский бей запретил ему поселиться в своих владениях. На военном корабле «Коломбо» Гарибальди был отправлен под стражей на остров Маддалена, а затем в Гибралтар. Но и здесь английским губернатором ему было запрещено поселиться. Тогда Гарибальди отправился в Танжер, где ему предоставил убежище сардинский консул Карпенето, либерал по убеждениям. Гарибальди пробыл здесь 6 месяцев, не находя себе определенного занятия. Это мучило героя, не привыкшего жить без дела: «Я был бессилен в осуществлении своей политической миссии, но я хотел по крайней

мере найти занятие, которое помогло бы мне вести самостоятельное существование». Такого занятия, однако, Гарибальди не находил; воспользовавшись свободным временем, он приступил к писанию своих «Записок», впервые изданных Александром Дюма в 1860 году, а затем несколько раз переизданных; закончил он их только в 1872 году...

Пребывание в Танжере под надзором сардинского консула явилось для Гарибальди настоящей мукой. Как только представился случай, он решил снова переплыть океан и попытаться найти себе работу в Нью-Йорке. Летом 1850 года он уже был в этой гигантской столице Нового Света. Здесь он встретился со своим знакомым — флорентинским эмигрантом Антонио Месучи, владельцем небольшой свечной фабрики; к нему он поступил в качестве рядового рабочего. «Я решил работать на фабрике, — говорил Гарибальди, — с условием выработать столько, сколько смогу». Таким образом «герой Монтевидео и Рима» (Маркс) превратился в свечевара, и долгими часами ему приходилось простаивать с засученными рукавами у котла, чтобы заработать себе на хлеб. Это занятие было не по нутру Гарибальди, и он стал подыскивать себе другую работу. Не раз он пытался получить работу грузчика в Нью-Йоркском порту, но ему это не удавалось. У него вновь появилась страсть к жизни моряка.

В 1851 году Гарибальди получил место капитана на небольшом торговом судне «Кармен», принадлежавшем его знакомому — Франческо Карпанетто, и побывал у берегов Панамы, Австралии и Китая. В начале 1854 года, после возвращения из обычного рейса в Китай, Гарибальди получил предложение от итальянца Филигари отвести в Европу купленное им в Нью-Йорке судно. Гарибальди принял предложение и в конце февраля 1854 года прибыл в Лондон.

Здесь он встретил Мадзини, который познакомил его с А. И. Герценом. С первого же знакомства эти различные по своему характеру и по взглядам люди почувствовали такое влечение друг к другу, что уже через несколько дней после первой встречи (14 марта)

Гарибальди пишет Герцену, что он его «друг на всю жизнь».

Для характеристики настроения Гарибальди этого периода интересен его разговор с Герценом. Когда последний спросил героя, почему он избрал себе профессией «морскую жизнь» и не думает ли он поселиться в Европе, он ответил: «Что теперь делать в Европе? Привыкать к рабству, изменить себе, или в Англии ходить помиру. Поселиться в Америке еще хуже: это конец, это страна «забвения родины», это новое отечество, там другие интересы, все другое; люди, остающиеся в Америке, выпадают из рядов. Что же лучше моей мысли, что же лучше, как собраться в кучку около нескольких мачт и носиться по океану, закаляя себя суровой жизнью моряков, в борьбе со стихиями, с опасностью. Пловучая революция, готовая пристать к тому или другому берегу, — независимая и недосигаемая!»¹

Эти слова Гарибальди показывают, что, несмотря на все лишения, которые ему пришлось претерпеть в этот период всеобщей мрачной реакции, он не «выветрился», он старался не «выпасть из рядов» и продолжал думать об итальянской революции.

Гарибальди скоро пришлось расстаться с Герценом, так как ему нужно было отвести корабль, на котором он приехал из Америки, к месту назначения — в Геную.

Прибыв туда, Гарибальди не мог удержаться от поездки в Ниццу к своим детям, которых через пять лет он повел на борьбу.

Несмотря на то, что Гарибальди стала противна буржуазно-монархическая Европа и он предпочитал жить вольной жизнью моряка, все же после посещения Ниццы его охватило желание остаться на родине или хотя бы вблизи нее.

Старые товарищи героя настаивали, чтобы он не уезжал далеко от своей родины, указывая на перспективы возобновления борьбы в скором будущем. Это удержало Гарибальди от поездки за океан.

¹ Герцен, Соч., т. III, Спб. 1905 г., стр. 60.

Дом Гарибальди на Карпере.

Не имея возможности остаться даже в самом «либеральном» государстве Италии — Пьемонте, Гарибальди решил поселиться на одном из маленьких островков Тирренского моря — на диком, поражающем своею красотою островке Капрера, недалеко от острова Сардиния. На небольшие средства, собранные за время плавания, Гарибальди купил на острове клочок земли. Бесстрашный полководец и борец за итальянскую свободу занялся земледелием, охотой и рыболовством.

«Период моей жизни от прибытия в Геную в мае 1854 года до отъезда с острова Капрера в феврале 1859 года, — пишет Гарибальди, — не представляет интереса. Эти годы были посвящены морским поездкам и постройке маленького дома на острове Капрера».

Этот период жизни Гарибальди необходимо отметить в отношении ряда политических ошибок, допущенных им в годы ниспадения революционного движения: в стремлении достичь «практических» результатов в борьбе за воссоединение Италии.

Гарибальди был прежде всего итальянским патриотом. Мы уже отмечали выше, что главным для него являлось воссоединение Италии и освобождение ее от австрийского ига. Для достижения этой цели он готов был на любой союз. 50-е годы особенно располагали к поискам союзников «на стороне». В самом деле, после поражения революции во всей Италии (за исключением Пьемонта) воцарилась жесточайшая реакция; республиканская партия Мадзини, переживавшая в эти годы упадок, раскололась: значительная часть ее бывших членов повернула вправо; например один из вождей партии — бывший диктатор Венецианской республики Манин — обратился в 1855 году с открытым письмом к сардинскому королю, призывая его «создать единую Италию, и тогда все республиканцы и патриоты будут на его стороне»; ряд организованных Мадзини восстаний (1852, 1853 и 1857 годов) окончились поражением. В это время Пьемонт являлся единственным итальянским государством, где еще не все следы революции были уничтожены: здесь была сохранена частично свобода печати, оставлена цензовая палата и др. Это было осуществле-

ние хитрой династической политики Кавура¹, ставшего у власти в 1850 году и стремившегося привлечь симпатии народных масс и республиканцев планом «собираения Италии» вокруг савойского дома. Часть республиканцев поддавалась этой политике «кпута и пряника». Даже такой бесстрашный революционер и крупный деятель национально-освободительного движения Италии, как Феличе Орсини, писал в эти годы: «Все теперь надеются на сардинское правительство, имеющее войско. Это правительство — единственное, дающее известную свободу своим подданным и питающее у итальянцев надежды на освободительную войну».

Это общее настроение захватило и Гарибальди. Он тоже считал, что Пьемонт может и должен начать войну против Австрии и что республиканцы должны поддерживать его. Он выступает теперь против Мадзини, развенчавшего в своей газете «Italia del popolo» «либерализм» Пьемонта: «Раздувать раздор между нами и Пьемонтом в то время, когда мы имеем только одно войско — войско сардинского короля, это опрометчивость, ненужная дерзость, доходящая до преступления», — говорил он. Гарибальди однако вскоре разочаровался в «ценности» сардинского войска для освобождения Италии. Для настроения Гарибальди в этот период характерен также и его отказ от участия в «Саприйской экспедиции» Пизакане в 1857 году (высадка 300 патриотов в Сапри — в Королевстве Обеих Сицилий). Эта экспедиция с самого начала была обречена на гибель, и это — главная причина, почему Гарибальди отказался в ней участвовать.

Главной же ошибкой Гарибальди в этот период было его вступление в «Национальное общество» («Società nazionale italiana»), но он скоро осознал свою ошибку и ушел из него. Это общество было организовано в 1857 го-

¹ Граф Камилло Бензо Кавур (1810—1861) с 1850 года играл руководящую роль в правительстве Сардинского королевства. Идеолог умеренно-либеральной партии, отражавшей интересы либеральных буржуазившихся помещиков и торгово-промышленной буржуазии; стремился к объединению Италии под властью короля Сардинии Виктора-Эммануила.

ду бывшим мадзипистом Маниным, о котором нам уже приходилось говорить. Считая, что воссоединение Италии невозможно без содействия Пьемонта, общество выставило своим девизом «Италия и Виктор-Эммануил» и существовало в Сардинском королевстве легально. Как только общество было образовано, к Гарибальди обратился его бывший друг Паллавичино с предложением принять в нем участие. С такими же просьбами к Гарибальди обратились многие его друзья, доказывавшие необходимость поддержки этого общества в интересах общего дела. Гарибальди уступил этим настояниям и обещал обществу свою поддержку; таким образом он был зачислен в члены общества, хотя активного участия в нем не принимал, оставаясь жить на Капрере в одиночестве. В 1859 году, убедившись в излишней умеренности общества, он официально заявил о том, что выходит из него. Тем не менее для этого периода жизни Гарибальди характерны колебания, и это наложило свой отпечаток на его деятельность в наступившей освободительной войне и революции 1859—1860 годов.

Стремясь играть роль гегемона в Италии и объединить ее под своей эгидой, Пьемонт уже давно готовился к популярной в народе войне против Австрии. Однако для осуществления своей династической политики он нуждался в иностранных союзниках. Без иностранной помощи он не мог ни свергнуть отдельных итальянских государей, ни даже парализовать их влияния. С целью приобретения союзников премьер-министр Пьемонта Кавур уже в 1855 году, во время Крымской войны, послал 15-тысячное войско в Севастополь на помощь французам. За участие в этой войне Луи-Наполеон обещал Кавуру «моральную поддержку» в стремлении Пьемонта стать единственной «национальной монархией Италии». Развертывание революционных событий в самой Франции заставило Луи-Наполеона ускорить свои военные приготовления против своего династического соперника — Австрии. Летом 1858 года в Пломбьере состоялось знаменитое свидание Наполеона с Кавуром, на котором было решено начать войну с Австрией. Согласно договоренности, после победы над Австрией,

Пьемонт должен был получить Ломбардо-венецианскую область, а в виде компенсации за это уступить Франции Савойю и Ниццу. Однако, заключив тайно эту династическую сделку с Бонапартом, сардинское правительство одновременно стремилось привлечь на свою сторону демократию, зная, что, если освободительное движение будет развиваться самостоятельно «снизу», монархия потерпит крах. В этих целях оно перед началом войны объявило политическую амнистию и начало заигрывать даже с республиканцами.

Гарибальди хорошо понял эту хитрую политику пьемонтского правительства, о котором писал позже, что «оно стремилось приобрести популярность в итальянских народных низах и хотело сблизить итальянскую демократию с царствующим домом». Но он понял это лишь впоследствии; перед началом войны он еще не вник в тонкости пьемонтской дипломатии.

Когда приготовления к войне заканчивались и нужно было возможно скорее начинать военные действия, чтобы умерить нараставшее народное возмущение, граф Кавур пригласил Гарибальди в Турин (февраль 1859 года) и предложил ему начать вербовку волонтерских отрядов. Хотя Гарибальди подозрительно отнесся к планам Кавура относительно войны против Австрии и ему неприятно было сражаться под флагом правительства, обрекшего его всего девятью годами ранее на изгнание, он все же принял это предложение. «Я привык подчинять любые свои политические убеждения цели объединения Италии, каким бы путем это ни происходило», — писал он. Соглашаясь сражаться в рядах пьемонтской армии, Гарибальди тайно надеялся, что в этой войне вместе с другими падет и сардинская монархия. Если Виктор-Эммануил и Кавур сознательно стремились использовать Гарибальди и всю революционную демократию в своих интересах, то Гарибальди надеялся, что и ему удастся использовать хорошо вооруженную армию пьемонтского короля в интересах итальянской революции...

Что касается участия Наполеона III в войне и его обещаний «помочь делу Италии», то эта «помощь» не

внушала особого доверия Гарибальди, «но что же можно было сделать?» — спрашивает он. Об условии участия Бонапарта в войне — об уступке ему Савойи и Ниццы — Гарибальди конечно не знал; и мы увидим ниже, как он обрушился на Кавура, когда узнал об этой предательской сделке. Но мелкобуржуазные революционеры типа Гарибальди готовы были принять помощь даже от императора французов¹. На практике получилось, что Гарибальди неоднократно пришлось вступать в бой с войсками императора, который был жесточайшим врагом воссоединения Италии.

Как только Гарибальди явился в Турин (столицу Пьемонта) и обратился с призывом к народу, толпы добровольцев начали стекаться к нему со всех концов полуострова. Уступая требованиям Наполеона, пришедшего в ужас от такого энтузиазма добровольцев, Кавур предложил Гарибальди особо не усердствовать и поменьше бывать у всех на виду.

Гарибальди вскоре понял, для чего он был вызван в Турин, и с гневом вспоминал, как его имя использовала кавуровская клика. «После моего короткого пребывания в Турине в качестве приманки для итальянских добровольцев, — писал он, — я скоро понял, с кем имею дело и что от меня хотят. Я был опечален, но что я мог предпринять? Нужно было выбрать меньшее зло.

Невозможно было достичь всего — нужно было добиться того немногого, что было возможно». Гарибальди пришлось играть в прятки. Он должен был находиться и здесь и там! Добровольцы должны были знать, что он в Турине для того, чтобы можно было их собрать вокруг него. Но в то же время Гарибальди просили оставаться на заднем плане и не давать повода для дипломатических конфликтов. «Что за положение! Созвать добровольцев в возможно большем количестве, чтобы потом командовать возможно меньшей частью их

¹ Один из крупнейших деятелей национально-свободительного движения Италии, Ф. Орсини произвел 14 января 1858 года неудачное покушение на Луи-Наполеона именно потому, что он «не помогает делу Италии». За это покушение Орсини был казнен.

и именно той, которая наименее пригодна для военной службы!»

Между тем с вербовкой волонтеров нужно было покончить. 29 апреля 1859 года Австрия, узнав о военных приготовлениях Пьемонта и Наполеона, начала войну первой. Наполеон вступил со своей армией в Пьемонт, и объединенная франко-пьемонтская армия отправилась навстречу австрийской армии, успевшей уже перейти пьемонтскую границу. Используя имя Гарибальди, Кавур вначале не дал ему даже командования самостоятельным подразделением: он был назначен младшим офицером в часть генерала Чиальдини. Позже Гарибальди все же получил командование корпусом «альпийских егерей» (охотников) в 3 000 человек, состоявшим из одних добровольцев, таких же храбрых и бесстрашных, как и их предводитель.

Республиканцы-мадзинисты, критиковавшие до начала войны корыстные цели Пьемонта и Луи-Наполеона, приняли участие в войне, как только она началась, и стали стекаться в часть Гарибальди. Первые военные действия отряд Гарибальди совершил в качестве вспомогательной части союзной армии. Ему было поручено занять дорогу на подступах к Турину. Видя, как волонтеры рвутся в бой, главное командование вынуждено было разрешить Гарибальди действовать самостоятельно и поручило ему операцию против правого фланга наступающей австрийской армии.

В 1848 году Гарибальди последним покинул Ломбардию, в 1859 году он первым вступил в нее. Уже 17 мая Гарибальди во главе своего 3-тысячного отряда переправился через Тичино (пограничная река между Пьемонтом и Ломбардией) и вступил на ее левый берег, где его ожидала укрепившаяся 40-тысячная армия австрийского генерала Урбана. Гарибальди указывает, что, когда он узнал об этом «страшном враге», «действительно мороз мог подрать по коже!» Но его храбрые и закаленные «альпийские охотники» были охвачены революционным энтузиазмом, и после нескольких решительных сражений с австрийцами Гарибальди вступил в ближайший город Ломбардии — Варезе.

В самой Ломбардии все уже было готово к революции. Во многих городах были сорваны австрийские флаги и вывешены национальные. Жители Варезе, как позже и население других местностей, встретили Гарибальди с восторгом. Все вышли встречать освободителя Ломбардии от долголетнего австрийского ига.

«Было трогательно смотреть, — пишет Гарибальди, — как горожане и солдаты, ликуя, обнимали друг друга. Даже женщины и девушки отбросили свою обычную сдержанность и, кипя восторгом, кидались на шею суровым бойцам».

Видя прием, какой народные массы оказывают доблестным волонтерам, Гарибальди еще стремительнее стал преследовать противника. После победы при Варезе последовала победа при Комо. Опять ликование народа, иллюминация города, звон колоколов, возгласы «eviva» и т. д. Старый вояка Урбан в панике отступал для соединения с главными силами Австрии — на юго-восток Ломбардии... А Гарибальди занимал город за городом — Бергамо, Паладзано, Брешию и другие. Это был первый триумфальный марш Гарибальди в революции 1859—1860 годов. Итальянский поэт Луиджи Меркантини, певец национально-освободительного движения, мог уже тогда начать писать «Гимн Гарибальди», ставший затем любимой песней итальянского народа:

«Открылись могилы, мертвые встают,
Все наши мученики воскресли.
Меч — в руке, лавр — на голове,
Огонь и имя Италии — в сердце.
Идем смелее, молодые полки, идем!
Пусть наши знамена взвоятся по ветру!
Смелее идите ж с железом и огнем,
Будро, с любовью к Италии в сердце!..
Прочь из Италии, иноземец!
Уходи, пробил твой час!
Прочь из Италии, иноземец!
Уходи, пробил твой час!»

* * *

Благодаря правильной политике в занятых местностях Гарибальди пользовался активной поддержкой

не только городских масс, но и крестьянства. А завоевать крестьянство на сторону революционной демократии в Ломбардо-венецианской области было труднее, чем где бы то ни было еще в Италии, так как здесь австрийцам нередко удавалось натравливать невольственных крестьян на патриотов. Гарибальди смотрел на крестьянство как на важнейшую силу в национально-освободительном движении и всегда вел среди него агитацию и пропаганду. «У нас священники внушают крестьянам, — писал Гарибальди, — что их родина на небе, а не в Италии, которую им предписывают ненавидеть. Поэтому крестьяне должны проклинать радикалов как еретиков и благословлять французов и австрийцев как освободителей». Этой деятельности священников и австрийцев Гарибальди противопоставлял систематическую разъяснительную работу среди крестьянства.

В занятых местностях Гарибальди разузнавал устройство населения, собирал его и разъяснял, кто он и за что он борется.

Он интересовался нуждами жителей. Крестьян он освобождал от всякого рода налогов. Так например, придя в Бергамо, Гарибальди узнал, что «неприятель обложил деревни долины податью». Он тут же издал распоряжение об отмене всех налогов и податей и «спас, — как он говорит, — бедных селян от грабежа». Эта политика Гарибальди по отношению к крестьянству приобретает еще большее значение, если сравнить ее с политикой Мадзини, который недооценивал крестьянство, считал его реакционным и не вел среди него никакой работы, за что Маркс и Энгельс его неустанно критиковали¹.

Эта политика Гарибальди имела своим следствием стремление широких народных масс стать под его знамена; всюду, куда он ни приходил, «население требовало оружия», как он сам указывает. Однако в оружии и в боеприпасах у Гарибальди был большой недо-

¹ См. Маркс, Письмо к Вейдемейеру от 11/IX 1851 г., Соч. Маркса и Энгельса, т. XXV, стр. 112.

статок, и он мог существовать лишь с теми запасами, которые ему удавалось захватить у неприятеля. Причиной этого, как указывал Маркс, было то, что он не мог «...добыть денег на покупку оружия для своей армии добровольцев...»¹

Гарибальди сообщал об этом в генеральный штаб и просил прислать ему оружие и боеприпасы; обмундированием и провизией его снабжало местное население, отдавая часто последнее. По словам Гарибальди, «Кавур не хотел увеличить количество его солдат». Одержанные Гарибальди победы при Варезе и при Комо (в то время, когда соединенная франко-пьемонтская армия не добилась еще никаких успехов), завоевание им на свою сторону широких народных масс приводили в ужас кавуровскую клику вместе с Луи-Наполеоном.

Они, чем только могли, старались ослабить корпус Гарибальди и часто, желая от него избавиться, посылали его на верную гибель. Об этом свидетельствуют Маркс и Энгельс, с величайшим вниманием следившие за деятельностью великого партизана.

«Возможно, — писал Энгельс, — что Гарибальди был отправлен в Ломбардию Луи-Наполеоном и Виктором-Эммануилом с расчетом, что он и его добровольцы там погибнут, ибо это — элемент, пожалуй, слишком революционный для этой династической войны. Такая гипотеза поразительно подтверждается тем фактом, что его поход происходил без необходимой поддержки...»² То же самое писал Маркс в письме к Энгельсу от 27 мая 1859 года (т. е. всего через 10 дней после того, как Гарибальди переправился через Тичино!):

«По моему мнению, Гарибальди нарочно посылают на такие позиции, где он должен погибнуть»³.

Таким же предательством со стороны генерального

¹ Маркс, Радикальная точка зрения на мир, Соч. Маркса и Энгельса, т. XI, ч. 2, стр. 283.

² Энгельс, Стреления войны (июнь 1859 г.), Соч. Маркса и Энгельса, т. XI, ч. 2, стр. 1-3.

³ Маркс, Письмо к Энгельсу от 27 мая 1859 г., Соч. Маркса и Энгельса, т. XII, стр. 415.

штаба была посылка Гарибальди на сражение у Трепonti. Это сражение было проиграно, и Гарибальди потерял целый полк убитыми, потому что «имел честь быть подчиненным непосредственно главному штабу».

Вслед за тем Гарибальди со своими добровольцами был послан на верную гибель в Лонато, но он понял измену генерального штаба и не подчинился его приказу.

«Было ли известно, — спрашивает Гарибальди, разоблачая пьемонтское правительство, называвшее себя «патриотическим» и «национальным», — что главный штаб австрийцев, бывший центром армии в 200 тысяч человек, находился в Лонато? Если это знали, зачем послали меня с 1800 человек в Лонато? Предположение же, что этого не знали, было бы мало лестным для генерального штаба пьемонтского короля, который грешил в остальных отношениях, но все же не имел недостатка в разведчиках. Значит была поставлена западня, чтобы погубить горсть храбрецов, действовавших на нервы некоторым стоящим у власти воякам».

Выпутавшись из этой западни, Гарибальди понял, что в дальнейшем он «должен рассчитывать на себя и своих сотоварищей, если не желает попасть в когти вражеской армии». Он выпустил прокламацию к своим доблестным бойцам и к населению с призывом к новому наступлению. Вскоре Гарибальди одержал еще ряд побед, среди которых особенно знаменательна победа при Сало. Видя, что погубить Гарибальди не так уж легко, а он одерживает победу за победой в то время, когда соединенная армия не одержала еще решительных побед над австрийцами, кавуровско-бонапартистская клика начала теперь «прославлять» его, приписывая его успехи «мудрости» и «геройству»... Виктора-Эммануила и Бонапарта! Энгельс по этому поводу с иронией писал: «...бонапартистская пресса старается присвоить заслугу его (Гарибальди. — В. Н.) подвигов своему собственному великому чемпиону»¹. Для того

¹ Энгельс, Развитие вознших действий, Соч. Маркса и Энгельса, т. XI, ч. 2, стр. 1с5.

чтобы сдерживать энергию Гарибальди, генеральный штаб послал теперь в его ряды своих агентов — шпионов, полицейских и провокаторов. Но Гарибальди, как и Мадзини, которому совершенно ясны стали планы Бонапарта и Кавура, не разоблачал их, а молчал, все еще продолжая считать, что они способствуют успеху освободительной войны. По этому поводу Маркс писал:

«...Парижский корреспондент «Times» пишет сегодня, что бонапартисты уже сильно ворчат на «славу» Гарибальди и что в его отряд проникло несколько отборных полицейских, посылающих подробные донесения о нем. В полном согласии с указаниями Мадзини Гарибальди в своей прокламации *не* назвал Бонапарта»¹.

Здесь все еще сказывалась ошибочная тактика Гарибальди, готового бороться под любым знаменем, лишь бы добиться воссоединения Италии, сказывалась его (как и Мадзини) боязнь «внутренних раздоров» до завершения освободительной войны. Однако вскоре республиканцы (в том числе и Гарибальди) получили паглядный урок, что значит бороться вместе с кавуровской кликой.

К началу июня «отряды альпийских стрелков окончательно очистили Ломбардию от неприятеля». Вскоре также и союзная армия одержала победу в двух сражениях (при Мадженте и при Сольферино).

Виктору-Эммануилу и Наполеону ничего не осталось делать, как торжественно вступить в столицу освобожденной уже Ломбардии — Милан.

Наполеон, видя, что народное движение в Италии приняло угрожающий характер и может привести к нежелательным для него последствиям (воссоединение Италии, лишение папы светской власти и др.) и что после одержанных побед он уже сможет добиться от австрийского императора нужных ему уступок, решил окончить войну и заключил перемирие с Францем-Иосифом (в Виллафранке, 11 июля).

Условия перемирия и последовавший за ним мир

¹ Маркс, Письмо к Энгельсу от 1 июня 1859 г., Соч. Маркса и Энгельса, т. XXII, стр. 417.

снова оставили Италию раздробленной и закабаленной Австрией с той лишь разницей, что к австрийскому гнету прибавился французский: Ломбардия уступалась австрийским императором французскому, который, в свою очередь, «дарил» ее Пьемонту.

Пьемонтский король согласился на эти условия.

Виллафранкский договор вызвал взрыв возмущения широких масс Италии. Гарибальди был полон гнева. «Перемирие в Виллафранке поставило альпийских егерей в положение, мало отвечающее их праву», — писал он. А право егерей заключалось в борьбе за окончательное освобождение Италии, и они не могли привыкнуть «к тихой гарнизонной жизни, к однообразному существованию в военных квартирах и к преувеличенной дисциплине», господствовавшей в пьемонтской армии.

Гарибальди вместе со своими стрелками хотел снова ринуться в бой, вопреки предательскому перемирию. Развертывающиеся события вскоре представили ему случай это сделать.

В Центральной Италии поднялось восстание; летом 1859 года герцоги Тосканы, Модены и Пармы (бывшие австрийскими наместниками) были изгнаны со своих владений. То же самое произошло и в северной части Папской области — в Романье. Однако положение восставших было еще непрочным, изгнанные власти вместе с папой готовили контрреволюцию. Эти «известия из Средней Италии побуждали к военным действиям», — говорит Гарибальди. К тому же среди егерей было много уроженцев Флоренции, Модены, Болоньи и других городов Центральной Италии; они требовали двинуться туда, чтобы окончательно очистить герцогства от австрийских агентов. Гарибальди двинулся во Флоренцию (столицу Тосканы).

Прибыв туда, Гарибальди убедился, что ему «придется иметь дело с теми же людьми», что и в начале этого года, т. е. с кавуровской кликой.

Известный либерал Риказоли — будущий министр Виктора-Эммануила, ставший во главе временного правительства, образованного после изгнания герцога, — вместо того чтобы принять меры против организова-

шейся контрреволюции, просил Гарибальди «успокоить народ».

К Гарибальди вновь стекались толпы добровольцев со всех концов страны, и массы требовали поставить его во главе всех вооруженных сил Центральной Италии. Но трусливые либералы разрешали ему командовать только одной дивизией, а добровольцев отправляли обратно домой. Всеми этими интригами управляли из Пьемонта. Пьемонтский буржуазно-помещичий блок готов был пойти на все, лишь бы избежать воссоединения Италии революционным путем.

Даже когда народные массы Центральной Италии сами потребовали присоединить освобожденные уже от австрийских оккупантов государства к сардинской монархии, Виктор-Эммануил и Кавур не соглашались на это без санкции Бонапарта.

Гарибальди опять был опутан густой сетью лжецов и предателей. Выше всего считая дело освобождения Италии, он все же готов был ожидать согласия короля на присоединение освобожденных областей к его владениям. «Хотя я и убежденный революционер, — писал Гарибальди об этом периоде своей деятельности, — но я не отказывался подчиняться дисциплине, неизбежной во всех военных предприятиях... Я сам, не задумываясь, бросился бы опять в водоворот революции и по всей вероятности добился бы успеха. Но ведь это все же была бы революция, к которой я должен был бы дать сигнал; я должен был бы развязать все узы повиновения отрядов и населения. Короче, меня удерживала боязнь повредить священному делу моей родины».

Гарибальди боялся развертывания классовой борьбы в период национальной войны, он боялся «развязать узы повиновения» классов в интересах итальянской революции!.. А Виктор-Эммануил сумел воспользоваться его слабостью. Эта ошибочная тактика Гарибальди и его колебания дали Энгельсу основание подозревать его в том, что он играет «двусмысленную роль»:

«Гарибальди играет, повидимому, несколько двусмысленную роль. Это не к лицу такому генералу. Он был вынужден протянуть чорту мизинец, а теперь уже,

кажется, чорт схватил у него всю руку. Для Виктора-Эммануила, разумеется, было как нельзя более разумным сначала эксплуатировать Гарибальди, а потом погубить его. Еще один пример того, как далеко можно зайти в революциях с «одним практицизмом». Его все же жаль. С другой стороны, превосходно, что разоблачается ложь, будто Пьемонт является представителем итальянского единства»¹.

Хотя Гарибальди скоро занял более правильную позицию и начал действовать самостоятельно со своей революционной армией, он все же благодаря своему «практицизму» неоднократно давал себя использовать монархической клике.

Узнав, что папа Пий IX готовит репрессии против восставшего населения, Гарибальди решил вторгнуться из Романьи в Папскую область. Но, числясь на службе в пьемонтской армии, он предварительно просил на то согласия Виктора-Эммануила. Понятно, что этого согласия он не получил. «Обычная сдержанность по отношению к революционеру, вполне понятная в положении короля», — замечает по этому поводу Гарибальди. Возмущенный, он подал в отставку и отказался от звания пьемонтского генерала.

Одновременно Гарибальди решил окончательно порвать с умеренными радикалами: он официально заявил о своем разрыве с «Национальным обществом» (начало декабря 1859 г.), в котором числился почетным председателем, а затем, полный негодования, удалился на Капреру.

Между тем Кавур испросил у Бонапарта разрешения на присоединение к Пьемонту герцогств Пармы, Модены, Тосканы и Романьи. За это он уступил ему Савойю и Ниццу. При этом император Франции приказал провести присоединение путем плебисцита, чтобы замаскировать эту династическую сделку. Савойя и Ницца должны были быть присоединены к Франции также в результате «плебисцита», который был прове-

¹ Энгельс Письмо к Марксу от 4 ноября 1859 г., Соч. Маркса и Энгельса, т. XXII, стр. 452.

ден в условиях террора со стороны обоих правительств. Новое предательство Кавура вызвало неопишемое возмущение Гарибальди. Это было не только изменой делу Италии, но и издевательством над героем — депутатом парламента от города Ниццы. «Идея сделать уроженца Ниццы Гарибальди французом — по существу не плохая», — иронически замечает Энгельс¹. Как только Гарибальди узнал об этом преступлении Кавура, он явился в пьемонтский парламент (март 1860 г.) и произнес страстную обличительную речь, называя его изменником и требуя отдачи его под суд и отставки правительства. Однако палата, состоявшая из одних только кавурианцев, утвердила соглашение с Наполеоном, и в апреле Савойя и Ницца были присоединены к Франции, а Романья и герцогства Тоскана, Парма и Модена — к Италии (март 1860 г.).

Гарибальди отказался от звания депутата этой монархической палаты.

В это время начался новый этап революции в Италии, приведший к завершению (неполному) воссоединения страны; крупнейшую роль в нем сыграл Гарибальди. Вслед за Центральной Италией восстал и юг, возмущенный предательским окончанием войны и изнемогавший под гнетом кроваваднейшей династии — испанской ветви Бурбонов. Еще в конце 1859 года в различных городах Королевства Обеих Сицилий произошел ряд стихийных восстаний. 4 апреля 1860 года, под руководством вождя сицилийских республиканцев Розалино Пило, началось восстание в Палермо (столица Сицилии). Восстание было подавлено через несколько дней самым свирепым образом, и повстанцы ушли в горы. Республиканская партия во главе с Мадзини решила взять руководство движением в Сицилии в свои руки; для оказания помощи повстанцам в Генуе был организован так называемый «Сицилийский комитет». Он начал готовить экспедицию в Сицилию с расчетом захватить остров, а оттуда при помощи восставших предпринять поход на материк и овладеть всем Неапо-

¹ Энгельс, По и Рейн, Партиздат, М. 1934 г., стр. 91.

Джузеппе Гарибальди в 1860 г.

литанским королевством. В качестве руководителя этого похода был приглашен Гарибальди.

Когда друзья Гарибальди впервые обратились к нему с этим предложением, он ответил: «Но Наполеон, но Кавур?» Он помнил уроки прошедшего года. Он знал, что Кавур действует заодно с Бонапартом и что именно эти две фигуры будут преграждать путь к освобождению Италии. О том, что Гарибальди понимал это, говорил и Маркс: «...Гарибальди согласен с Мадзини в том, что у Кавура нечестные намерения даже по отношению к Виктору-Эммануилу и он является прямым орудием Бонапарта...»¹

Поэтому Гарибальди вначале считал, что всякая экспедиция теперь бесполезна: она будет подавлена Наполеоном. Однако после некоторого колебания он уступил и согласился принять руководство экспедицией, решив сломить любые преграды. Так был задуман знаменитый поход гарибальдийской «тысячи» краснорубашечников. В этом походе герой итальянского народа с горстью людей победил стотысячную армию и завоевал целую страну с десятиллионным населением; этим походом, собственно говоря, Гарибальди — «герой Монтевидео и Рима», как его называл Маркс, — воссоединил Италию. Гарибальди не знал конечно, что поход «тысячи» покроет его легендарной славой и окружит его ореолом сказочного геройства, что об этом походе будут складываться песни и сказания, передаваемые из поколения в поколение.

В своих воспоминаниях об этом походе Гарибальди писал:

«О, вы, «тысяча»! В эти дни позора (т. е. после воссоединения Италии и торжества монархии — *В. И.*) память о вас — счастье. Большинство из вас усеяло своими костями поля битв за свободу. «Где есть братья, сражающиеся за свободу Италии, туда должны поспешить и мы», — сказали вы. Вы отправились, не спрашивая, много ли тех, с кем нужно сражаться, достаточно ли

¹ Маркс, Письмо к Лиссаю от 16 января 1861 г., Соч. Маркса и Энгельса, т. XXV, стр. 377.

число славных, хватит ли средств для отчаянной кампании. Вы поспешили, невзирая на тяготы и опасности, которыми враги и кажущиеся друзья усеивали ваш путь. Бурбон напрасно крейсировал со своим большим флотом. Он окружил Сицилию точно железным кольцом и проехал Тирренское море по всем направлениям, желая утопить вас в его глубине. Напрасно! Вы бьетесь и на море, аргонавты свободы! Там, на южном краю горизонта, горит звезда. Она не даст вам потерять дорогу, которая приведет вас к выполнению вашего великого замысла... Плывите, плывите бесстрашно, «Пьемонт» и «Ломбардия» (название пароходов, перевезших «тысячу» в Сицилию. — В. Н.), — благородные суда благороднейшего войска! История сохранит ваши имена наперекор всей низости. Плывите, плывите! Вы везете «тысячу», к которой присоединятся миллионы в тот день, когда обманутые массы увидят, что священник — обманщик, а тирания — чудовище! О, Италия, как прекрасна была твоя «тысяча», когда она сражалась с разукрашенными в перья и позументы прислужниками тирании и прогнала их, словно стадо! Прекрасны были вы в вашей обычной одежде, в которой работали в своих мастерских, когда звуки барабана призывали вас к долгу! Прекрасны были вы в куртке и фуражке студента, в скромном платье каменщика, плотника и кузнеца!.. О, ночь 5 мая, освещенная светом тысяч звезд... Прекрасная, спокойная, праздничная ночь, исполненная той высокой торжественности, которая трогает и поощряет героев, посвятивших себя освобождению поработенных! Такими героями и была моя «тысяча»!¹

Приготовления к экспедиции начались в конце апреля. Из массы добровольцев, желавших принять в ней участие, Гарибальди отобрал около 1 000 человек — самых отважных. В своем большинстве это были его старые соратники — «альпийские егеря». Для снаряжения экспедиции не было денег. Тогда решили провести подписку от имени Гарибальди под названием «Подписка на миллион ружей». Однако подписка шла туго

¹ Garibaldi, Memorie autobiografiche, Firenze 1888, p. 332—333.

(богачи боялись давать деньги Гарибальди!), и пришлось потратить много усилий, чтобы собрать необходимые средства.

Вначале Гарибальди надеялся добыть часть оружия в миланском арсенале; но в столице Ломбардии уже хозяйничали прислужники Кавура. Само же правительство Пьемонта «начало окружать экспедицию сетью проволочек и задержек», как говорил Гарибальди.

Кавуровский буржуазно-помещичий блок вел двучленную политику по отношению к экспедиции Гарибальди. С одной стороны, представители этого блока сочувствовали экспедиции, надеясь, в случае ее удачи, присоединить завоеванное королевство к пьемонтской монархии; в случае же неудачи республиканцы были бы скомпрометированы и разбиты, что опять-таки было выгодно Кавуру. Но, с другой стороны, они боялись чисто республиканского характера движения, сознавая, что при полном успехе экспедиции опасности подвергнется и сама пьемонтская монархия. К последнему аргументу прибавлялись протесты европейских правительств, и в особенности Бонапарта, против «покровительства», якобы оказываемого пьемонтским правительством экспедиции (республиканцы не скрывали своих намерений, и об экспедиции еще до ее отправления стало известно как в Италии, так и во всей Европе). Желая угодить Бонапарту, Кавур счел необходимым официально самым решительным образом отмежеваться от экспедиции, хотя в первое время он не принимал особых предупредительных и специальных мер против нее, вмешавшись лишь тогда, когда она действительно стала угрожать пьемонтской монархии. Эту двучленную политику Кавура Маркс разоблачал, когда писал об его отношении к военным походам Гарибальди: «...Каждое военное движение Гарибальди Кавур встречал сначала дипломатически, а затем военными контрдвижениями»¹. Но, несмотря на все трудности, устраиваемые Кавуром, Гарибальди все же удалось благодаря поддержке широких масс снарядить экспедицию в течение 10 дней.

¹ Маркс. Положение дел в Пруссии, Соч. Маркса и Энгельса, т. XII, ч. 2, стр. 158.

Экспедиция была плохо вооружена. Гарибальди говорил о «жалком оружии», с каким ему пришлось сражаться против войск Бурбонов, «вооруженных прекрасными карабинами». Но все же экспедиция была готова, а недостаток в оружии Гарибальди надеялся восполнить энтузиазмом и отвагой своих «альпийских егерей». Большую помощь в организации экспедиции оказал один из лучших сподвижников Гарибальди — Нино Биксио. Благодаря его усилиям были получены пароходы «Пьемонт» и «Ломбардия», перевезшие «тысячу» в Сицилию. Ночью 5 мая экспедиция отплыла из гетуэзской гавани. Корабли везли тысячу с лишним волонтеров, 4 пушки и 5 000 ружей. С этими ничтожными силами Гарибальди в течение трех месяцев уничтожил могущественную тиранию Бурбонов. По пути Гарибальди остановился в тосканской бухте Сен-Стефано и направил 60 человек в Папскую область, чтобы отвлечь внимание держав и дать повод предполагать, что экспедиция направлена против папы. Здесь же Гарибальди удалось захватить несколько орудий. Затем он отправился дальше.

Для того чтобы ввести в заблуждение неаполитанские суда, сторожившие экспедицию в Тирренском море, Гарибальди вначале направился не прямо в Сицилию, а к берегам Африки; затем, обогнув остров с юга, он начал приближаться к его западному берегу. Маневр удался. Когда Гарибальди пристал к берегу города Марсалы (самая западная точка острова), неприятельских судов там не было. Обманутый неприятель подошел к берегу с тремя крейсерами лишь тогда, когда Гарибальди уже разгрузил полностью одно судно и наполовину — второе. Но и подоспев к берегу, неаполитанские крейсера не могли открыть огонь по Гарибальди. В гавани находились два судна английского королевского флота, а «страх и уважение, — писал Гарибальди, — внушенные английским флагом, привели бурбонских наемников в нерешительность». Английские офицеры просили неаполитанских не открывать огонь до тех пор, пока они не посадят на борт находящийся на берегу их экипаж. Гарибальди воспользовался этим

временем и успел полностью разгрузить свои корабли. Таким образом неаполитанцам пришлось уже стрелять «из пушек по воробьям», и Гарибальди беспреткновенно вступил в город (11 мая). «Бедный народ принял нас, — говорит Гарибальди, — ликуя и с нескрываемой симпатией, а богачи держались в стороне».

Овладев городом, Гарибальди выпустил прокламацию к народу Сицилии, в которой писал: «Сицилийцы! Я привел к вам горсть храбрецов, уцелевших от ломбардских битв. Мы слышали геройский клич Сицилии — и вот мы среди вас. Мы желаем только одного — освобождения отечества. Будем единодушны, и дело окажется нетрудным. К оружию! Кто не возьмется за него, тот либо трус, либо изменник! Недостаток оружия пусть никому не служит извинением: в руках храбрых всякое оружие хорошо. Городские советы озаботятся участью женщин, детей и стариков. Итак — к оружию! Пусть Сицилия снова покажет миру, как доблестный народ освобождается от своих тиранов». В результате к Гарибальди начали стекаться повстанцы, вооруженные кто чем мог: пиками, саблями, ножами, дубинами, кинжалами и т. п.

В нашем описании похода «тысячи» мы коснемся лишь наиболее важных сражений. Ближайшей целью Гарибальди было овладение Палермо — столицей острова. В походе из Марсалы в Палермо, названном Энгельсом «изумительным», Гарибальди пришлось выдержать одну крупную битву, которая, как он сам указывает, «была решающей в походе 1860 года». Это была битва при Калатафими (15 мая). Гарибальди решил действовать в Сицилии в тесном контакте с повстанческим движением. Он связался с руководителями республиканской партии и, как указывает Энгельс, «устроил с ними совещание» для выработки общего плана действия. Уже в Салеми, находящейся вблизи Марсалы, к отряду Гарибальди присоединились «4 тысячи вооруженных крестьян» (Энгельс). С этим отрядом он отправился в город Калатафими, находящийся по пути в Палермо. Противник уже заранее ждал Гарибальди, заняв очень

удобную позицию. Хорошо вооруженный корпус из 5 000 человек, находившийся под командованием опытного генерала Ланди, разместился на окружающих город холмах и поставил орудия. Гарибальди же пришлось атаковать город с незащищенной равнины. Но он решил взять его «в лоб» и бросился врукопашную. Бурбонские войска не выдержали натиска храбрых егерей и повстанцев, дравшихся, «словно львы», как говорит Гарибальди. В результате 6-часовой кровопролитной битвы, стоившей обеим сторонам многих жертв, враги были выбиты из позиций, деморализованы и обращены в бегство. Это было первой победой «тысячи», победой, которая воодушевила отважных волонтеров на дальнейшие подвиги. «Первым важным последствием этой победы было восстание населения против отступающего врага, — говорит Гарибальди. — Всюду образовались вооруженные отряды, которые соединялись с нами». Энгельс, подробно изучивший битву при Калатафими, дал ей следующую оценку:

«Это, поистине, один из наиболее удивительных военных подвигов нашего столетия, и он был бы почти необъясним, если бы престиж революционного генерала не предшествовал его триумфальному маршу. Успех Гарибальди доказывает, что роялистским войскам Неаполя все еще внушает ужас человек, который высоко нес знамя итальянской революции...»¹

Деморализованная армия генерала Ланди, преследуемая Гарибальди, отступала к Палермо, грабя и сжигая города и деревни, через которые она проходила. К «тысяче» присоединялись все новые и новые повстанческие отряды. В Палермо Гарибальди имел в своем распоряжении уже около 8 000 человек. В столице Сицилии Гарибальди ожидала 20-тысячная армия под командованием генерала Ланца и сконцентрированный королевский флот. К Палермо Гарибальди подошел 22 мая. Благодаря содействию населения он сейчас же получил точные сведения о расположении противника. Как

¹ Энгельс, Гарибальди в Сицилии, Соч. Маркса и Энгельса, т. XII, ч. 2, стр. 61.

всегда, искусный партизанский вождь сначала решил попытаться обмануть неприятеля. 26 мая Гарибальди созвал свой штаб, перед которым изложил следующий план взятия Палермо, поразивший всех своей простотой: «Главные силы Бурбонов, — показывал Гарибальди, — сосредоточены в настоящее время против нас. Я оставляю для продолжения битвы кого-нибудь из вас с возможно меньшим числом людей. Он отступит в глубь острова и увлечет за собой Бурбонов, которые будут думать, что имеют дело со всей моей армией. Сам же я с главными силами совершу ночью фланговое движение и на другой день неожиданно явлюсь перед стенами Палермо в таком месте, где меня совсем не ожидают. Стремительная атака — и город наш».

Этот простой план был гениален. 27 мая, на рассвете, после стремительной атаки форта Термини Гарибальди вступил в город. Однако неприятель, попав в приготовленную для него ловушку, все же не вывел из города всего войска, а оставил там значительные силы, и весь флот также остался в гавани. Гарибальди сразу же начал готовиться к неминуемой атаке, которую противник начал 28 мая. Прежде всего Гарибальди принял меры, чтобы привлечь на свою сторону население, которое вначале находилось в нерешительности, не веря в возможность победы. Но после того как Гарибальди выступил с речью на городской площади, народ был охвачен революционным энтузиазмом. Женщины, старики и дети на улицах Палермо строили баррикады из стульев, матрацев, камней. 28 мая, когда вернулись бурбонские войска, началась бомбардировка города с двух сторон — с суши и моря.

Два дня длилось кровопролитное сражение, в котором волонтеры вместе с повстанцами, воодушевляемые Гарибальди, проявили сказочный героизм. «Все были, действительно, готовы, — говорит Гарибальди об этом сражении, — быть погребенными под развалинами прекрасного города. Должно было казаться чудом, что 20 000 поборников деспотизма вынуждены были капитулировать перед горстью горожан».

30 мая бурбонцы отступили и были навсегда про-

Штаб одного из отрядов Гарибальди во главе со своим руководителем
Маза на улицах Палермо в Сицилии (из коллекции ИМЭЛ).

гнаны из бурлящей столицы чудесного острова. Энгельс, внимательно следивший за каждым шагом Гарибальди, дал следующую оценку этой блестящей операции:

«...Мы должны заявить, что маневры, с помощью которых Гарибальди подготовил атаку на Палермо, сразу отмечают его, как превосходного генерала. До сих пор мы знали его только как очень искусного и удачливого партизанского вождя; даже во время осады Рима его способ обороны города посредством постоянных вылазок почти не давал ему удобного случая подняться над этим уровнем. Но здесь он должен был предпринять крупные стратегические операции, и из этого испытания он вышел признанным мастером своего дела. Способ, каким ему удалось провести неаполитанского главнокомандующего, выславшего половину своих отрядов на большое расстояние от города, его быстрый фланговый марш, и новое появление перед Палермо с той стороны, с которой его меньше всего ожидали, и его энергичный штурм, предпринятый в тот момент, когда гарнизон был ослаблен, — все эти операции в гораздо большей степени носят печать военного гения, чем все то, что имело место во время итальянской войны 1859 года. Сицилийское восстание нашло в его лице первоклассного вождя; будем надеяться, что политик Гарибальди, которому скоро предстоит появиться на сцене, не посрамит славы Гарибальди-генерала»¹.

Овладение столицей Сицилии решило судьбу острова, а овладение островом, по сути дела, решило судьбу всего Неаполитанского королевства. Изгнание презренных Бурбонов из Палермо превратилось в настоящий национальный праздник. Город был иллюминирован, несколько дней подряд длились грандиозные манифестации и народное веселье.

В освобожденной столице Гарибальди провел ряд социальных мероприятий. Он освободил политических заключенных, десятками тысяч томившихся в тюрьмах Королевства Обеих Сицилий. Он принялся за

¹ Энгельс, Гарибальди в Сицилии, Соч. Маркса и Энгельса, т. XII, ч. 2, стр. 64—65.

организацию школ и приютов для уличных детей, которых было очень много и которые развращались духовенством и лацдарони (люмпенпролетарии). Гарибальди позаботился также о семьях, пострадавших от военных действий. Он принял меры, чтобы «добыть средства существования для нуждающихся слоев населения».

Правительственная власть была организована в форме революционно-демократической диктатуры, а Гарибальди был провозглашен «диктатором». Гарибальди прекрасно понимал необходимость диктатуры для закрепления революционных завоеваний, и в этом его большая заслуга. Революционный полководец следующим образом определяет свое отношение к диктатуре: «Заговорили (республиканцы. — В. Н.) о необходимости диктатуры. Я принял ее без возражений, так как в известных случаях и при больших кризисах я всегда считал ее спасительной мерой для народов». Он понимал необходимость диктатуры хотя бы на время, нужное для окончательного подавления контрреволюции, хотя в целом о диктатуре, о ее целях и направлении развития у него было довольно смутное представление. К концу своей жизни, как мы увидим, Гарибальди сделал еще шаг вперед и стал вообще сторонником революционной диктатуры как единственной формы государственной власти, соответствующей интересам народных масс.

Пока Гарибальди занимался общественным устройством острова, Кавур снова начал опутывать его сетью контрреволюционных интриг. Он послал в Палермо своего агента Ла-Фарина, уже давно показавшего себя врагом Мадзини и республиканской партии. Ла-Фарина приехал в середине июня в Палермо якобы для передачи «сочувствия» от пьемонтского правительства Гарибальди и для «помощи» в организации правительства. Гарибальди вначале принял Ла-Фарина довольно любезно, хотя и сдержанно. Через некоторое время Ла-Фариппа удалось настоять перед Гарибальди на смене главы правительства — Криспи, который был назначен заместителем диктатора; на смену Криспи пришел Депретис — сторонник Кавура. Однако неискушенный в политике Гарибальди все же скоро заметил, что главной

целью Ла-Фарина является устранение из состава правительства республиканцев и введение в него сторонников Кавура, стремящихся к быстрейшему присоединению Сицилии к монархии Виктора-Эммануила. К тому же Гарибальди заметил связи Ла-Фарина с полицейскими агентами Бонапарта и либеральной аристократией. Интриги Кавура были разоблачены. 7 июля Гарибальди издал декрет о высылке Ла-Фарина и его приближенных из Сицилии. Этим декретом, как говорил Маркс, Гарибальди «спас не только свое собственное дело, но и дело Сицилии и Италии».

Гарибальди был возмущен требованиями о присоединении острова к пьемонтской монархии. Он ставил задачу разрушения неаполитанского и папского государств и ни о каком присоединении пока не хотел и думать. Но Гарибальди знал, как указывает Маркс, что выполнение поставленной им себе задачи возможно лишь в том случае, «если движение сохранит чисто народный характер и не будет стоять ни в какой связи с планами чисто династического расширения». Этот план освобождения Италии Маркс приветствует и дает ему следующую оценку:

«...План Гарибальди, независимо от того, увенчается ли он успехом или нет, является единственным планом, который при данных обстоятельствах может способствовать освобождению Италии не только от ее старых тиранов и внутренних распри, но и от когтей нового французского протектората»¹.

То время, которое Гарибальди посвятил общественному устройству государства, его доблестные волонтеры использовали для отдыха после своих мучительных походов. В Италии же революция продолжалась, и революционная работа кипела во всех городах. Победа Гарибальди в Сицилии вызвала повсюду новую волну революционного энтузиазма. В Генуе продолжал работать «Сицилийский комитет», мобилизуя новых волонтеров для отправки к Гарибальди, собирая денежные средства,

¹ Маркс, Интересные новости из Сицилии, Соч. Маркса и Энгельса, т. XII, ч. 2, стр. 96.

вооружение и т. д. В июле в Палермо прибыли из Генуи две новые дивизии гарибальдийцев в количестве 4 000 человек под командой Медичи и Козенца. Но Гарибальди получал помощь не только от итальянской демократии. Его имя стало теперь самым популярным в Европе, и к нему начали стекаться революционные эмигранты из многих европейских стран, в том числе и из России (подробнее об этом ниже).

Теперь Гарибальди решил, что наступила пора перебраться на материк. Планы Гарибальди приводили Кавура в ярость. Видя, что Гарибальди не так уж легко склонить на свою сторону, он решил пустить в ход репрессии. Он запретил по всему Сардинскому королевству деятельность комитетов помощи Гарибальди; с этих пор патриоты могли отправляться в Сицилию лишь тайно. Была пущена в ход и дипломатия. После провала миссии Ла-Фарина Бонапарт и Кавур решили действовать посредством «самого» короля Виктора-Эммануила. Под их диктовку Виктор-Эммануил написал Гарибальди письмо (25 июля), в котором «во имя Италии» просил его не переправляться через пролив и не идти на Неаполь. Надеясь заполучить остров, король Пьемонта указывал, что если неаполитанский король согласится очистить Сицилию от своих войск, надо будет прекратить военные действия; в случае невыполнения этого указания он пригрозил Гарибальди, что «будет действовать, как сочтет нужным». Но Гарибальди не испугался угроз. 27 июля он написал ответ королю, в котором писал: «Нынешнее положение Италии не позволяет мне колебаться: народ призывает меня. Если я остановлюсь теперь, то изменю своему долгу и святому делу освобождения Италии».

В это время Неаполь находился в огне восстания. Неаполь звал Гарибальди, и он направился к нему. Кроваожадный тиран Франциск II, всего год назад унаследовавший престол своего отца — короля-«бомбы», желая спасти хотя бы половину своего королевства, объявил о согласии ввести конституцию, одновременно самым свирепым образом подавляя восстание. Но свою корону он спасти уже не мог. По дороге к морю

Гарибальди пришлось выдержать крупное сражение при Милаццо (в конце июля). В этой битве из 8 000 гарибальдийцев было убито более 1 000; это была «самая большая потеря за время всех битв в Южной Италии», указывает Гарибальди. «Однако мы должны были победить — и победили!» — говорит он. Это была последняя битва Гарибальди на острове. Разбитые сторонники Бурбонов в панике переправлялись на материк.

Заняв без боя Марсалу на западном берегу острова, Гарибальди занял без боя и Мессину в его восточной части.

28 июля на острове уже не было ни одного сторонника Бурбонов. Гарибальди начал готовить переправу через пролив.

Переплыть пролив оказалось возможным только через три недели. Тем временем Гарибальди занялся внутренней организацией армии, которую он так построил, что мог в течение 17 дней победить уже не двадцатитысячную армию, а в четыре раза большую.

За время действия на острове Гарибальди собрал значительную армию. В Мессине его войска насчитывали уже 16 000 человек. Эту армию Гарибальди разбил на 4 дивизии под командованием генералов Медичи, Биксио, Козенца и Тюрра и назвал ее южной армией. Гарибальди создал также свой «флот» в составе 5 судов и 300 барок и организовал кавалерийскую бригаду. Значительно улучшилось вооружение армии: ее артиллерия состояла уже из 40 пушек. Войска были разделены на более мелкие подразделения, которые имели своих командиров и в большинстве случаев были самостоятельны.

Во всех операциях Гарибальди давал лишь общие указания, остальное предоставлялось инициативе низших командиров.

Чинами гарибальдийцы награждались очень часто, в особенности после битв. Возведение в тот или иной чин проводилось по требованию самих волонтеров, выдвигавших своих лучших товарищей, отличившихся в боях; Гарибальди лишь утверждал эти решения. Строгого различия между офицерами и солдатами не было. Одежда у всех была одинаковая (красная рубашка); жили офи-

церы и солдаты в большинстве случаев вместе. Офицеры получали не намного больше жалованья, чем бойцы, а в трудные моменты все получали одинаково.

Дисциплина в армии Гарибальди была строгой, но сознательной. Дисциплинарных взысканий эта армия не знала. Предателей и дезертиров расстреливали, но эту меру приходилось применять крайне редко, так как почти все люди Гарибальди были надежными; под командой «волшебного полководца» даже трус превращался в героя.

Гарибальди тратил много времени на воспитание своих храбрых сподвижников. Часто во время отдыха части можно было увидеть партизанского предводителя у палаток или на поле беседующим с бойцами. Дисциплину и самоотверженность Гарибальди воспитывал в своих бойцах личным примером.

Об этом писал Энгельс: «Гарибальди... приходилось самому всегда дисциплинировать свои боевые силы, и притом не муштрой, не постоянной угрозой расстрела, как это делает официальная военщина, а прямо перед лицом врага»¹.

Сам беззаветно преданный общему делу, самоотверженный до забвения, показывая пример личной храбрости и дисциплинированности в самые тяжелые моменты, Гарибальди такие же качества воспитывал у своих бойцов и был к ним очень требователен и строг. Вне военного строя Гарибальди — брат и товарищ каждого бойца; это создавало ему любовь и преданность бойцов. Вне боя — он такой же плебей, как и все волонтеры. Он сам ухаживает за своей лошадью, спит на голой земле с седлом под головой и наравне со всеми выносит трудности и лишения походной жизни. Интересно привести характеристику личности Гарибальди, данную одним из его сподвижников — Эмилем Дондоло:

«Если не угрожает никакая опасность, Гарибальди отдыхает в своей палатке, если, напротив, вблизи находится неприятель, то он не сходит с лошади, отдаёт

¹ Энгельс. В Интернационале, Соч. Маркса и Энгельса, т. XV, стр. 104.

приказания и осматривает аванпосты; он только сбрасывает с себя странный свой мундир (панчо), одевается крестьянином и сам лично пускается в самые опасные рекогносцировки; большую часть времени он проводит в осматривании горизонта с помощью зрительной трубки... с какого-нибудь возвышенного места, господствующего над окрестностями. По патриархальной простоте, которая так сильна, что может показаться вымысленной, Гарибальди больше похож на начальника какого-нибудь индейского племени, нежели на генерала; но во время наступления или когда обнаруживается опасность, он поистине удивителен своим мужеством и верностью взгляда; недостаток стратегических познаний генерала в области военного искусства возмещается в нем чрезвычайной деятельностью и находчивостью».

Эта характеристика помогает нам понять, почему Гарибальди пользовался беззаветной любовью всех окружающих его. Но Гарибальди оказывал неотразимое влияние на всех соприкасающихся с ним не только благодаря личному героизму и самоотверженности, но и благодаря его исключительному нравственному обаянию. «Гарибальди... — говорил Маркс, — с своей огненной душой соединяет также долю той чисто итальянской тонкости, какую можно обнаружить в Данте...»¹. И именно благодаря всем этим своим особым качествам герой мог с горстью людей побеждать целые армии.

Между тем наступило время переправы через пролив. Тщательно подготовившись и выбрав удобный момент, Гарибальди ночью 18 августа высадился с главными силами на калабрийском берегу — в Мелито. Батальон в 300 человек под командой майора Миссоры высадился 10 днями раньше — не столько для разведки и военных действий, сколько для агитации среди местного населения. И этот расчет партизанского вождя вполне себя оправдал. Как и в Марсале, неприятель заметил Гарибальди и начал его обстреливать с моря лишь тогда, когда высадка была уже почти закончена.

¹ Маркс, Положение дел в Пруссии, Соч. Маркса и Энгельса, т. XII, ч. 2, стр. 159.

Гарибальди немедленно отправился в Реджио — главный укрепленный город Калабрии. Атака города, защищенного укреплениями и сорокатысячной регулярной армией, могла казаться безумием, но только не для Гарибальди.

20 августа Гарибальди начал атаку города. Своей отвагой гарибальдийцы приводили в смятение укрепившихся сторонников Бурбонов. После трехдневного жестокого боя неаполитанцы капитулировали, и Гарибальди занял город. Энгельс замечает по этому поводу: «Капитуляция перед Гарибальди стала для неаполитанцев делом обычным и естественным». Эта победа решила судьбу оставшейся части Неаполитанского королевства. Стотысячная армия Неаполитанского королевства была целиком деморализована. Солдаты Бурбона отдавали Гарибальди свое оружие. Многие из них изъявили желание присоединиться к волонтерам, а остальных, обезоружив, Гарибальди беспрепятственно отпускал домой. В Реджио Гарибальди захватил колоссальное количество военных припасов и двинулся к Неаполю. Путь Гарибальди от Реджио до Неаполя представляет собой блестящее триумфальное шествие. Ему не пришлось встретить сколько-нибудь серьезного сопротивления. Целые части во главе с военными «гениями» — старыми генералами и фельдмаршалами — разбегались при появлении армии Гарибальди. По дороге волонтеров окружали толпы воодушевленных, воинственных жителей. Почти повсюду восстания начинались еще до прихода армии Гарибальди.

Энгельс в своей статье «Продвижение Гарибальди» восхищается грандиозным планом Гарибальди — планом освобождения Южной Италии — и особо приветствует его решение идти сушей через всю Калабрию, пересекая таким образом почти все Неаполитанское королевство с юга на север. Энгельс указывает, что план Гарибальди — пройти через все королевство, не отправляясь морем, прямо к Неаполю — был рассчитан на поддержку его армии восставшим населением и что восстание в Неаполе «было частью общего плана»... «Такой плап, — пишет он, — мож-

но было задумать и проводить в жизнь только в такой стране, как Италия, где национальная партия так прекрасно организована и находится целиком под руководством человека (Гарибальди. — *В. Н.*), с таким блестящим успехом обнажившего свой меч за дело итальянского единства и независимости»¹.

Этот план Гарибальди полностью выполнил. Освободитель Южной Италии мог заранее предсказать день своего вступления в Неаполь. 6 сентября, вечером, гарибальдийская армия вступила в Неаполь, встреченная народным ликованием, а на другой день, в 10 часов утра, Гарибальди, прибывший по железной дороге, в открытой коляске в сопровождении нескольких человек, «называвших себя его адъютантами», торжественно въехал в столицу освобожденного им королевства. Трусливый тиран Франциск II бежал днем раньше, забрав с собою часть оставшегося ему верным войска; в Неаполе осталось около 20 000 солдат, укрепившихся в цитадели. Однако они и не пытались оказать сопротивления; они сдали свое оружие и приветствовали Гарибальди. «Освободители народа, — говорит Гарибальди о своем триумфальном вступлении в Неаполь, — заняли еще теплое монархическое гнездо, и грубые сапоги пролетариев топтали мягкие ковры королевского дворца». Легендарная эпопея славной «тысячи» в революции 1860 года подходила к концу. Неаполитанский народ был освобожден от веками угнетавших его тиранов. Подводя итоги этому сказочному походу, Энгельс писал:

«...Гарибальди показал себя не только смелым вождем и ловким стратегом, но и научно-подготовленным генералом... героем, который за всю свою жизнь не сдал ни одного военного экзамена...»².

¹ Энгельс, Провдвижение Гарибальди, Соч. Маркса и Энгельса, т. XII, ч. 2, стр. 144.

² Энгельс, Гарибальди в Калабрии, Соч. Маркса и Энгельса, т. XII, ч. 2, стр. 149.

Последнее замечание Энгельса интересно сопоставить со сложившимся у некоторых исследователей неправильным взглядом на

Целую неделю после вступления Гарибальди длились народные торжества. Иллюминация, фейерверки, уличные представления, демонстрации, митинги, песни — все это наполняло улицы Неаполя. Однако предстояла еще одна жестокая битва с королевскими войсками, последняя битва Гарибальди в его кампании 1860 года. Эта битва произошла на реке Волтурно у Санта-Мария. Бежавшему из Неаполя Франциску II удалось сконцентрировать в крепости Капуи (ближайшем городе к северу от Неаполя) армию в 50 000 человек; он попытался оттуда пробиться в столицу. 20 сентября его передовой отряд столкнулся с дивизией гарибальдийцев. Завязался упорный бой (при Каиацца), в котором гарибальдийцы были разбиты. Сам Гарибальди в этом бою не участвовал, так как он за день до этого уехал в Палермо, где сторонники Кавура вели

военные таланты Гарибальди. Некоторые склонны видеть в Гарибальди лишь смелого партизанского вождя, считая его неспособным на решение крупных стратегических задач. Так, например, покойный А. В. Луначарский, неправильно оценивавший политическую деятельность Гарибальди, называя его «типичным авантюристом», отрицал за ним всякий военный талант. Тов. Луначарский считал, что Гарибальди мог вести лишь партизанскую войну и вступать в стычки с разложившимися армиями, но никогда не побеждал, если ему приходилось сталкиваться с регулярной армией. В качестве примера он приводил сражения Гарибальди с австрийским войском, в которых ему «никогда не везло», поход же «тысячи» т. Луначарский считает «блистательной авантюрой» (см. статью Луначарского о Гарибальди в XIV томе БСЭ).

Нечего и говорить, что такая оценка расходится и с фактами и с оценкой Гарибальди Марксом и Энгельсом: мы привели выше отзыв Энгельса о Гарибальди как «военном гении». Ошибочная оценка Луначарским военных способностей Гарибальди является следствием того, что при разборе его военных кампаний он исходил из новейших достижений военной науки и техники, забывая условия того времени, когда действовал замечательный полководец. Мы же думаем, что военные походы Гарибальди являлись высокоталантливыми по своей стратегической прозорливости операциями не только для своего времени, но представляют большой интерес и на сегодняшний день, в особенности для наших военных работников, и что их стоит изучать. Впрочем отметим, что скромный полководец сознавал свои «недостаточные теоретические военные познания» и часто жаловался на это (см. Гарибальди, Мои мемуары, изд. «Молодая гвардия», М. 1931 г., стр. 18).

контрреволюционные интриги. Это было единственным поражением волонтеров в походе 1860 года и, как сам Гарибальди указывает, именно из-за его отсутствия. Оно было прелюдией к битве на Волтурно. Поражение гарибальдийцев ободрило Франциска II, и 1 октября он выступил с 25-тысячной армией по направлению к Неаполю. У Санта-Мария начался бой. Королевские войска, чувствуя, что эта попытка будет последней, дрались с ожесточением. По своей численности они больше чем вдвое превосходили гарибальдийцев. Но доблестные волонтеры дрались с неутомимой отвагой. В этом сражении были моменты, когда Гарибальди был близок к поражению. У него кончились уже патроны, а неприятель все продолжал сыпать градом пуль и ядер; тогда волонтеры бросаются в штыковую атаку и «гибнут все, все! — говорит Гарибальди. — Это не романтическая выдумка: это совершилось на моих глазах, и я горжусь, что предводительствовал такими доблестными воинами». На помощь гарибальдийцам начали подходить «резервы» — местное население, взявшееся за сооружение укреплений.

Подожли старые и испытанные «резервы» Гарибальди. «Что это были за резервы! — пишет Гарибальди. Всякий «военный», пропитанный предрассудками постоянных армий, увидя их, с отчаянием схватился бы за голову. Тут были и красные рубашки, и мундиры неаполитанских солдат, перепешших на нашу сторону, и матросы всевозможных флотилий, стоявших на якоре на неаполитанском рейде, и даже простые туристы, привлеченные на поле смерти своим сочувствием делу освобождения Италии».

После двухдневной упорной и кровопролитной битвы победа была одержана, и войска короля отступили. 2 октября, в 5 часов вечера, Гарибальди телеграфировал в Неаполь: «Победа на всем фронте». Этим закончилась замечательная эпопея «тысячи». Хотя в руках Франциска остались еще 2 крепости (Капуа и Гаэта), но дни его были сочтены, и он скоро был вынужден сдаться.

Кровавая династия Бурбонов была навсегда изгнана из Италии.

Мы уже указывали, что Гарибальди мог побеждать вдесятеро сильнейшего противника благодаря двум причинам: его личным качествам и активной поддержке его армии широкими народными массами. Нужно указать и еще один источник его силы. Это — интернациональный характер его армии. Армия Гарибальди не была просто итальянской национальной армией. Она была интернациональной революционной армией. Услышав о первых сражениях Гарибальди, революционная молодежь всей Европы начала собираться под его знамена. В его отрядах сражалась польская революционная молодежь, украинская, венгерская, русская, английская, французская, швейцарская и молодежь многих других европейских стран. В армии Гарибальди были представители даже из далекого Закавказья. И вся эта молодежь, не нашедшая в то время применения своей революционной энергии в собственном отечестве, находила его под знаменем Гарибальди. Сам же Гарибальди был пламенным интернационалистом по своим убеждениям. Он часто напоминал своей интернациональной армии волонтеров: «Предрассудки национальности и религии являются смертельным врагом народа; ими всегда пользовались власть имущие в своих интересах». А интернационализм Гарибальди был известен народам, знавшим, что он — грозный враг всякой тирании и национального угнетения. Поэтому патриоты ждали Гарибальди во многих странах Европы — в особенности там, где происходили национально-освободительные движения, — как избавителя. Его ждали в Венгрии, его ждали в Сербии, его ждали в Польше, его ждали на Украине. Кстати отметим, что Гарибальди неоднократно лелеял планы экспедиции на Украину: высадку десанта в Одессе и объявление ее республикой... Но он никогда и не пытался проводить в жизнь эти планы. Широко известно участие в гарибальдийских отрядах польских, венгерских и французских революционных эмигрантов, но мало известно об участии русских. Между тем там было немало русских эмигрантов, и сам Гарибальди был в близких, дружеских отношениях с видными представителями этой эмиграции, например, с А. И. Герце-

пом. Под знаменем Гарибальди сражался и был его личным адъютантом известный русский ученый и общественный деятель Л. И. Мечников. Будучи в 1860 году исключен из С.-Петербургского университета за участие в студенческих «беспорядках», он сейчас же отправился в Италию и вступил в ряды гарибальдийской «тысячи».

Мечников принимал участие во многих сражениях и в битве на Волтурно был тяжело ранен. Он восхищался личностью Гарибальди и был счастлив сражаться рядом с ним. Интересно привести описание самого Мечникова, как сильно стремилась сражаться молодежь под командой Гарибальди:

«Со вступлением в Неаполь молодые люди, по преимуществу военные, из всех стран спешили туда только из-за чести сражаться под начальством героя, добиться славного крещения кровью под народным знаменем возрождающейся страны. Многие явились в своих мундирах. Тут были зуавы и венгерские гусары, солдаты и офицеры англо-индийской армии, французская рота и др.»¹.

Этот революционный интернационализм армии Гарибальди являлся далеко не второстепенным качеством и был одной из причин ее побед.

После того как мы описали блистательный марш Гарибальди, его окончательную победу и охарактеризовали его как революционного полководца, нам надлежит рассмотреть Гарибальди как политика. Нужно сразу сказать, что здесь Гарибальди оказался не на высоте... Если он как полководец был решителен, непримирим и настойчив, то как политик он был полон колебаний, шаткости и сентиментальности.

После битвы на Волтурно уничтожение власти Бурбонов стало фактом. Однако монархия еще не была уничтожена. Монархическая партия в Неаполе и Палермо продолжала еще действовать. В государственном

¹ Мечников, Записки гарибальдийца, «Русский вестник», 1861 г., № 9, стр. 151. Боясь преследований, Мечников скрыл свою фамилию и поместил свою статью за подписью «М».

аппарате сидели королевские чиновники, усиленно готовившие контрреволюционный переворот. Нужны были быстрые, решительные действия против остатков монархии; Гарибальди этого не сделал. Постараемся выяснить, что же зависело от него лично и что являлось следствием обстоятельств.

В освобожденном королевстве было образовано революционно-демократическое правительство, и Гарибальди был провозглашен «диктатором Обеих Сицилий». Образование такого правительства на юге Италии имело, с точки зрения революционных перспектив, большое значение не только для Апеннинского полуострова, но и для всей Европы. По поводу занятия Гарибальди Неаполя и образования им правительства Маркс писал:

«Гарибальди — чистое спасение. Иначе священный союз России — Пруссии — Австрии снова поднял бы популярность Бонапарта и дал бы ему возможность держаться»¹.

Таким образом правительство Гарибальди срывало и популярность Бонапарта и расшатывало основы его политики. Оставалось лишь укрепить это правительство и проводить дальнейшие революционные мероприятия. Кое-что в этом направлении Гарибальди сделал. Прежде всего он освободил из тюрем всех политических заключенных. Затем был издан декрет о запрещении иезуитских корпораций — очагов контрреволюции. Принадлежавшие Бурбонам земли были национализированы. Пострадавшим от войны были назначены пенсии; был учрежден ряд приютов, благотворительных обществ и т. д. Важным мероприятием Гарибальди была организация общественных работ. Он организовал раскопки на развалинах древних городов Помпеи и Геркуланума (погибли во время извержения Везувия в 79 году нашей эры), находящихся вблизи Неаполя. Там же Гарибальди создал музей из материалов этих раскопок; директором музея был назначен известный

¹ Маркс, Письмо к Энгельсу от 15 сентября 1860 г., Соч. Маркса и Энгельса, т. XXII, стр. 525.

французский писатель А. Дюма-отец, ставший другом Гарибальди¹. Вместе с ним он предпринял издание в Неаполе общественно-политического журнала «Independente», сыгравшего большую роль в распространении республиканских идей.

Главная борьба Гарибальди происходила вокруг вопросов присоединения освобожденного королевства к Пьемонту и организации похода в Папскую область.

Кавур наводнял Неаполь своими агентами, агитировавшими за присоединение к Пьемонту. Но Гарибальди всеми силами сопротивлялся этому; он не хотел и думать о присоединении, пока Италия не освобождена окончательно (еще не были освобождены Венеция и Рим).

О контрреволюционной агитации Кавура Гарибальди писал:

«Кавуризм» действовал в Неаполе еще усиленнее, чем в Палермо, и ставил на нашем пути немало препятствий. Он сделался просто вызывающим, как только распространилось известие о вступлении пьемонтских войск в Церковную область (Об этом немного ниже. — В. Н.). Существующая подкупами партия Кавура пользовалась всем, чем могла, и всюду сеяла смуту».

Устоять среди этих интриг и контрреволюционной агитации возможно было только при чрезвычайно быстрых и решительных действиях. Однако Гарибальди таких действий не предпринимал и вскоре подпал под влияние либералов и оппортунистов республиканизма.

О том, что положение Гарибальди будет не из легких, Маркс писал уже 2 октября, т. е. через три недели после вступления Гарибальди в Неаполь: «Гарибальди трудно будет устоять против Бонапарта и пьемонтской

¹ Важно отметить, что кавуристы, все время сеявшие смуту против Гарибальди, начали против него кампанию по поводу назначения на пост директора «иноземца» и в лически травили Дюма. Дюма был одним из лучших друзей Гарибальди до конца своей жизни. В 1861 году он издал впервые мемуары Гарибальди в виде незаконченных Записок, которые ему доверил герой как своему интимному другу, и снабдил эти Записки ценными примечаниями.

армии, тем более, что вся буржуазная и аристократическая сволочь Италии идет вместе с Кавуром»¹.

Кавур и Бонапарт, видевшие в гарибальдийском движении предвестника своей гибели, старались воздействовать на Гарибальди не только методами угроз и насилий; они делали попытки привлечь его на свою сторону, подкупить его любым способом. Маркс об этом писал, что после одержанных Гарибальди побед Луи-Наполеон начал выражать свой «безграничный восторг» перед героем и «осыпать его знаками своей благосклонности»... «Популярность Гарибальди среди парижского населения и армии поднялась так высоко, что Луи-Наполеон считал разумным прибегнуть к методу лести»².

Конкретно эти планы Бонапарта по привлечению Гарибальди на свою сторону сводились к тому, чтобы предложить ему «новую кампанию». Через генерала Тюрра и венгерского бонапартиствующего эмигранта Кошута Наполеон предложил Гарибальди высадиться с отрядом в Фиуме и водрузить знамя... венгерской революции, обещая ему свою помощь. Этим своим предложением Наполеон, спекулируя на интернациональных чувствах Гарибальди, хотел убить одним ударом даже не двух, а сразу трех зайцев: во-первых, ослабить своего династического соперника — Австрию (однако не на фронте Италии, а на фронте Венгрии!); во-вторых, отвлечь Гарибальди от похода на Рим, который Наполеон держал в подчинении через посредство папы; в-третьих, привлечь Гарибальди на свою сторону, что было бы крайне выгодно. Однако Гарибальди «раскусил» замысел императора, и посланцы Наполеона должны были вернуться в Париж ни с чем. Мы рассказали об этой интриге, чтобы помочь уяснить ту чрезвычайно трудную обстановку, в которой Гарибальди приходилось действовать; это дает представление о том, сколько нужно было приложить усилий, чтобы не дать поймать

¹ Маркс, Письмо к Ф. Лассалю от 2 октября 1860 г., Соч. Маркса и Энгельса, т. XXV, стр. 372.

² Маркс, Положение дел в Пруссии, Соч. Маркса и Энгельса, т. XII, ч. 2, стр. 153.

себя в ловушку. Однако, если вначале Гарибальди устоял против интриг кавуристов, то, не ведя с ними решительной борьбы, он скоро должен был оказаться побежденным ими.

Первой крупной ошибкой диктатора Обеих Сицилий было его согласие назначить своим заместителем («продиктатором») Паллавичино, одного из руководителей «Национального общества» и сторонника присоединения к Пьемонту. Введение Паллавичино в правительство означало уступку кавуровской политике, хотя Гарибальди и не понимал этого. Эта ошибка Гарибальди имела глубокие последствия.

Интересно остановиться на борьбе внутри демократического лагеря. Здесь Мадзини занимал более правильную позицию, чем Гарибальди. Во всей кампании 1860 года Мадзини оказывал Гарибальди громадную помощь: снаряжение самой экспедиции, сбор средств и сил для нее по всей Италии — все это дело рук Мадзини и мадзинистов, причем сам Мадзини должен был действовать тайно, хотя его сторонники некоторое время (в разгаре революции 1859—1860 годов) в Пьемонте и герцогствах действовали легально. Как только Гарибальди занял Неаполь и образовал революционное правительство, Мадзини и мадзинисты начали оказывать на него огромное влияние и всячески помогали в организации управления государством. Мадзини потребовал у Гарибальди немедленного провозглашения Южной Италии республикой. Но Гарибальди, ненавидевший папство, считал более насущной задачей предварительное сокрушение тирании папы и присоединение Папской области к Неаполю. По этому вопросу между сторонниками Мадзини и Гарибальди завязалась острая борьба. Гарибальди в своих мемуарах считает себя правым в данном вопросе, а позицию Мадзини ошибочной. Интересно привести его рассуждение по этому поводу: «Вы должны были провозгласить республику», — кричали и кричат еще сегодня мадзинисты. Точно они, привыкшие, сидя за письменным столом, диктовать свои законы миру, знают моральное и экономическое положение народов лучше, чем мы, которые

имели счастье ими предводительствовать и вести их к победе. То, что от монархии следует ожидать так же мало хорошего, как и от попов, становится день ото дня яснее; теперь это уже совершенно очевидно. Но неверно, что в 1860 году мы должны были провозгласить республику от Палермо до Неаполя. Я думаю, что уничтожение папства было не менее, если не более, ценным, чем уничтожение Бурбонов».

Конечно Мадзини знал «моральное и экономическое положение народов» не лучше, чем Гарибальди. Монархию они оба ненавидели в одинаковой мере, но Мадзини правильнее ориентировался в создавшейся обстановке и в данном вопросе был более последователен. Он понимал необходимость укрепления революционных завоеваний — образования республики.

Неаполитанская республика могла бы тогда стать зародышем Итальянской республики. Гарибальди этого не понимал и, не укрепив революционных позиций, рвался дальше в бой — за освобождение Папской области. А провозглашение в Неаполе республики и усиление революционных мероприятий стало особенно необходимым, когда в середине октября стало известно, что Виктор-Эммануил двинулся со своей армией на юг, чтобы помешать вторжению Гарибальди в Папскую область и вынудить присоединение освобожденного королевства к Пьемонту.

По этому поводу Энгельс писал:

«...Важно было бы разбить неаполитанцев (Энгельс имеет в виду монархистов — сторонников Кавура. — В. Н.) как можно скорее... раньше, чем к ним прибудет Виктор-Эммануил, иначе будет поздно, и они останутся верны Виктору-Эммануилу»¹.

Всего этого Гарибальди не понимал, и в этом был корень его ошибок.

Между тем монархическая контрреволюция не дремала. Кавур и Виктор-Эммануил рвались в Неаполь с не меньшим нетерпением, чем Гарибальди в Рим...

¹ Энгельс, Письмо к Марксу от 1 октября 1860 г, Соч. Маркса и Энгельса, т. XXII, стр. 531.

В Папской области происходили сильные народные движения, и там только и ждали Гарибальди (в особенности в прилегающих к Неаполитанскому королевству провинциях Мархии и Умбрии). Кавур видел, что вступление гарибальдийцев в Папскую область может привести к краху савойской династии. «Если мы не займем Римскую область раньше Гарибальди, — писал Кавур своему подручному Фарине, — мы погибли: революция охватит Центральную Италию. Мы вынуждены действовать». Но «самый податливый слуга французского императора», как называл Маркс Кавура, решил отправить пьемонтскую армию на юг не только для того, чтобы не допустить распространения революции в Центральной и Северной Италии, но и для того, чтобы подавить революцию в самом Неаполе, для того, говорит Гарибальди, «чтобы подавить нас как олицетворение революции».

В то время когда Виктор-Эммануил во главе 20-тысячной армии занимал Мархию и Умбрию (после согласия на это Наполеона III, своей армией охранявшего папские владения), монархисты вели в Неаполе контрреволюционную агитацию и устраивали демонстрации с требованием присоединения к Пьемонту. «Партия Кавура, — пишет Гарибальди по поводу этой агитации, — хотела пожать плоды наших завоеваний и вместе с тем избавиться от завоевателей».

Виктор-Эммануил выпустил прокламацию «К Народам Южной Италии», в которой призывал к примирению с монархией и объявлял «конец революции». Гарибальди и республиканская партия в этой прокламации проклинались как «сеятели анархии».

Далее, король сообщал в прокламации, что он вступает на неаполитанскую землю, чтобы «исполнить желание народа» и создать «Италию итальянцев». Одновременно монархистами Неаполя была устроена грандиозная манифестация, во время которой демонстранты были украшены значками «Ci» (да); это означало, что они настаивают на присоединении к Пьемонту. К тому же еще многие из окружения Гарибальди, в частности генерал Тюрр и продиктатор Паллавичино, ставшие то-

перь заурядными либералами, усиленно склоняли диктатора на примирение с этими требованиями. Тогда Гарибальди решил прибегнуть к помощи того, в кого он безгранично верил и кому он был беззаветно предан, — к помощи парода. Он решил выслушать его голос и назначил плебисцит по вопросу о присоединении. Когда 20-тысячная пьемонтская армия во главе с Виктором-Эммануилом уже перешла неаполитанскую границу и приближалась к столице, чтобы положить конец «анархии», был произведен плебисцит (21 октября). Он окончился победой монархистов: вопрос о присоединении был решен в утвердительном смысле — в Неаполе 1 302 074 голосами против 10 132, в Сицилии — 432 043 голосами против 667. Диктатор Обеих Сицилий решил подчиниться воле парода, обманутого монархистами. Это произошло благодаря нерешительности и колебаниям республиканской революционной партии и самого Гарибальди.

После плебисцита, проведенного со всяческими обманами и под угрозой пьемонтской армии, в Неаполь явился Виктор-Эммануил (6 ноября). Гарибальди сложил с себя диктатуру, передал власть Виктору-Эммануилу и «провозгласил его», как он говорит, «королем Италии». Храбрых волонтеров король вскоре приказал распустить.

Так печально окончились для Гарибальди (и для Италии) его замечательные революционные победы 1860 года.

«Италия была обречена благодаря бессилию и слабости своих вождей», — говорил Гарибальди. Больше всего это относилось к самому Гарибальди. Кристально чистый, беззаветно преданный и самоотверженный революционер, Гарибальди проявил мелкобуржуазное шатание и бессилие в борьбе с политическими врагами. Убеденный пламенный республиканец, Гарибальди часто готов был жертвовать своими республиканскими принципами ради достижения цели воссоединения Италии и свержения иностранного ига, не понимая, что только на основе последовательной и неуклонной борьбы за осуществление республиканских принципов возмож-

но было быстрое освобождение и воссоединение Италии. По поводу передачи Виктору-Эммануилу власти Гарибальди писал: «С тех пор как я убедился, что Италия, чтобы освободиться от чужеземного ига, должна идти с Виктором-Эммануилом, я считал своим долгом подчиняться его приказам при всех обстоятельствах и заставить молчать мою республиканскую совесть. Далее я стал на точку зрения, что Италия должна предоставить ему диктатуру, безразлично, пригоден он для нее или нет, до тех пор, пока страна не будет окончательно очищена от чужеземцев. Таковы были в 1859 году мои убеждения, которые теперь несколько изменились, так как монархия совершенно скомпрометировала себя». За эти «свои убеждения» Гарибальди пришлось вскоре горько заплатить. В этих неправильных убеждениях заключается основной его порок. Он не понимал, что, хотя республиканцы и кавуристы били по общему врагу (скажем, по Австрии), идти все-таки нужно было врозь. Гарибальди считал, что в интересах освобождения Италии надо идти с Виктором-Эммануилом. Это было стремлением к своеобразному «использованию» Виктора-Эммануила в интересах революции, что конечно являлось чистой фантазией. Интересно отметить, что и насчет личных качеств Виктора-Эммануила Гарибальди часто заблуждался. Гарибальди считал его чрезвычайно честным человеком, даже не подходящим для роли короля... Повод для этого давал сам Виктор-Эммануил. Зная силу Гарибальди в народе, он всячески стремился привлечь его на свою сторону и старался задобрить его. Всеми правдами и неправдами он пытался создать у Гарибальди о себе впечатление как о «страстном борце за освобождение Италии», демонстрируя часто перед Гарибальди «свою благодетельность» и устраивая всякие неожиданности. А добродушно-наивный Гарибальди часто верил этим демонстрациям Виктора-Эммануила. Одно интересное замечание о том, какими методами король старался добиться симпатии героя, мы находим у друга Гарибальди, А. И. Герцена, часто бывав-

шего у него дома и знавшего многое из его интимной жизни:

«Гарибальди увлекался людьми: как он увлекался А. Дюма, так он увлекался Виктором-Эммануилом. Неделikatность короля огорчает его; король это знает и, чтобы задобрить его, посылает фазанов, собственноручно им убитых, цветы из своего сада и любовные записки, подписанные «*Semper il tuo amico Vittorio*» (всегда твой друг Виктор)¹.

Необходимо отметить, что Гарибальди сам пишет (см. выше), что такое отношение к Виктору-Эммануилу у него было лишь в 1859 году, а в дальнейшем оно изменилось. Это совершенно верно. Уже в 1860 году его убеждения насчет миссии пьемонтской монархии были другими. Мы видели, как с первого же дня революции 1860 года Гарибальди поставил задачу сделать освободительную борьбу независимой от кавуровско-бонапартистской клики, против которой он выступал не всегда одинаково. Для Гарибальди это был большой шаг вперед, и его приветствовали Маркс и Энгельс. В заключение необходимо отметить, что, несмотря на все ошибки Гарибальди в революции 1859—1860 годов, его участие в этой революции в качестве одного из ее вождей имело крупнейшее значение в деле воссоединения Италии. Если в результате войны и революции 1859—1860 годов Италия в основном была воссоединена (не присоединенными остались Рим и Венеция), то она обязана этим не Кавуру, не Виктору-Эммануилу, которых буржуазные историки называют «освободителями Италии», а Гарибальди и его славной «тысяче». И лишь из-за недостаточного размаха итальянской революции, отсутствия самостоятельного движения пролетариата и колебания мелкобуржуазных вождей савойская династия могла воспользоваться плодами завоеванных революцией побед и присоединить к своей монархии уже освобожденные от итальянских и иностранных тиранов государства. Говоря о том, что савойская династия «приобрела себе итальянскую корону»

¹ Горцен, Соч., т. XIV, Петроград, 1920 г., стр. 170.

потому, что «присоединилась к революции», Энгельс пишет:

«В лице Гарибальди у Италии был свой герой в античном духе, который мог творить и творил чудеса. С тысячью волонтеров он поставил все неаполитанское королевство вверх дном, фактически объединил Италию и разорвал искусственную паутину бонапартистской политики»¹.

После того как Виктор-Эммануил таким своеобразным способом вырвал у Гарибальди его власть и вместе с Наполеоном, папой и австрийцами подавил революцию во всей Италии, герою итальянского народа осталось лишь уйти на время от политической жизни. Правда, король льстил побежденному победителю, предлагая ему всяческие награды, ибо он предвидел неизбежные столкновения с Гарибальди. Король хотел даже возвести партизанского вождя в маршалы. Но от всего этого Гарибальди решительно отказался. На предложение Виктора-Эммануила стать генералом в его регулярной армии Гарибальди отвечал: «Я не солдат и не люблю солдатского ремесла... Правда, я должен был несколько раз выступить в роли солдата потому, что родился в рабской стране, но я всегда делал это с внутренним отвращением. Я увидел мой отчий дом, наполненный разбойниками, и схватился за оружие, чтобы выгнать их». И, ясное дело, раз король-«освободитель» стал защищать этих «разбойников Италии», для Гарибальди не могло быть больше места в его королевстве.

«Я стремился вернуться к своему одиночеству, на Капреру», — заканчивает Гарибальди свой рассказ о славном походе «тысячи». Тяжело было расставаться со своими старыми боевыми товарищами, среди которых было еще немало ветеранов Монтевидео и Рима. Перед тем как удалиться на Капреру, Гарибальди собрал своих волонтеров, чтобы сказать им прощальное слово. Обозрев весь пройденный путь и наметив тот,

¹ Энгельс, Сила и экономики в образовании германской империи, изд. «Красная новь», М. 1923 г., стр. 26—27. (Разрядка наша.)

который еще предстояло пройти, указывая при этом в первую очередь на Рим, Гарибальди закончил свою речь следующими словами:

«Молодые добровольцы! Примите как последнее заключение десяти битв мое прощальное слово. Я произношу его с сильным чувством, оно идет из глубины моей души. Сегодня я должен удалиться, но только не надолго... В день битвы я снова буду рядом с вами, рядом с воинами за итальянскую свободу. Мы скоро встретимся и пойдем вместе освобождать наших братьев».

Это было 7 ноября 1860 года, на другой день после вступления Виктора-Эммануила в Неаполь. На остров Капреру — к месту своего отшельничества — Гарибальди отправился с несколькими соратниками, имея 50 франков в кармане и мешок фасоли для своего огорода подмышкой. Друг Гарибальди А. И. Герцен с глубокой горечью замечает по поводу этого отплытия героя: «Он с горстью людей победил армию, освободил целую страну и был отпущен из нее, как отпускают ямщика, когда он довел до станции».

В 5 часов вечера, среди бурных возгласов «E viva Garibaldi!», пароход отплыл. Долго волонтеры на берегу Неаполя махали платками и шляпами, провожая своего любимого вождя. Они ушли лишь после того, как пароход исчез за горизонтом. Разойдясь по домам, волонтеры пели:

«Открылись могилы, мертвые встают,
Все наши мученики воскресли,
Меч — в руке, лавр — на голове,
Огонь и имя Италии — в сердце.
Идем смелее, молодые полки, идем!
Пусть наши знамена взовьются по ветру!
Смелее идите ж с железом и огнем,
Бодро, с любовью к Италии в сердце!
Пусть попытается иноземец еще раз перейти
альпийские крутизны,
И при звуках колокола, доносящихся с Капреры,
Вооружится тысяча, что шла на Этру.
Прочь из Италии, иноземец!
Уходи, пробил твой час!
Прочь из Италии, иноземец!
Уходи, пробил твой час!»

У. БОРЬБА ГАРИБАЛЬДИ ЗА ЗАВЕРШЕНИЕ ВОССОЕДИНЕНИЯ ИТАЛИИ

После того как объединившийся в страхе перед революцией блок торгово-промышленной буржуазии и помещиков избавился от Гарибальди, предстояло избавиться от его воспитанников — героических волонтеров. Правительство Кавура издало декрет о немедленном роспуске волонтеров. Что касается офицеров Гарибальди, то для решения их дальнейшей судьбы была образована специальная правительственная комиссия, которая должна была установить, кто из них «достоин» быть зачисленным в регулярную армию Виктора-Эммануила, хотя вначале король обещал зачислить всех. В феврале 1861 года был созван всеитальянский парламент, депутатом которого от Неаполя был избран Гарибальди. После того как парламент, состоявший благодаря высокому избирательному цензу из одних только кавуристов, провозгласил Виктора-Эммануила королем Италии (март), ему предстояло принять решение по вопросу о гарибальдийских офицерах.

Роспуск армии волонтеров вызвал бурю негодования в стране. Гарибальди был крайне возмущен. 18 апреля он явился в Турин и выступил в парламенте с яркой обличительной речью против правительства, отнимавшего оружие у людей, завоевавших независимость Италии. Он напомнил Кавуру о Савойе и Ницце, о его согласии держать Рим в рабстве и о многих других его «заслугах» перед Италией; уходя из парламента, он заявил, что итальянский народ не будет терпеть этого предательства. Окружавшая здание парламента толпа громом аплодисментов и приветственными возгласами встретила героя и его заявление. Это было грозным предвестником нового выступления Гарибальди с оружием в руках.

К этому времени относится еще одно политическое выступление Гарибальди, уже международного порядка, вызвавшее беспокойство в европейских кабинетах. Это — открытое выступление в печати против России. После манифеста о так называемом «освобождении» кре-

стьян в Польшу усилилось движение за независимость. 9 апреля 1861 года в Варшаве произошла грандиозная демонстрация под лозунгом независимости. Царскими войсками был открыт огонь, причем часть офицеров и солдат отказалась стрелять в народ. По поводу этих событий Гарибальди опубликовал в «Daily News» (от 22 апреля) открытое письмо к Герцену, в котором разоблачал кровавую династию Романовых, пытающуюся в то время сыграть на «освободительных» жестах. В этом письме Гарибальди указывает на «негодование европейских народов против виновника гнусной бойни» (Александра II) и призывает поднять «голос проклятия на совершивших отвратительное злодейство». Заканчивая письмо, Гарибальди просил передать «слово сочувствия от итальянского народа несчастной и героической Польше и слово благодарности храбрым воинам русским, которые, как Попов, сломали свою саблю, чтобы не обогреть ее в народной крови»¹. Летом этого же года в Генуе был образован «Комитет помощи изгнанникам-полякам», почетным председателем которого был избран Гарибальди, принимавший активное участие в работе комитета. Все это нашло свой отклик в европейской печати, часть которой видела в Гарибальди «бунтаря» европейского масштаба и требовала от итальянского правительства «унять» его.

Между тем Гарибальди и не думал прекращать своей борьбы. Летом 1862 года он задумал предпринять новый поход на Рим, объясняя его следующим образом: «Предприятие «краснорубашечников» в 1862 году означало свержение папства — непобедимого, самого могучего врага Италии». Это было время, когда многие из тех, кто в 1860 году объявлял себя поборником за освобождение Италии, теперь успокоились, добившись высоких постов. Ярким примером этого может служить Паллавичино — бывший узник Шпильберга (австрийская тюрьма), а теперь правитель Сицилии именем Виктора-Эммануила. Гарибальди обрушился на этих

¹ Позже письмо было опубликовано в «Колокоде», см. 97 л. от 1 мая 1861 г.

ренегатов республиканизма, выдвинувших теперь лозунг по вопросу об окончательном воссоединении Италии — «Пусть действует тот, кого это касается». Этих людей он назвал изменниками и преступниками.

В середине июля Гарибальди, как и два года назад, высадился в Марсале и бросил клич «Рим или смерть». Тотчас же к герою начали стекаться добровольцы со всей Сицилии; «...ее (Сицилии. — В. Н.) мужественные жители, — пишет Гарибальди, — были так же воодушевлены в 1862 году, как и прежде. Она дала нам лучшее свое юношество». Вскоре Гарибальди собрал вокруг своего знамени 3 000 человек и направился к восточной части острова, чтобы перебраться на материк. Узнав о высадке Гарибальди, Наполеон послал в Рим новые войска для подкрепления французского гарнизона и потребовал от Виктора-Эммануила принятия срочных мер против повторного покушения на «святость папского престола», угрожая, в случае невыполнения этого, занятием Неаполя.

Король не замедлил выпустить прокламацию, в которой оценивал поход Гарибальди как «мятеж» и призыв к «междоусобной войне», угрожая строгой карой всем тем, кто к нему присоединится, и возлагая ответственность на «зачинщика». Однако указ короля не остановил Гарибальди.

Энтузиазм народных масс всего острова был так велик, что власти не осмелились воспрепятствовать продвижению Гарибальди. Он прошел через Палермо, где к нему присоединились новые люди, и достиг восточного берега острова — Катании.

Здесь, на глазах части королевского военного флота, Гарибальди с отрядом в 3 500 человек переплыл на материк. Командиры судов имели приказ всеми силами воспрепятствовать этому, но как солдаты, так и часть офицеров отказались выполнить этот приказ, и Гарибальди мог беспрепятственно перебраться на калабрийский берег. Отсюда Гарибальди со своим отрядом отправился к Реджио. Но там их ждал специально высланный генералом Чиальдини, по приказу из Турина, корпус.

Если в этом же городе два года назад Гарибальди искал войск Бурбонов, чтобы броситься в атаку, то итальянской армии он «хотел миновать любой ценой», не желая вступать в «братоубийственную войну». Поэтому он отвел свой отряд к знаменитой горе Аспромонте. Уйдя от противника и пробираясь через тропинки в горы, отряд переносил мучительные лишения: волонтерам приходилось голодать.

«У меня самого нечего было есть, — пишет Гарибальди, — многие из моих товарищей страдали от голода еще в большей степени, чем я». Несмотря на эти лишения, отряд продвигался вперед. Но королевская армия, «получившая приказ во что бы то ни стало уничтожить волонтеров», как указывает Гарибальди, преследовала отряд. 29 августа она его догнала и без всякого предупреждения открыла огонь. Зная, что солдаты могут поколебаться, командующий корпусом даже не вступил в переговоры с Гарибальди, чтобы не дать солдатам времени на размышления. Великодушный же Гарибальди не хотел стрелять по итальянским солдатам и приказал своим «не стрелять!» Позже герой писал об этой схватке: «Я был поставлен перед выбором: либо бросить оружие, либо обagrить себя братской кровью. Конечно солдаты монархии, или, лучше сказать, их предводители, не разделяли моих терзаний. Рассчитывали ли они на мой страх перед гражданской войной? Уверенность, с которой они подходили, делала это предположение весьма вероятным». Таким образом противник воспользовался великодушием героя и его страхом перед гражданской войной. Однако на этот раз волонтеры послушались своего вождя и некоторые из них начали отвечать противнику огнем. Первым открыл огонь сын Гарибальди Менотти, командовавший батальоном (он уже в 1860 году участвовал в походе «тысячи»). Гарибальди встал между обеими армиями и попытался остановить стрельбу. Пуля поразила его в левую ногу; он еще держался на ногах и продолжал свои попытки. Но через мгновение Гарибальди зашатался и, крикнув «*eviva Italia*», упал, — второй пулей он был ранен в правую ногу. Это была самая тяжелая из всех 10 ран,

полученных Гарибальди за свою жизнь. Тут произошла небывалая сцена. Огонь был немедленно прекращен. Солдаты обеих армий начали сбегаться к герою; солдаты королевской армии отпускали негодующие возгласы по адресу своих командиров. Многие из окружавших Гарибальди солдат плакали. Офицеры итальянской армии предложили Гарибальди сдаться и отказаться от дальнейшего продвижения, так как они получили строгий приказ уничтожить его отряд. Герой согласился. Вместо того чтобы поместить раненого в больницу, его отправили в качестве военнопленного в крепость Вариньяно, а затем в Специю. Гарибальди писал о своем плене:

«Мне неприятно рассказывать о мерзостях, но мне пришлось пережить вещи, которые могли бы вызвать отвращение у чистильщиков клоаки... Ту обычную вежливость, которую проявляют и по отношению к преступникам, когда их ведут на эшафот, не забыли и в отношении меня... Повторяю, мне противно говорить о низостях и утомлять читателей рассказами о ранах, госпиталях, тюрьмах и любезностях монархии».

Этим Виктор-Эммануил отплатил герою за то, что он ему завоевал полцарства. «Это ведь проступки (отдача Виктору-Эммануилу Королевства Обеих Сицилий. — В. Н.), которых короли не прощают», — иронически замечает Гарибальди. Так закончился поход в Аспромонте 1862 года.

Рана Гарибальди была очень серьезной и вызывала у многих врачей опасение за его жизнь. Его лечил знаменитый итальянский хирург Цанетти и француз Нелатон. Врачи предлагали отнять ногу, но Гарибальди не соглашался. Тогда был приглашен в Специю знаменитый русский хирург Н. И. Пирогов, проживавший в то время в Гейдельберге и руководивший там занятиями молодых русских ученых, готовящихся к профессуре в отечественных университетах. В октябре Пирогов прибыл к больному. Он воспротивился отнятию ноги, и благодаря его помощи через две недели пуля была искусно вынута, а затем и лечение было доведено до конца.

Гарибальди сохранил глубокую благодарность знаменитому ученому, но зато Пирогова начали травить русские реакционеры за его помощь революционному полководцу.

Между тем прошло уже 3 месяца, как Гарибальди находился под арестом; народные массы Италии негодовали. Рабочие Генуи послали к нему делегацию с адресом, в котором называли его «защитником их прав» и «членом общества рабочих».

Против содержания Гарибальди в заключении протестовали массы не только в Италии, но и во многих других европейских странах, в особенности в Англии. В течение сентября и октября в ряде городов Англии (Лондон, Денди, Бирмингем и др.) состоялись бурные митинги рабочих в честь Гарибальди и массовые демонстрации. Движение среди рабочих в Англии было настолько сильно, что Маркс счел необходимым написать специально по этому вопросу целых три статьи. Особенно бурный характер носил митинг 28 сентября в Гайд-Парке (Лондон). Этот митинг, организованный рабочими, собрал, как указывает Маркс (см. «Бурный митинг», Соч., т. XII, ч. 2, стр. 383), около 20 000 человек; там произошли кровавые побоища между сторонниками Гарибальди и приверженцами папы; вмешалась полиция, защищавшая папистов. Рабочие избрали «Гарибальдский комитет» для сбора средств в помощь Гарибальди, а затем направили делегацию к консулу итальянского королевства для заявления протеста против ареста Гарибальди; рабочие требовали от английского правительства дипломатического представления по поводу занятия Рима французскими войсками. На митинге рабочие приняли «адрес», в котором выражалось «неизменное и все возрастающее восхищение английского народа»¹ Гарибальди; его приглашали приехать на жительство в Англию. На всех этих митингах подчеркивалось, что главный виновник того, что Италия все еще находится в рабстве, является Бонапарт — дес-

¹ См. Маркс, Митинг в честь Гарибальди, Соч., т. XII, ч. 2, стр. 378.

пот Европы. Эти митинги вызвали ноту Наполеона английскому правительству и неприятные объяснения между правительствами Англии и Франции. Виктор-Эммануил вынужден был «амнистировать» Гарибальди после четырех месяцев заключения, а затем отправил его на Капреру.

Этим кончилось аспромонтское дело. Необходимо отметить, что, несмотря на необдуманность этого похода Гарибальди, он все же имел кое-какие последствия для Италии. Недаром республиканский поэт Джозуэ Кардуччи писал в своем «Аспромонте»: «Непобедимый, ты пал, но ты победил своим падением». Победа эта заключалась в том, что массы окончательно разуверились в способности савойской династии осуществить надежды нации; лагерь республиканцев усилился. Массы все больше убеждались, кто действительно является освободителем, а кто врагом Италии.

Усиление после аспромонтского похода национально-освободительного движения вынудило Наполеона пойти на уступки Виктору-Эммануилу и заключить с ним конвенцию (сентябрь 1864 г.), согласно которой он обязался вывести из Рима свой гарнизон, стоявший там со времени подавления Римской республики в 1849 году генералом Удино.

Только через 13 месяцев после освобождения из-под ареста Гарибальди, у него зажила аспромонтская рана. Это ранение сильно подорвало его здоровье, и он навсегда остался калекой.

Но не успел он оправиться, как уже задумал новый поход в борьбе за итальянскую свободу.

План похода был прост: высадиться с отрядом волонтеров на берег Адриатики; бросить там лозунг, чтобы «увлечь за собой Италию», и оттуда двинуться маршем в Венецию. Но для организации этой экспедиции нужны были деньги, которых у Гарибальди не было. Поэтому он решил (в марте 1864 г.) предпринять агитационную поездку в Англию, рассчитывая собрать там необходимую сумму.

У Гарибальди была также тайная надежда получить некоторую поддержку для своей экспедиции про-

тив австрийцев и от английского правительства. Английское правительство, соперничавшее с Бонапартом в отношении влияния на Австрию, вначале решило не мешать поездке Гарибальди. Герой только скомпрометировал себя этой поездкой, но она представляет интерес с точки зрения того, как встретил его английский народ.

3 апреля Гарибальди был уже в Соутгэмптоне. В Англии было заранее известно о его приезде, так как демократическая печать сообщила об этом; во всех городах, через которые он должен был проехать, демократия готовила в честь его грандиозные манифестации. А. И. Герцен, бывший свидетелем манифестации в день приезда Гарибальди в Лондон, указывает, что Англия еще не видала таких зрелищ и что весь народ был охвачен глубоким энтузиазмом и часами простаивал на ногах в ожидании героя. «В день приезда Гарибальди в Лондон, — говорит Герцен, — я его не видал, а видел море народа, реки народа, запруженные им улицы в несколько верст, наводненные площади; везде, где был карниз, балкон, окно, находились люди...»

Карету Гарибальди окружали тысячи, десятки тысяч людей, приветствовавших славного народного героя. Овации и восторг росли с каждым днем. Толпы народа встречали героя утром при выходе из дома, толпы народа провожали его ночью из театра. К Гарибальди каждый день являлись депутации от рабочих и от различных общественных организаций, приветствовали его и сообщали об избрании его почетным членом своих обществ; образовались специальные «гарибальдийские комитеты».

Видя, с каким энтузиазмом народ встречает героя, английское правительство тоже начало заигрывать с человеком, внушавшим ему страх, и оказывало ему «королевские почести». Герцен по поводу этого писал:

«Аристократия думает, что, схвативши его коня под уздцы, она его поведет, куда хочет, и, главное, отведет от народа; но народ смотрит на красную рубашку и рад, что дюки, маркизы и лорды пошли в конохи и официанты к революционному вождю».

Герцог Соутерландский предложил Гарибальди поместиться в королевском доме (Стаффорд-гауз).

Надеясь получить от английского правительства некоторую помощь для своей экспедиции, «практичный» Гарибальди не отказался от этого. Это был крупный политический промах, и после этого даже Мадзини, живший тогда в Лондоне, отказался встретиться со своим соратником до тех пор, пока он будет находиться в правительственном доме.

Помирить Мадзини и Гарибальди взялся Герцен, пригласивший их обоих к себе на квартиру.

Эта встреча рассеяла всякие иллюзии насчет того, что Гарибальди отходит от знамени революции и превращается в либерала. Такие утверждения распространяли правящие классы, так как это было в их интересах. Поэтому Гарибальди счел необходимым во всеуслышание заявить о своей позиции.

Известно, как буржуазная печать в то время травила Мадзини, считая его «страшным революционером». В речи, произнесенной при встрече у Герцена, Гарибальди заявил, что еще с юных лет он нашел в Мадзини путеводную звезду к освобождению Италии и что с тех пор Мадзини неизменно является его учителем и другом. Мадзини же в своей речи отметил заслуги Гарибальди перед итальянской революцией, указав, что он является единственной могучей силой, на которую республиканская партия опиралась и опирается в своей революционной борьбе. Эти речи обоих вождей революционной Италии вскоре облетели всю Европу и вызвали оживленные комментарии. Во время этой же встречи Гарибальди отметил свое неизменное отношение к революционной России и Польше.

Произнеся тост в честь «великого русского революционера Герцена», Гарибальди поднимал бокал «за юную Россию, которая страдает и борется, за новую Россию, которая, раз одолев Россию царскую, будет, очевидно, в своем развитии иметь огромное значение в судьбах мира»¹. О революционной Польше Гарибальди заявил,

¹ Герцен, Соч., т. XXII, Петроград 1922 г., стр. 159.

что своей борьбой за независимость она показывает «великий пример народам». Эти выступления Гарибальди привели к разочарованию английскую буржуазию, оказавшую ему гостеприимство.

Узнав о встрече Гарибальди с Мадзини, английская печать, надеявшаяся, что «Гарибальди настолько поймет обязанности, возлагаемые на него гостеприимством Англии, что не станет иметь сношений со своим прежним другом», вдруг подняла кампанию против «страшного революционера». Кроме того торжественная встреча и пребывание Гарибальди в Лондоне вывели из терпения Луи-Бонапарта, и он потребовал от Пальмерстона высылки Гарибальди из Англии; к последнему явился министр Гладстон и указал, что «газеты пишут, что он болен и уезжает на Капреру». А когда Гарибальди ответил, что он себя чувствует неплохо и думает посетить некоторые города Англии, министр ответил, что «присутствие Гарибальди в Англии усложняет и без того трудное положение правительства». На другой день Гарибальди покинул Англию.

Это лицемерное и трусливое поведение английского правительства вызвало возмущение широких масс. На улицах Лондона появились карикатуры на английское правительство, раболепствующее перед императором французов, с надписями, что Гарибальди выслан из Англии по требованию Бонапарта, устраивались митинги и т. д. Пальмерстон вынужден был объяснить в палате депутатов (в ответ на специальный запрос), что Гарибальди уехал из Англии вовсе не по требованию Наполеона, а... по болезни.

Так закончилась поездка Гарибальди в Англию в 1864 году. Эта поездка была безрезультатной для самого Гарибальди и только скомпрометировала его. Мы описали всю ее «историю», так как она как нельзя лучше показывает, куда заводили иногда Гарибальди его «голый практицизм», по выражению Маркса, и его выбор средств для достижения своей цели — воссоединения Италии. Конечно, искушенный в политике человек мог бы сразу понять, что никакой помощи от английского правительства итальянским революционерам нельзя бы-

ло ожидать, что своим гостеприимством английское правительство хотело лишь использовать героя как «козырь» против Бонапарта и т. д. Но простодушный и прямой Гарибальди не понимал этой закулисной стороны политики правящих кругов Англии.

Маркс и Энгельс в своих письмах подвергли резкой критике эту поездку Гарибальди. «Для всякого иного человека, кроме Гарибальди, это было бы гибелью, но даже для него это совершенно исключительный позор... Как мог он только дойти до этого и как мог он иметь глупость видеть в этих Дэндрери английский народ! Как бы там ни было, кто уж теперь не понял совершенно буржуазного характера этого господина...»¹ — писал Энгельс.

Таким образом план организации экспедиции 1864 года провалился, и после неудачной поездки в Англию Гарибальди вынужден был вновь уединиться на скалистой Капрере.

Между тем освободительное движение в Италии не утихало; несмотря на все маневры короля, он все же не мог отделаться от венецианского и римского вопросов. Желая избежать революционного разрешения этих вопросов, он должен был искать пути их разрешения на основе соглашения, посредством иностранных союзников и т. д. В качестве союзника Виктора-Эммануила к Бонапарту прибавился теперь Бисмарк. Дело в том, что Пруссии нужен был союзник в подготавливаемой войне с Австрией (1866 г.). Поэтому Бисмарк обратился к Виктору-Эммануилу с предложением участвовать в войне, обещая ему за это помочь приобрести Венецию. Король только и ждал такого «счастливого случая».

Боясь волнений во время войны внутри Италии, Виктор-Эммануил пригласил также Гарибальди принять участие в войне с отрядом волонтеров, рассчитывая, что этим он отвлечет возбуждение масс против себя и направит это возбуждение против Австрии. Но к уча-

¹ Энгельс, Письмо к Марксу от 29 апреля 1864 г., Соч. Маркса и Энгельса, т. XXIII, стр. 177.

стию в войне призывала также республиканская партия во главе с Мадзини. Еще накануне войны Мадзини написал Бисмарку письмо, в котором обещал помощь демократии против Австрии. Видя, как обстоит дело, Гарибальди дал свое согласие. «Я скоро забываю нанесенные мне обиды», — говорил Гарибальди по этому поводу, вспоминая об Аспромонте...

Отношение Виктора-Эммануила и итальянского правительства к Гарибальди и его добровольцам было обычным. Добровольцам дали, как говорит Гарибальди, непригодное оружие, совершенно не дали обмундирования. К тому же правительство боялось слишком большого количества добровольцев, и герою не разрешили собрать под своим знаменем даже и пятой части того, что он мог бы собрать.

Необходимо особо отметить, что, участвуя в австро-прусской войне, Гарибальди ставил себе задачи, далеко превосходящие цель окончательного воссоединения Италии. Гарибальди требовал, чтобы ему разрешили высадиться с добровольцами на побережье Далмации, и этой кампанией он ставил задачу вызвать революцию также в Австрии и Венгрии. «Все воинственные племена, — пишет об этом своем плане Гарибальди, — враждебные Австрии и Турции, от Греции до Венгрии, пошли бы за нами. Нужен был только слабый толчок, чтобы они восстали против своих притеснителей».

Однако правительство Виктора-Эммануила поняло, к чему может привести этот план Гарибальди, и не разрешило его осуществления. Гарибальди был поручен второстепенный, не имеющий военного значения участок — Южный Тироль. Но и на этом участке он сумел нанести ошеломившие австрийцев удары и превратил его в грозную позицию. В то время когда итальянская армия, руководимая самим Виктором-Эммануилом и генералом Ла-Мармора, терпела поражение за поражением, Гарибальди наголову разбил австрийцев и занял весь Южный Тироль, населенный итальянцами. Но это было уже после битвы при Садовой, когда Бисмарк заключил перемирие с Францем-Иосифом; вскоре он принудил к перемирию Виктора-Эммануила, усту-

пив ему Венецию. 24 августа Виктор-Эммануил послал Гарибальди телеграмму: «Перемирие заключено. Очисти-те Тироль». Вне себя от ярости Гарибальди телеграфировал в ответ: «Повинуюсь».

Таким образом Венеция была присоединена к Италии. Но австрийцы еще не были окончательно выброшены из Италии: они продолжали держать в своих руках итальянский Тироль, за освобождение которого итальянцам пришлось бороться еще не один десяток лет (движение ирредентистов). Гарибальди уже тогда стремился освободить Южный Тироль, но это ему было запрещено Виктором-Эммануилом.

После этой войны Гарибальди снова вернулся на Капреру. Однако герой не мог оставаться здесь долго. Рим был все еще во власти ненавистной ему папской тирании. Летом 1867 года Гарибальди совершает агитационную поездку по Северной и Центральной Италии. Во многих городах он выступает с речами и призывает к новому походу на Рим. Но «ищейки правительства Парижа и Турина», как говорит сам Гарибальди, окружали его: 24 сентября он был арестован и заключен в Александрийскую цитадель. Через некоторое время, ввиду возбуждения масс из-за его ареста, он был под конвоем отправлен на «свою» Капреру, как итальянское правительство называло место его фактической ссылки; остров к тому же был окружен военными судами. «Я оказался пленником в своем собственном доме, — рассказывает Гарибальди, — охраняемом бронепосадами, несколькими пароходами и торговыми судами, нанятыми для этой цели».

Между тем возбужденные Гарибальди массы начали готовиться к походу. Во многих городах соратники Гарибальди образовали волонтерские отряды и с разных сторон двинулись на Рим. Сын героя Менотти также выступил во главе одного из отрядов. Несмотря на то, что Гарибальди фактически находился под арестом на острове, сведения об этом движении до него доходили, и он не мог оставаться в бездействии при таком положении в стране. Он решил бежать. «Велика была, — пишет герой, — бдительность моих стражей и много-

численны были суда и средства охраны, которыми они располагали, но еще больше было мое желание выполнить свой долг и поддержать храбрецов, боровшихся за освобождение Италии». Вечером 14 октября 1867 года шестидесятилетний старец бежит с Капреры, чтобы броситься в бой за свободу. Побег удался. Опытный воин сумел обмануть бдительность королевской стражи и с ловкостью старого моряка на маленькой дырявой лодке добрался до ближайшего острова Маддалены.

Здесь героя ожидали его старые друзья, в том числе ветеран монтевидейских сражений Кунео. Вскоре Гарибальди вместе со своими соратниками переправился на тосканский берег и через некоторое время прибыл во Флоренцию. Герой не стал скрываться от правительства (с 1865 года оно находилось во Флоренции), не посмеявшего его трогать, видя, с каким энтузиазмом добровольцы начали стекаться к нему. 22 октября Гарибальди во главе отряда волонтеров из нескольких сот человек перешел границу Папской области и двинулся в местечко Монте-Ротондо. Всего в это время в Папской области действовало уже около 6 000 волонтеров, а во многих городах начались уже восстания. Итальянское правительство немедленно послало свою армию против Гарибальди, желая этим показать свою верность Бонапарту, которому оно в 1864 году обязалось охранять светскую власть папы. Император французов не полагаясь на одних пьемонтцев и послал в Рим свой корпус. 25 октября Гарибальди соединился с отрядом Менотти и разбил папскую армию у Монте-Ротондо, в нескольких километрах от Рима. Но вскоре в рядах волонтеров распространились слухи о прибытии французского корпуса, и началось падение дисциплины и дезертирство — редкие явления в армии Гарибальди (сам Гарибальди объясняет это агитацией мадзинистов, бывших противниками кампании). 30 октября этот корпус уже прибыл в Рим. 3 ноября у Ментаны соединившаяся с папистами французская армия нанесла Гарибальди сильный удар. Вследствие деморализации среди волонтеров Гарибальди не мог оказать серьезного сопротивления и вынужден был стремительно отступить. Ко-

мандующий французской армией хвастливо телеграфировал Бонапарту, что «ружья «Шасспо» (новый вид оружия, который испытали на гарибальдийцах. — В. Н.) чудесно действовали». А король-«освободитель», едва Гарибальди прибыл на территорию его королевства, поспешно арестовал героя и под конвоем отправил на Капреру. «Я ехал с максимальной скоростью, — пишет об этом Гарибальди, — и был наконец доставлен в мою старую тюрьму — Вериньяно, а оттуда водворен на место моего изгнания — на остров Капрера». На этот раз новое предательство итальянского правительства и арест Гарибальди вызвали восстание в Милане, немедленно подавленное самым свирепым образом. Так кончился последний поход народного героя за освобождение Италии. После этого ему предстояло еще одно сражение, но оно уже происходило за пределами Италии, — сражение в рядах французской армии после падения Наполеона III, в защиту французской республики от покушений Бисмарка. |

Между тем воссоединение Италии подходило к концу. Несмотря на все меры папы и Наполеона, Рим уже не мог долго оставаться отторженным от Италии. Понятно, что его присоединение зависело не от Виктора-Эммануила, а от силы революционного движения. Оставление Наполеоном французского гарнизона в Риме (после Ментаны), а затем созыв папой всемирного собора под охраной французской армии явились вызовом католической реакции и привели к обострению революционной борьбы. Летом 1870 года в Риме произошло сильное народное возмущение, переходившее в открытую революцию. Тогда по поручению Гарибальди один из его помощников, Биксио, сформировал отряд добровольцев, состоящий из рабочих и мелкобуржуазных элементов, и направился в Чивита-Веккию, где находился французский гарнизон. В это время началась франко-прусская война. С началом войны Наполеон, получивший сильные удары от прусской армии и нуждавшийся в подкреплении фронта, вынужден был отозвать свой гарнизон из Чивита-Веккии. Уход бонапартистских войск облегчил продвижение повстанче-

55 0717001

4th. 3d 4th 5th 6th 7th 8th 9th 10th 11th 12th 13th 14th 15th 16th 17th 18th 19th 20th 21st 22nd 23rd 24th 25th 26th 27th 28th 29th 30th 31st 32nd 33rd 34th 35th 36th 37th 38th 39th 40th 41st 42nd 43rd 44th 45th 46th 47th 48th 49th 50th 51st 52nd 53rd 54th 55th 56th 57th 58th 59th 60th 61st 62nd 63rd 64th 65th 66th 67th 68th 69th 70th 71st 72nd 73rd 74th 75th 76th 77th 78th 79th 80th 81st 82nd 83rd 84th 85th 86th 87th 88th 89th 90th 91st 92nd 93rd 94th 95th 96th 97th 98th 99th 100th 101st 102nd 103rd 104th 105th 106th 107th 108th 109th 110th 111th 112th 113th 114th 115th 116th 117th 118th 119th 120th 121st 122nd 123rd 124th 125th 126th 127th 128th 129th 130th 131st 132nd 133rd 134th 135th 136th 137th 138th 139th 140th 141st 142nd 143rd 144th 145th 146th 147th 148th 149th 150th 151st 152nd 153rd 154th 155th 156th 157th 158th 159th 160th 161st 162nd 163rd 164th 165th 166th 167th 168th 169th 170th 171st 172nd 173rd 174th 175th 176th 177th 178th 179th 180th 181st 182nd 183rd 184th 185th 186th 187th 188th 189th 190th 191st 192nd 193rd 194th 195th 196th 197th 198th 199th 200th 201st 202nd 203rd 204th 205th 206th 207th 208th 209th 210th 211th 212th 213th 214th 215th 216th 217th 218th 219th 220th 221st 222nd 223rd 224th 225th 226th 227th 228th 229th 230th 231st 232nd 233rd 234th 235th 236th 237th 238th 239th 240th 241st 242nd 243rd 244th 245th 246th 247th 248th 249th 250th 251st 252nd 253rd 254th 255th 256th 257th 258th 259th 260th 261st 262nd 263rd 264th 265th 266th 267th 268th 269th 270th 271st 272nd 273rd 274th 275th 276th 277th 278th 279th 280th 281st 282nd 283rd 284th 285th 286th 287th 288th 289th 290th 291st 292nd 293rd 294th 295th 296th 297th 298th 299th 300th 301st 302nd 303rd 304th 305th 306th 307th 308th 309th 310th 311th 312th 313th 314th 315th 316th 317th 318th 319th 320th 321st 322nd 323rd 324th 325th 326th 327th 328th 329th 330th 331st 332nd 333rd 334th 335th 336th 337th 338th 339th 340th 341st 342nd 343rd 344th 345th 346th 347th 348th 349th 350th 351st 352nd 353rd 354th 355th 356th 357th 358th 359th 360th 361st 362nd 363rd 364th 365th 366th 367th 368th 369th 370th 371st 372nd 373rd 374th 375th 376th 377th 378th 379th 380th 381st 382nd 383rd 384th 385th 386th 387th 388th 389th 390th 391st 392nd 393rd 394th 395th 396th 397th 398th 399th 400th 401st 402nd 403rd 404th 405th 406th 407th 408th 409th 410th 411th 412th 413th 414th 415th 416th 417th 418th 419th 420th 421st 422nd 423rd 424th 425th 426th 427th 428th 429th 430th 431st 432nd 433rd 434th 435th 436th 437th 438th 439th 440th 441st 442nd 443rd 444th 445th 446th 447th 448th 449th 450th 451st 452nd 453rd 454th 455th 456th 457th 458th 459th 460th 461st 462nd 463rd 464th 465th 466th 467th 468th 469th 470th 471st 472nd 473rd 474th 475th 476th 477th 478th 479th 480th 481st 482nd 483rd 484th 485th 486th 487th 488th 489th 490th 491st 492nd 493rd 494th 495th 496th 497th 498th 499th 500th 501st 502nd 503rd 504th 505th 506th 507th 508th 509th 510th 511th 512th 513th 514th 515th 516th 517th 518th 519th 520th 521st 522nd 523rd 524th 525th 526th 527th 528th 529th 530th 531st 532nd 533rd 534th 535th 536th 537th 538th 539th 540th 541st 542nd 543rd 544th 545th 546th 547th 548th 549th 550th 551st 552nd 553rd 554th 555th 556th 557th 558th 559th 560th 561st 562nd 563rd 564th 565th 566th 567th 568th 569th 570th 571st 572nd 573rd 574th 575th 576th 577th 578th 579th 580th 581st 582nd 583rd 584th 585th 586th 587th 588th 589th 590th 591st 592nd 593rd 594th 595th 596th 597th 598th 599th 600th 601st 602nd 603rd 604th 605th 606th 607th 608th 609th 610th 611th 612th 613th 614th 615th 616th 617th 618th 619th 620th 621st 622nd 623rd 624th 625th 626th 627th 628th 629th 630th 631st 632nd 633rd 634th 635th 636th 637th 638th 639th 640th 641st 642nd 643rd 644th 645th 646th 647th 648th 649th 650th 651st 652nd 653rd 654th 655th 656th 657th 658th 659th 660th 661st 662nd 663rd 664th 665th 666th 667th 668th 669th 670th 671st 672nd 673rd 674th 675th 676th 677th 678th 679th 680th 681st 682nd 683rd 684th 685th 686th 687th 688th 689th 690th 691st 692nd 693rd 694th 695th 696th 697th 698th 699th 700th 701st 702nd 703rd 704th 705th 706th 707th 708th 709th 710th 711th 712th 713th 714th 715th 716th 717th 718th 719th 720th 721st 722nd 723rd 724th 725th 726th 727th 728th 729th 730th 731st 732nd 733rd 734th 735th 736th 737th 738th 739th 740th 741st 742nd 743rd 744th 745th 746th 747th 748th 749th 750th 751st 752nd 753rd 754th 755th 756th 757th 758th 759th 760th 761st 762nd 763rd 764th 765th 766th 767th 768th 769th 770th 771st 772nd 773rd 774th 775th 776th 777th 778th 779th 780th 781st 782nd 783rd 784th 785th 786th 787th 788th 789th 790th 791st 792nd 793rd 794th 795th 796th 797th 798th 799th 800th 801st 802nd 803rd 804th 805th 806th 807th 808th 809th 810th 811th 812th 813th 814th 815th 816th 817th 818th 819th 820th 821st 822nd 823rd 824th 825th 826th 827th 828th 829th 830th 831st 832nd 833rd 834th 835th 836th 837th 838th 839th 840th 841st

IP 01210.1

✱

L'Ufficio di	Parole (articolo N.	Spettacolo di	120
l'ordinatore	della quale la legge ordinaria N.	ora	
	Preceduto di	adulterio di	
Natura	Via		
	Indicazioni eventuali		
Qualità			
del oggetto			

14 4-see labels nulla e a negare che che nulla di di negare.

(Destiny)

Comands Supremes

(120417)

Ho ricevuto il dispaccio 13° 73.

(Test 1)

Abbeys.

Факсимиле телеграма Гарібальди Виктору-Эммануїлу 9 августа.

ского отряда гарибальдийцев в Папскую область. Когда отряд находился около Рима и одержал ряд побед, когда в битве при Седане (2 сентября) была разгромлена наполеоновская империя, только тогда Виктор-Эммануил решил послать и свою армию в Рим. А после того как добровольцы уже пробили брешь в окружавшем город валу, король приказал и своим солдатам вступить в Рим (20 сентября), так как дело грозило революцией, да и не в одном только Риме.

Этим завершилось воссоединение Италии. Светская власть папы была свергнута.

Но Италия, борьбе за свободу которой Гарибальди посвятил всю свою жизнь, так изменилась за это время, что Гарибальди был рад, когда ему вскоре представился случай предложить свое оружие республиканской Франции. Но правительство «национальной обороны», которое возникло сразу после свержения Наполеона, оказалось правительством «национальной измены» и не оправдало надежд героя.

Всего через два дня после образования этого правительства, 6 сентября 1870 года, Гарибальди написал Гамбетте (главе правительства) письмо с предложением своей шпаги.

Это правительство, которое, по меткому выражению Гарибальди, «стыдилось открыто объявлять себя республиканским», не очень охотно принимало услуги революционного полководца. Целый месяц Гарибальди ждал ответа на свое письмо. Но когда пруссаки начали осаду Парижа, к нему на Капреру приехал генерал Бурдон (сражавшийся в 1860 году в рядах «тысячи») и от имени французского правительства предложил ему выехать в Тур. 7 октября Гарибальди уже был в Марселе, а через несколько дней — в Туре, где находилось правительство национальной обороны. Массы встретили героя с любовью и энтузиазмом, правительство же оставалось в нерешительности.

Оно рассчитывало лишь воспользоваться, как говорит Гарибальди, его «несчастливым именем» и дать ему командовать несколькими сотнями добровольцев. Герой заявил о своем намерении немедленно покинуть

Францию. Тогда ему было поручено командовать всей так называемой Вогезской армией (около 8 тысяч человек), состоявшей из различных по национальности, но храбрых и воодушевленных молодых воинов. С этой армией Гарибальди разбил (21 ноября) 20-тысячную прусскую армию под командой знаменитого генерала Верде, причем в этой битве особо отличался младший сын Гарибальди, Риччиотти, командовавший полком. Сам Гарибальди, который во время этой войны был инвалидом и мог передвигаться лишь в коляске, все время находился на передовых позициях, на рекогносцировках, осматривал форпосты и т. д.

В январе 1871 года Гарибальди наголову разбивает прусскую армию при Дижоне и занимает столицу Бургундии. Но тут пришли вести о перемирии и о капитуляции Парижа. Гарибальди было предложено прекратить военные действия.

В это время происходили выборы в Национальное собрание; французский народ избрал Гарибальди своим представителем. 8 февраля Гарибальди явился в Бордо, чтобы подать «свой голос за несчастную республику». Но когда через несколько дней он вошел на заседание Национального собрания, он был встречен диким ревом Тьера и его шайки. Раздались возгласы, что Гарибальди не является французским гражданином и поэтому «незаконно» избран депутатом. Ему не дали даже выступить. Будущие палачи Парижской коммуны готовы были растерзать революционного полководца. Так французская буржуазия наградила Гарибальди за его геройскую защиту французской республики; этим она отплатила тому самому человеку, который, забыв про Ментану, повел своих сыновей на фронт сражаться в защиту тех, кто рад был всякому его поражению; так она встретила того самого человека, о котором Виктор Гюго заявил в ответ на вой клеветников, что он был «единственным из наших генералов, который не был побит» в войне 1870—1871 годов.

В тьеровской Франции Гарибальди больше нечего было делать: «У меня не было больше возможности сделать что-нибудь для страны, которой

я пришел на помощь в несчастье. Тогда я решил отправиться в Марсель, а оттуда на Капреру». Капрерский отшельник прибыл в свое убежище 16 февраля 1871 года. Так кончился последний поход народного героя. После этого он вынужден был заняться неприятной для него работой — писанием мемуаров.

Перед тем как описать остаток жизни Гарибальди, коснемся его борьбы с мадзинистами и бакунистами по вопросу об отношении к Интернационалу и Парижской коммуне.

В конце 60-х годов, как только в Италии начали создаваться секции Интернационала, Мадзини сейчас же начал борьбу против них. Эту борьбу Мадзини и его сторонники усилили в 1871 году в связи с ростом как самих секций, так и их влияния среди рабочих. В противоположность социалистическим принципам и практической деятельности Интернационала Мадзини выдвинул утопическую теорию соединения труда с капиталом и всячески выступал против стачек. В противовес конгрессам и конференциям Интернационала мадзинисты созывали свои конгрессы. О принципах Интернационала Мадзини открыто заявил, что он «предпочел бы восстановление австрийского владычества распространению в Италии этих лживых и зловредных идей». Тогда Гарибальди решил выступить в защиту Интернационала против разрушительной деятельности Мадзини. Гарибальди пишет с Капреры письма многим политическим деятелям, сторонникам Мадзини, и указывает на необходимость поддержки Интернационала; он адресует свои письма конгрессам мадзинистов, стремясь склонить их на сторону Интернационала¹.

Свой взгляд на Интернационал Гарибальди высказал наиболее ярко в письме к Паллавичино от 14 ноября

¹ Одно из таких писем, адресованное председателю мадзинистского конгресса в Риме Цестони, Энгельс особо приветствует и указывает, что оно «имеет для нас огромное значение». Это письмо было опубликовано в органе германской социал-демократии и Интернационала «Der Volksstaat» от 16 декабря 1871 года.

См. письмо Энгельса к Теодору Куно от 13 ноября 1871 года, Соч. Маркса и Энгельса, т. XXVI, стр. 170.

1871 года, написав, что «Интернационал — солнце будущего» («L'Internationale e il sole dell'avenire»).

Аналогичная борьба происходила по вопросу об отношении итальянской демократии к Парижской коммуне. Мадзини резко выступил против Коммуны за непризнание ею частной собственности и за ее борьбу против религии. После ее падения он ехидно посмеивался над ней, говоря, что «Париж впервые один поднялся и пал одиноко». Гарибальди же горячо сочувствовал Парижской коммуне и поддерживал ее. После провозглашения Коммуны ее деятели обратились к Гарибальди, чтобы он возглавил ее военные силы и, не дождавшись ответа, заочно избрали его главнокомандующим Национальной гвардии. Гарибальди отказался, мотивируя это плохим состоянием своего здоровья, и рекомендовал некоторых из своих сподвижников, которые, по его мнению, могли бы организовать оборону Коммуны. Возможно, что этот отказ Гарибальди был связан также с тем, что в его памяти еще была свежа та ненависть, с какой он был встречен в Бордо всего месяц назад (вместо благодарности за свое участие в борьбе за свободу французского народа). Но вместе с тем он всегда выступал против всех клеветавших на Коммуну. Когда бывший друг Гарибальди Паллавичино, ставший либералом, после падения Парижской коммуны всячески осуждал ее решительные действия и позорил героических коммунаров, Гарибальди выступил в защиту людей, «штурмовавших небо», и написал ему: «Кто дал вам право бросать грязью в павших? Вы предаете Париж анафеме, но за что? За то, что он разрушил домик Тьера? За то, что опрокинул Вандомскую колонну?»

Герой, сам совершавший великие подвиги, умел оценить подвиги масс и после их поражения.

Гарибальди выступал не только против мадзинистов, но и против другой секты, которая вела разлагающую деятельность в Интернационале, — против бакунистов. М. Бакунин уже давно начал «обрабатывать» Гарибальди, но безуспешно.

Когда в ноябре 1864 года Бакунин уехал по по-

ручению Маркса в Италию организовать секции Интернационала, тот указал ему на важность привлечения Гарибальди к Интернационалу и поручил передать герою «Адрес», принятый на учредительном конгрессе. Однако, как потом выяснилось, Бакунин и не думал работать в Италии в пользу Интернационала, а начал создавать там свои раскольнические секты. Гарибальди он старался также привлечь на свою сторону.

Для того чтобы скрыть от Маркса свою раскольническую деятельность, Бакунин писал ему:

«Вот причина моего молчания: согласно твоему желанию, я послал Гарибальди один экземпляр «Адреса» Интернационального комитета и до сих пор ожидаю его ответа»¹.

Это был обман. Гарибальди не ответил Бакунину потому, что тот начал навязывать ему свои анархические теории, с которыми он не мог согласиться; позднее Гарибальди публично выступил против бакунистов. Особенно сильно бакунисты начали «обрабатывать» Гарибальди в 1871 году, когда разлагающая деятельность их «Альянса» дошла до высшей точки и они повели бешеную борьбу против только что начавшего складываться в Италии марксистского течения.

Всеми способами они старались привлечь Гарибальди на свою сторону и хотели воспользоваться его именем для выступления против тех, кто придерживался «авторитарного принципа», т. е. против сторонников Маркса в Интернационале.

Один из видных бакунистов, Крешио, основал газету «Avenir sociale» («Социальное будущее») и послал эту газету Гарибальди с просьбой о поддержке и сотрудничестве. С первого же номера газета заполнялась яростными нападка на «авторитарный принцип». Гарибальди выступил в защиту этого «авторитарного принципа» и не поддавался влиянию анархистов. Прочитав газету, Гарибальди отправил редактору письмо, в котором, поблагодарив его за «внимательность», писал:

¹ М. Бакунин, Письмо к Марксу от 7 февраля 1865 года. См. Материалы для биографии М. Бакунина под ред. В. Цолонского, т. III, Изд, 1928 г., стр. 136.

«Вы хотите в вашей газете объявить войну лжи и рабству. Это — прекрасная программа. Но я думаю, что борьба с «авторитарным принципом» является одной из главных ошибок Интернационала (т. е. бакунистских секций, которые тогда преобладали в Италии. — *В. Н.*), препятствующих его успехам. Парижская коммуна пала потому, что в Париже не было авторитарной власти, а была только анархия». Энгельс в статье о положении в Интернационале с удовольствием цитирует это замечание: «Старый борец за свободу, который в одном 1860 году сделал больше, чем попытаются сделать когда-либо на своем веку все анархисты, вместе взятые, знает цену дисциплине...»¹

Таким образом, в то время как после воссоединения Италии мадзинисты повернули вправо и повели бешеную борьбу с марксизмом и рабочим движением, Гарибальди, наоборот, полевел, но все же оставался таким же мелкобуржуазным революционером, как и раньше. Однако Гарибальди выступал на защиту тех новых организаций и учреждений (Интернационал и Парижская коммуна), которые в то время являлись истинными выразителями интересов народных масс и без которых невозможно было идти дальше — вперед к дальнейшему освобождению человечества. Бакунин в письме к одному из руководителей итальянской секции Интернационала, стороннику «авторитарного принципа», Людовику Набруцци, писал, что следовать за Гарибальди — «несчастье» и что «глубокое, инстинктивное его (Гарибальди. — *В. Н.*) понимание народного дела, которое никогда не изменяло ему в важных случаях, и теперь побудило его открыто выступить в защиту Парижской коммуны и Интернационала... Однако там, где дело касается фактов, он с нами, где дело касается теории, он против нас. *Idee fixe* его — диктатура, а нет ничего столь противного социальной революции, как диктатура»².

¹ Энгельс, В Интернационале, Соч. Маркса и Энгельса, т. XV, стр. 104.

² М. Бакунин, Письмо к Людовику Набруцци от 3 января

Таким образом мы видим, что там, где дело касается взглядов, революционной борьбы, Гарибальди способен и готов был пойти на большие подвиги. И Гарибальди никак не мог согласиться с анархической доктриной и проповедью Бакунина, а скорее придерживался взглядов сторонников «авторитарного принципа». Гарибальди поддерживал марксистский Интернационал и Парижскую коммуну не столько благодаря пониманию их принципов и согласию с ними, сколько благодаря инстинктивному чувству, что только они способны избавить народные массы от всякого гнета и обеспечить им свободу.

В тихом уединении на острове Капрера Гарибальди принялся за свои мемуары, начатые им уже давно. Он их закончил в 1872 году. К этому же времени относятся попытки Гарибальди запечатлеть в художественной форме события его богатой разнообразием жизни. Он пишет и издает несколько романов, которые, впрочем, как художественные произведения — не на высоте. (Один из его романов, «Clelia», переведен на русский язык под заглавием «Иго монахов, или Рим в XIX веке».) Они написаны с большой искренностью, однако носят скорее характер хроникерских записей, чем художественных произведений, и ценны лишь как хорошее дополнение к мемуарам Гарибальди.

В свободное от литературных занятий время Гарибальди занимался сельским хозяйством. Трудолюбивый плебей превратил свой маленький хутор на скалистом острове в цветущий плодоносный сад.

Посетивший Гарибальди Герцен писал: «В своем хуторе Гарибальди так антично велик, так простоушен, как описание Гомера, как греческая статуя. Нигде — ни риторики, ни декорации, ни дипломатии».

Гарибальди получал от рабочих организаций, особенно от английских, различные сельскохозяйственные машины для своего хозяйства. Итальянские рабочие организации избирали его своим почетным членом. Их

1872 года. См. Материалы для биографии М. Бакунина под ред. В. Полонского, т. III, Изд, 19-8 г., стр. 313.

делегации всегда встречали самый радушный прием на острове Капрера. Гарибальди говорил им: «Как мне хорошо с вами! Я сам — работник, происхожу от работников и горжусь этим». Гарибальди постоянно сотрудничал в некоторых рабочих газетах.

В начале 1874 года, избранный в парламент, Гарибальди приезжает в Рим, впервые после присоединения «вечного города» к Италии. Рим встретил ветерана революции восторженными овациями. В день его приезда по улицам города буквально нельзя было пройти. Овации были так сильны, что вызвали ревность Виктора-Эммануила. Он заявлял с досадой: «Все Гарибальди и Гарибальди! Чем же я провинился перед римлянами?»

В эти же годы (первая половина 70-х годов) Гарибальди принимает участие в возникшем после воссоединения Италии движении ирредентистов (от слов «Italia irredenta» — неосвобожденная Италия). Это движение имело своей целью присоединение к Италии территорий с итальянским населением, оставшихся еще под властью Австрии и Франции (Южный Тироль, Триест, Ницца и др.). Гарибальди выступает на многих митингах, издает воззвания и прокламации (в которых он, между прочим, отстаивает последовательный республиканизм, не идя на уступки возникавшему уже в то время национализму и шовинизму) и, несмотря на свой возраст, готов ринуться в бой, чтобы окончательно освободить Италию.

Однако во второй половине 70-х годов в настроении старого героя появляются нотки, полные пессимизма. Гарибальди уходит от политической жизни. Причиной этого были не только болезнь и мучительные физические недуги, которыми он страдал последние 7—8 лет своей жизни. Гарибальди увидел, что после воссоединения Италия стала буржуазной монархией. Та цель, которой он посвятил всю свою жизнь, полную беззаветного героизма и самоотверженности, не была достигнута: свободной и демократической Италии не существовало; был укреплен блок торгового промышленной буржуазии с помещиками. Он видел далее, как многие

из его бывших товарищей, становясь ренегатами, превращались буржуазным миром в цепных собак капитала и помогали правящим классам душить революционное движение. Все это приводило его к глубокому разочарованию.

«Меня можно обвинить, — писал Гарибальди, — в пессимизме... После того как в течение большей части жизни моей я верил в улучшение человеческого рода, теперь, когда я вижу столько страдания и испорченности в этом так называемом буржуазном веке, меня охватывает глубокая горечь...»

К тому же болезнь с каждым днем все больше сковывала старого солдата революции. В последние годы жизни у него были парализованы ноги и руки. Он не мог даже писать. Во время этих своих физических страданий герой Италии находился в нужде.

Парламент вотировал пенсию инвалиду всех освободительных войн Италии. Но гордый плебей отказывался от подачек буржуазии и предпочитал жить в нужде. Свое решение парламент подтверждал несколько раз, но больной упорствовал, заявляя, что он не может принимать никаких денежных пособий, когда страна находится в тяжелом финансовом положении. Лишь по настоянию членов семьи, находившихся в такой же нужде, как и он сам, Гарибальди согласился (в 1876 году) принять единовременное 100-тысячное пособие. Но и это впоследствии дало повод врагам демократии к злобной клевете на бескорыстного и кристально чистого революционного борца.

Однако никакими деньгами уже невозможно было вернуть здоровье человеку, который провел всю свою жизнь на полях сражений. Все видели, что близится конец этой славной жизни.

2 июня 1882 года телеграф разнес по всему миру печальную весть: Гарибальди умер. Вся Италия облеклась в траур; итальянский народ чувствовал, что потерял лучшего из своих сынов. На остров Капрера со всей Италии съехались представители демократии и различных рабочих организаций. Приехали делегации из-за границы. На похоронах присутствовали пред-

ставители парижского муниципалитета и делегация от родного города героя — Ниццы, принадлежащей теперь Франции. В день похорон во многих городах Италии происходили демонстрации, собиравшие десятки тысяч человек. Рабочие шли с красными знаменами и портретами Гарибальди и пели «Гарибальдийский гимн» и «Интернационал». В похоронном шествии выделялась колонна бородатых ветеранов-гарибальдийцев со своими старыми, истрепанными знаменами, сохранившимися еще со времени Монтевидео и защиты Римской республики. В некоторых городах во время демонстраций в день похорон произошли столкновения между рабочими и полицией. В Мантуе вмешались войска, несколько демонстрантов было ранено.

Еще при жизни Гарибальди складывались песни, былины о его великих подвигах; авторы их оставались неизвестными. Но и ряд лучших итальянских писателей революционной демократии связали свое творчество с именем Гарибальди и его героическими делами. Некоторые из писателей и поэтов демократии, как например Ипполито Ньево, складывали свои стихи под свист пуль и ядер, сражаясь в рядах гарибальдийцев. Из произведений крупных итальянских писателей и поэтов, посвященных Гарибальди, в Италии особо известностью пользуются: «Песни гарибальдийца» Ипполито Ньево, «Гимн Гарибальди» Луиджи Меркантини, «Семеро солдат» Алеардо Алеарди, «После Аспромонте» Джозуэ Кардуччи. Большинство других произведений этих писателей также связано с национально-освободительным движением и с именем Гарибальди.

Народ складывал много легенд о своем герое. Так, согласно одной из них, которая была особенно распространена в Южной Италии, Гарибальди был убит презренными австрийцами во время осады Газты. Но у него есть 12 братьев — все белокурые, прекрасные и храбрые, как дядя Пе (уменьшительное от Джузеппе). Они-то и действуют после его смерти на благо итальянского народа...

В сборнике народных сказаний о Гарибальди, со-

бренных С. Морино, мы находим много песен, которые через десятки лет после смерти героя женщины юга распевали своим детям у колыбели.

Итальянский народ любил и любит Гарибальди потому, что он воплощал в себе лучшие народные черты; все «волшебство» Гарибальди и его притягательная сила заключались в том, что он был выразителем заветных желаний и чаяний широких масс и беззаветно боролся за их осуществление. Вот почему итальянский народ долго будет почитать память своего великого сына.

После смерти Гарибальди ему были воздвигнуты памятники во многих городах Италии. Первый памятник был воздвигнут в Лекко в 1884 году. Затем были установлены памятники Гарибальди в Венеции (1887 г.), Вероне (1887 г.), Ницце (1891 г.) и в других местах.

VI. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Всю жизнь Гарибальди посвятил одной цели — освобождению итальянского народа от своих и иностранных угнетателей, созданию единой и свободной Италии. Когда Гарибальди начал свою политическую деятельность, передовым классом в борьбе за национальную независимость Италии была итальянская революционная буржуазия, представляемая отчасти мадзиниевской партией. Гарибальди встал в ряды этих передовых бойцов за освобождение Италии. Однако мадзиниевская республиканская партия, отражавшая интересы мелкой буржуазии, будучи партией революционной, не была вполне последовательной в своей борьбе за национальное освобождение Италии. Она проявляла нерешительность и колебания, свойственные мелкой буржуазии, и боялась (да и не могла) довести борьбу со своим классовым врагом до победы. Эти же слабости и колебания были присущи и Гарибальди — одному из вождей национально-освободительного движения и активному деятелю партии. Будучи мелкобуржуазным революционером, он, как это и свойственно этому типу революционеров, колебался в своей деятельности между пролетарскими массами и буржуазией. Главная беда (но не вина) Гари-

Могилы Гарсибальде на Карпоре.

бальди состояла в том, что он не был вооружен стройной теорией и ясной политической программой (будущее устройство общества ему представлялось весьма смутно), и поэтому он часто давал себя использовать в интересах чуждого ему класса. Но несмотря на все свои колебания, революционный демократ у Гарибальди всегда брал верх. Италия времен Гарибальди, как указывал Ленин, была Италией «революционно-демократической, т. е. революционно-буржуазной»¹. Колебания Гарибальди не являлись, так сказать, колебаниями идеологического порядка: в сторону от республиканизма Гарибальди никогда не колебался; он во всей своей практической деятельности действовал как убежденный республиканец и никогда не отказывался от своих республиканских принципов. Все колебания Гарибальди шли по линии выбора средств, — как лучше осуществить свои республиканские планы, как скорее достичь освобождения Италии. И не будучи вооружен революционной теорией, он в этом отношении часто сбивался на «политиканство», на «голый практицизм», как говорил Энгельс. Он часто готов был пойти на любые союзы, лишь бы достичь хотя бы незначительного практического результата, но при этом он никогда не забывал о конечной цели.

Великие вожди и учителя международного пролетариата Маркс и Энгельс с величайшим вниманием следили за каждым шагом в деятельности Гарибальди. Они держали с ним связь и старались воздействовать на него. Критикуя его слабости и ошибки и стараясь помочь ему исправить их, они всегда отдавали должное его отваге и беззаветной преданности революционному делу и защищали его от всяких нападок и клеветы. Для уяснения отношений Маркса и Энгельса с Гарибальди чрезвычайно интересно письмо Энгельса к Теодору Куно. Вместе с тем это же письмо, написанное в конце 1871 года, т. е. тогда, когда политическая жизнь Гарибальди подходила к концу, как бы под-

¹ Ленин. Имперализм и социализм в Италии, Соч., т. XVIII, стр. 289, изд. 3-е.

Бюст Гарибальди. Работы скульптора Е. Роса
(Римский музей, Галерея современного искусства).

водит итог всем предыдущим оценкам Маркса и Энгельса деятельности Гарибальди.

«Сегодня утром, — пишет Энгельс, — я видел у Маркса Риччиотти Гарибальди (младший сын Гарибальди. — В. Н.); — это очень интеллигентный молодой человек, очень спокойный, но скорее солдат, чем мыслитель. Он может, однако, стать очень полезным. Ведь и старик в своих теоретических взглядах проявляет больше доброй воли, чем ясности...

Если его сыновья в моменты всех великих кризисов проявят такой же правильный инстинкт, как и старик, то они смогут многое сделать.

Не могли ли бы Вы добыть для нас надежный адрес в Гспуе? Дело в том, что необходимо надежным путем переслать наши издания старику на Капреру, а Риччиотти Гарибальди говорит, что многое перехватывается»¹.

Таким образом, после всей той критики Маркса и Энгельса (которую мы привели выше) в продолжение всей деятельности Гарибальди, Энгельс в 1871 году считает, что в моменты великих кризисов Гарибальди проявлял правильный инстинкт. Наглядным образом эта оценка Энгельса подтверждается отношением Гарибальди к Интернационалу и Парижской коммуне. Еще в революцию 1859—1860 годов Гарибальди убедился, насколько кавуровская контрреволюционная клика сумела воспользоваться его нерешительностью и слабостями и плодами его победы. Всего через два года после этой революции Гарибальди уже вступает в бой с армией короля-«джентльмена» Виктора-Эммануила. Но и господствующий класс понял, что больше ему не удастся использовать народного героя в своих интересах, и правительство начинает применять против Гарибальди те же меры, какие против него применялись в 30-е годы, т. е. террор. Мы видели, как Виктор-Эммануил, поняв ту опасность, которую представлял Гарибальди для монархии, несколько

¹ Энгельс. Письмо к Теодору Куно от 13 ноября 1871 года. Соч. Маркса и Энгельса, т. XXVI, стр. 170.

раз арестовывает его, и только народное возмущение заставляет освободить героя.

Когда во второй половине 60-х годов в Италии начинают оформляться рабочие организации и возникает самостоятельное рабочее движение, Гарибальди увидел новую восходящую звезду — пролетариат, и к нему народный герой начинает теперь обращать свои взоры. Термин «работник» начинает у Гарибальди отделяться от термина «народ». После окончательного воссоединения Италии, установления конституционной монархии, Гарибальди понял, что всей своей беззаветной борьбой он связал свою судьбу не с пришедшим к власти классом, что не этот класс несет свободу массам. Он увидел, что свободу несет новый класс, создавший Парижскую коммуны — «солнце будущего».

Необходимо отметить, что Парижская коммуна еще больше укрепила у Гарибальди его старое убеждение, что невозможно достичь действительного освобождения народных масс, не установив диктатуры народа. Гарибальди не дошел до понимания необходимости диктатуры пролетариата, но он был горячим сторонником революционно-демократической диктатуры.

Это убеждение, что нельзя дать свободу врагам народа и что народ должен установить свою диктатуру, в дальнейшем укрепились у Гарибальди. В предисловии к своим мемуарам, написанном в 1872 году, Гарибальди указывает, что победивший народ не должен давать свободу «пиявкам, шакалам и убийцам» — капиталистическим эксплуататорам. В своих мемуарах он писал:

«Плачевно плох метод управления той страной, где общественные деньги служат для подкупа той части нации, которая должна была быть неподкупной: депутатов парламента, офицеров и служащих всех категорий».

Все эти убеждения Гарибальди вместе с его беззаветной, ничем не запятнанной борьбой за дело народа приближали его к пролетариату. Однако, когда Гарибальди увидел пролетариат, он уже был стар и почти весь славный жизненный путь его был позади. А всего сделанного нельзя было уже зачеркнуть. Гарибальди

не был пролетарским революционером. До марксистского понимания классовой борьбы он не дошел. По своим общественным воззрениям он оставался мелкобуржуазным утопическим социалистом: избавление общества от зом он себе представлял путем и мущественного уравниения всех граждан, организации взаимопомощи и кредита и т. д. Гарибальди видел (и неустанно вел) классовую борьбу, но он думал, что при «разумной» организации ее можно изжить еще в классовом обществе. Все эти взгляды Гарибальди на переустройство общества были довольно туманны и для него самого.

Однако заслуги Гарибальди перед итальянским народом велики, и народ это знает и ценит. Итальянские фашисты стремятся использовать былую славу Гарибальди и любовь к нему народных масс в своих интересах. «Муссолини усиленно старается нажить капитал на героическом образе Гарибальди», — говорил т. Димитров в своем докладе на VII конгрессе Коминтерна. Современная фашистская литература Италии объявляет Гарибальди «своим» и ищет в нем предшественника кровавого фашизма. Фашистам Италии вторят фашисты Германии. Германский фашистский историк Дреслер в своей работе о Гарибальди заявляет, что «современные итальянцы с полным правом видят в Гарибальди предшественника и подготовителя фашизма».

Но это — наглая ложь и обман! Напрасно славным именем Гарибальди фашисты хотят оправдать свою кровавую диктатуру. Гарибальди был сыном своего народа. Таких людей современная буржуазия, создавшая фашизм, не может выдвинуть из своих рядов; фашисты создают совершенно другой вид «геройства»: кровавую расправу с народными массами, с рабочими и крестьянами. Гарибальди воплощал в себе все лучшее, что только может дать революционному движению мелкая буржуазия, когда она идет в ногу с пролетарскими массами. Старое, изношенное в полувековой освободительной борьбе знамя, под которым сражался Гарибальди, подняли, конечно, не фашисты. Итальянские фашисты, претендующие на идейное наследство народного героя,

ытались растоптать и обогрили кровью народов это знамя свободы в Европе и Африке. В воззвании ЦК компартии Италии по поводу итало-абиссинской войны, написанном в апреле 1935 года, говорилось:

«Знамя, перешедшее из рук Пизакане и Гарибальди в руки Андреа Коста и пионеров социалистического движения, сейчас в руках компартии, единственной партии, способной держать его высоко и идти с ним во главе народа в новые бои за хлеб, за мир, за свободу, против новых эксплуататоров и угнетателей нашей страны»¹.

На VII конгрессе Коминтерна тов. Эрколи, говоря о разбойничьей войне фашистов в Абиссинии, указывал:

«Революционные традиции итальянского народа, традиции добровольческих легионов Гарибальди, — эти традиции, во имя которых первые итальянские интернационалисты с неподдельным энтузиазмом вступали в ряды борцов в Польше и в Венгрии, в Греции и Южной Америке, везде, где развевалось знамя борьбы за национальную свободу, эти традиции побуждают итальянских трудящихся встать на сторону абиссинского народа, против фашистской буржуазии»².

Единственным наследником революционных традиций народного героя Гарибальди, беззаветно боровшегося за освобождение Италии, является революционный итальянский пролетариат и его партия — Коммунистическая партия Италии, отбросившая все узкое и ограниченное в традициях и демократизме этого мелкобуржуазного революционера и поднявшая борьбу за освобождение Италии на новую ступень — за завоевание подлинно народной демократии в форме власти Советов.

¹ См. журн. «Коммунистический Интернационал», № 31—32, 1935 г., стр. 63—64.

² Эрколи, О задачах Коммунистического Интернационала в связи с подготовкой империалистами новой мировой войны, Партиндат, 1935 г., стр. 50.

СТАТЬИ И ПИСЬМА МАРКСА И ЭНГЕЛЬСА О ГАРИБАЛЬДИ

А. Статьи

- Маркс, Положение дел в Пруссии, Соч. Маркса и Энгельса, т. XII, ч. 2.
Маркс, Интересные новости из Сицилии, там же.
Маркс, Бурный митинг, там же.
Маркс, Митинг в честь Гарибальди, там же.
Маркс, Митинг гарибальдийцев, там же.
Энгельс, Стратегия войны, Соч. Маркса и Энгельса, т. XI, ч. 2.
Энгельс, Гарибальдийское движение, там же, т. XII, ч. 2.
Энгельс, Гарибальди в Сицилии, там же.
Энгельс, Продвижение Гарибальди, там же.
Энгельс, Гарибальди в Калабрии, там же.
Энгельс, В Интернационале, там же, т. XV.
Энгельс, Сила и экономика в образовании германской империи, изд. «Красная новь», М. 1923 г.

Б. Письма

- Маркс, Письмо к Энгельсу от 27 мая 1859 г., Соч. Маркса и Энгельса, т. XII.
Маркс, Письмо к Энгельсу от 1 июня 1859 г., там же.
Маркс, Письмо к Лассалю от 2 октября 1860 г., там же, т. XXV.
Маркс, Письмо к Энгельсу от 15 сентября 1860 г., там же, т. XXII.
Маркс, Письмо к Лассалю от 15 сентября 1860 г., там же, т. XXV.
Энгельс, Письмо Марксу от 4 ноября 1859 г., там же, т. XII.
Энгельс, Письмо Марксу от 1 октября 1860 г., там же.
Энгельс, Письмо к Теодору Куно от 13 ноября 1871 г., там же, т. XXVI.
Маркс, Письмо к Лассалю от 16 января 1861 г., там же, т. XXV.

Карта воссоединения Италии.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	<i>Стр.</i>
От автора	3
Предисловие	5
I. Детство и юность. Начало политической деятельности . . .	13
II. Изгнание. Борьба в Южной Америке	23
III. Гарибальди в революции 1848 года	33
IV. Гарибальди в войне и революции 1859—1860 годов (Осво- бождение Южной Италии)	60
V. Борьба Гарибальди за завершение воссоединения Италии .	112
VI. Заключение	138
Статьи и письма Маркса и Энгельса о Гарибальди	146
Карта воссоединения Италии	147